This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

БИБЛІОТЕКА
П. Р.
№ 195
Отд. IX.5

Slav 3035.200

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

915.4

Записки ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества
по отдѣленію Этнографіи.
Т. XXVIII, вып. I.

Г. Т. Хохловъ.

Путешествіе уральскихъ казаковъ

въ „Бѣловодское царство".

Съ предисловіемъ **В. Г. Короленко.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія „Герольдъ" (Вознесенскій просп., № 3).
1903.

Δ

Siar 3035.200

V

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
MAY 23 1962

Печатано по распоряженію ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества.

Библиотека Госуд. Центр. Музея Народоведения
Инв. № 1379

Издано подъ редакціей дѣйствительнаго члена общества С. Ф. Ольденбурга.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Лѣтомъ 1900 года мнѣ пришлось провести нѣсколько недѣль въ области Уральскаго войска. Отъ моихъ знакомыхъ въ гор. Уральскѣ я слышалъ, что за два года передъ тѣмъ три казака совершили очень интересное и далекое путешествіе въ Индокитай и Японію, разыскивая миѳическое „Бѣловодское царство". Путешествіе это было изложено однимъ изъ участниковъ (Варс. Данил. Максимычевымъ) на страницахъ мѣстной газеты, а затѣмъ издано отдѣльной брошюркой, которую, какъ мнѣ говорили, жадно покупало казачье населеніе. Къ сожалѣнію, въ то время мнѣ не могли достать ни одного экземпляра этой брошюры, ставшей тогда по разнымъ причинамъ библіографическою рѣдкостью [1]).

Въ іюлѣ того же года я совершилъ поѣздку по казачьимъ станицамъ средняго Урала, и здѣсь учитель войсковой школы Кирсановской станицы сообщилъ мнѣ, что другой изъ этихъ путешественникоръ,казакъ Григорій Терентьевичъ Хохловъ, живетъ въ Кирсановѣ и въ настоящее время находится въ станицѣ. По моей просьбѣ, любезный хозяинъ пригласилъ его къ себѣ, и такимъ образомъ я познакомился съ авторомъ путешествія, предлагаемаго теперь вниманію читателей. Оказалось, что во все время своихъ странствій онъ съ чрезвычайной обстоятельностію велъ путевой дневникъ. Это была небольшая, обыкновенная записная книжка, съ французскимъ словомъ „Notes" на обложкѣ, но внутри вся исписанная очень убористо, по старинному полууставомъ. По моей просьбѣ Григорій Терентьевичъ согласился возстановить свои впечатлѣнія, и изобразилъ ихъ гражданскимъ письмомъ въ объемистой рукописи, которую и прислалъ мнѣ впослѣдствіи.

---

[1]) Впослѣдствіи мнѣ ее достали. Къ сожалѣнію, изложеніе автора подверглось чьей то слишкомъ сильной передѣлкѣ.

Онъ позволилъ мнѣ сдѣлать изъ нея выдержки, которыя и были напечатаны въ моихъ очеркахъ [1]), а я, въ свою очередь, обѣщалъ похлопотать объ отдѣльномъ изданіи всего путешествія, причемъ, кромѣ естественнаго желанія видѣть свой трудъ въ печати, — авторомъ очевидно руководило также стремленіе ознакомить своихъ единовѣрцевъ съ труднымъ и тщетнымъ опытомъ отысканія сказаннаго Бѣловодскаго царства.

Для того, чтобы читателю, незнакомому съ предметомъ этихъ исканій, было понятнѣе все нижеслѣдующее, я считаю нелишнимъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ поясненій.

Авторъ путешествія самъ называетъ себя и своихъ товарищей „никудышниками". Это слово, происходящее отъ нарѣчія „никуда", обозначаетъ на Уралѣ людей, которые, не признавая современнаго священства греко-россійской церкви, не присоединились также ни къ одному изъ „поповскихъ" старообрядческихъ согласій. Это не значитъ однако, что они отрицаютъ самое начало церковности и священства. Совершенно наоборотъ. Передъ воображеніемъ „никудышника", яраго отрицателя всѣхъ реально-существующихъ церковныхъ формъ, — носится мечта о „настоящемъ", чистомъ преемствѣ благодати отъ апостоловъ, о какой-то особенной іерархіи, которая избѣгнувъ „никоновой прелести" и порчи, сохранила во веей чистотѣ и догматы и обряды „древняго" до никоновскаго православія.

Поиски этой іерархіи проходятъ живою красною нитью черезъ всю исторію старообрядчества съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ первое, застигнутое великимъ церковнымъ расколомъ, поколѣніе духовенства постепенно вымирало, оставляя паству безъ священниковъ. На этой почвѣ и началось дробленіе старообрядчества, смотря по тѣмъ пріемамъ, какими оно стремилось разрѣшить этотъ болящій вопросъ и восполнить недостатокъ священства. Одни, находя основанія въ апокалипсисѣ, рѣшили, что наступаетъ конецъ міра, и отказались отъ всякихъ поисковъ въ ожиданіи второго пришествія. Это — самая быть можетъ послѣдовательная хотя и наиболѣе удаленная отъ жизни часть русскаго старообрядства. По мѣрѣ того, какъ время шло, поколѣнія смѣнялись, а грозная труба второго пришествія все молчала надъ погрязшимъ въ грѣхѣ міромъ, настроеніе большинства старообрядцевъ должно было приладиться къ очевидному факту дальнѣйшаго существованія грѣшнаго міра. Отсюда двѣ попытки компромисса, давшія начало двумъ вѣтвямъ старообрядческаго священства. Обѣ исходятъ изъ признанія, что іерархическая преемственность, по слову

[1]) См. „Р. Бог." Ноябрь 1901 г., очерки „У казаковъ".

Христа, не могла быть прекращена даже временно. Значитъ она все-таки существуетъ непрерывно въ господствующей церкви, какъ источникъ мутный и загрязненный, но не изсякшій. Отсюда слѣдуетъ, что имъ можно пользоваться, принявъ лишь мѣры для очищенія того, что изъ него получается. Такимъ образомъ возникло согласіе „бѣлаго священства", заимствующаго всякими пріемами священниковъ у греко-россійской церкви, но принимающаго разныя мѣры для того, чтобы, не уничтожая самой благодати, очистить „никоніанскаго", попа отъ налета „никоніанской прелести". Само собою разумѣется, что найти священника, по убѣжденію и добровольно соглашающагося на это „исправленіе", чтобы затѣмъ вести внѣзаконное существованіе скитальца, — очень трудно и по большей части бѣглопоповцамъ приходится довольствоваться отбросами офиціальнаго священства. Это заставило старообрядцевъ обратиться къ другой формѣ того же, послѣдовательно развиваемаго компромисса: вмѣсто того, чтобы заимствовать священниковъ, поставляемыхъ греко-россійскими іерархами, стоило только найти епископа, который, самъ согласившись на „исправленіе" — могъ дать начало центральной старообрядческой іерархіи и поставлять затѣмъ священниковъ на обычномъ основаніи.

Отсюда возникла австрійская или Бѣлокриницкая іерархія. Въ 1846 году два инока-начетчика Павелъ и Алимпій, послѣ многихъ тщетныхъ поисковъ „правильной" церкви, познакомились въ Константинополѣ съ бывшимъ Босно-сараевскимъ митрополитомъ Амвросіемъ, который, по причинамъ политическаго свойства (ревностное заступничество за свою паству), былъ отозванъ съ епархіи и проживалъ въ Царь-градѣ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, Амвросій согласился переѣхать въ Бѣлокриницкій старообрядческій монастырь (въ австрійской Буковинѣ), гдѣ подвергся „исправленію" чрезъ мѵропомазаніе, на основаніи тщательно выработанныхъ правилъ „о чинопріятіи ереси", и положилъ начало новой старообрядческой іерархіи.

Такъ возникла и нынѣ существуетъ Бѣлокриницкая или иначе Австрійская іерархія, перенесенная въ 1849 году и въ Россію. Событіе это вызвало въ старообрядческомъ мірѣ огромное движеніе, нѣсколько „соборовъ" и цѣлую полемическую литературу, центромъ которой является личность и санъ бывшаго Босно-сараевскаго владыки. При этомъ прежде всего конечно возникалъ вопросъ: дѣйствительно ли Амвросій, въ то время, когда совершился его переходъ къ старообрядцамъ, сохранялъ ещу ту благодать, которую въ немъ искалъ старообрядческій міръ. То-есть — оставался ли онъ епископомъ, или, какъ увѣряли

его противники, вмѣстѣ съ епархіей онъ былъ также лишенъ и епископскаго сана. Отголоски этого спора читатель найдетъ въ своеобразномъ дипломатическомъ обращеніи казаковъ къ константинопольскому патріарху, — которымъ начинается путешествіе (гл. II), и которымъ оно заканчивается. Патріархъ, какъ увидимъ, сохранилъ краснорѣчивое молчаніе, и вопросные пункты уральскихъ вопрошателей остались безъ отвѣта.

Въ результатѣ движенія, вызваннаго изложеннымъ выше историческимъ событіемъ, только часть старообрядцевъ признала новую іерархію. Въ другой части усилилось теченіе къ единовѣрію, третья и самая, кажется многочисленная, — отвергла новый іерархическій компромиссъ, какъ отвергла прежніе, и осталась, со всѣмъ разнообразіемъ раздробившихся „толковъ“ и „согласій“, при прежнимъ отрицаніи всѣхъ существующихъ церковныхъ формъ, и при прежнихъ ожиданіяхъ и надеждахъ на какія то идеальныя формы, болѣе или менѣе „не отъ міра сего“.

Къ этимъ послѣднимъ принадлежатъ и уральскіе „никудышники“. Въ главѣ IX (стр. 68—74) читатель найдетъ чрезвычайно характерное, драгоцѣнное свой автобіографической подлинностію и очень краснорѣчивое изображеніе ихъ настроенія. На почвѣ этой жгучей духовной жажды, которой, при всей ея исключительности, нельзя отказать въ большой искренности и глубинѣ, и возникла легенда о сказочномъ „Бѣловодскомъ царствѣ“, въ которой пламенная мечта непримиримаго старообрядческаго міра получила яко бы осуществленіе въ качествѣ живой дѣйствительности.

Очень характерно, что возникновеніе этой легенды связывается съ именемъ нѣкоего Марка, инока Топъ-езерской обители (Арханг. губ.). Лицо это несомнѣнно, миѳическое, но совпаденіе именъ невольно напоминаетъ о другомъ путешественникѣ венеціанцѣ Марко-Поло, объѣхавшемъ въ XIII вѣкѣ много восточныхъ странъ и оставившемъ описаніе своихъ скитаній, ни мало, кажется не фантастическихъ для того времени, но теперь давно задернутыхъ уже загадочной дымкой отдаленнаго прошлаго. Есть еще одна черта, сближающая путешествія Марко-Поло съ фантастическимъ сказаніемъ Инока-Марка объ его путешествіи въ Бѣловодіи. По этому послѣднему сказанію, христіанство въ бѣловодскомъ царствѣ процвѣло отъ проповѣди апостола Ѳомы, и у Марко-Поло упоминается о странѣ, гдѣ жилъ и умеръ апостолъ Ѳома, признаваемый одинаково за святаго и христіанами и сарацинами[1]). Безъ сомнѣнія, этихъ совпаденій недостаточно для

[1]) *И. П. Минаевъ.* Путешествіе Марко-Поло. Изд. Импер. Русскаго Географич. О-ва, гл. CLXXVI.

точнаго опредѣленія источника данной легенды, но они придаютъ все таки нѣкоторую вѣроятность предположенію (высказанному мнѣ Батюшковымъ), что отголоски путешествія умнаго венеціанца могли отразиться отчасти на нашемъ сказаніи о скитаніяхъ топъезерскаго инока.

Легенда эта не нова и давно уже потрясаетъ простыя сердца своей заманчиво-мечтательной прелестію. Складывалась она постепенно, пробиваясь изъ глубины народнаго настроенія въ разныхъ, все болѣе опредѣляющихся формахъ. Такъ, еще одинъ изъ первоучителей старобрядства діаконъ Федоръ высказывалъ мнѣніе, что не всѣ патріархи „отступили отъ православія". „Патріархъ-де іерусалимскій по старому слагаетъ персты" и проклинаетъ Никона[1]). Но Іерусалимъ слишкомъ близко, и потому надежда на „неотступавшихъ отъ православія патріарховъ" постепенно отодвигается, пріурочиваясь то къ Антіохіи, то къ Абиссиніи, вызывая странствія и поиски. Неудачи этихъ поисковъ не охлаждали мечтателей, только самая мечта отодвигалась все дальше. Во второй половинѣ XVIII вѣка начали циркулировать въ старобрядческомъ мірѣ нѣсколько сказаній о странѣ, сохранившей правую вѣру отъ первыхъ вѣковъ христіанства, и между ними — то самое сказаніе инока Марка, съ которымъ читатель встрѣтится въ самомъ началѣ повѣствованія Григорія Терентьевича Хохлова и которое послѣдній, чисто по военному, называетъ „маршрутомъ". Въ этомъ путешествіи говорится, будто этотъ старецъ ходилъ въ Сибирь, добрался до Китая, перешелъ степь „Губарь" (Гоби) и дошелъ до „Опоньскаго государства" (Японіи), которое лежитъ „въ предѣлахъ окіяна-моря", называемаго Бѣловодіе. „Искавъ съ великимъ любопытствомъ и стараніемъ древняго благочестія православнаго священства, которое весьма нужно ко спасенію, онъ нашелъ въ Японіи „асирскаго языка 179 церквей", а также патріарха православнаго антіохійскаго поставленія и четырехъ митрополитовъ. А россійскихъ до 40 церквей, процвѣтающихъ всякимъ благочестіемъ.

Увѣренность въ дѣйствительности этой легенды доходило до того, что (какъ разсказываетъ П. И. Мельниковъ[2]), въ 1867 г. поселянинъ Томской губ. Бабылевъ подавалъ правительству о „Бѣловодскихъ епископахъ" особую записку. Въ 1839 году о томъ же заявлялъ Семеновскому исправнику одинъ старообрядецъ-бродяга, а въ сороковыхъ и потомъ въ 60-хъ годахъ были извѣстны случаи, когда изъ деревень Алтайскаго округа (Бух-

---

[1]) См. у Субботина. Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія (т. VI. — 161.

[1]) П. И. Мельниковъ. „Историч. очерки поповщины". М. 1864.

тарминской вол.) люди уходили за китайскую границу для отысканія „Бѣловодья“. Надо думать, что это тихое, малозамѣтное просачиваніе русскаго населенія въ китайскіе и тибетскіе предѣлы не прекращалось. Нѣкоторые изъ статистиковъ, изслѣдовавшихъ Алтайскій округъ, уже въ послѣдніе годы сообщали пишущему эти строки, что и въ настоящее время извѣстны еще случаи этихъ попытокъ проникнуть въ Бѣловодію черезъ таинственные хребты и пустыни средней Азіи. Нѣкоторые изъ этихъ искателей возвращаются обратно, перетерпѣвъ всякія бѣдствія, другіе не возвращаются совсѣмъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти „другіе“ погибаютъ гдѣ нибудь въ Китаѣ или въ суровомъ, негостепріимномъ и недоступномъ для европейца Тибетѣ. Но наивная молва объясняетъ это исчезновеніе иначе... По ея мнѣнію — эти пропавшіе безъ вѣсти остаются въ счастливомъ Бѣловодскомъ царствѣ. И это обстоятельство манитъ новыхъ и новыхъ мечтателей на опасности и на гибель.

Само собою разумѣется, что эта пламенная, но темная мечта даетъ также богатую почву для обмана. Всюду, гдѣ есть простодушная и темная вѣра, есть и охотники воспользоваться ею въ цѣляхъ корысти или своеобразнаго честолюбія. Въ своемъ весьма извѣстномъ и богатомъ этнографическими данными романѣ („Въ лѣсахъ“) Андрей Печерскій (П. И. Мельниковъ) рисуетъ очень яркую фигуру такого полу-обманщика, полу-мечтателя. Но дѣйствительность даетъ намъ еще болѣе яркую фигуру того же рода въ лицѣ часто-упоминаемаго въ путешествіи казаковъ „епископа Аркадія Бѣловодскаго“.

Факты изъ жизнеописанія этого по своему замѣчательнаго человѣка изложены въ брошюрѣ И. Т. Никифоровскаго [1]). Не пускаясь въ подробности, скажемъ только, что и теперь не вполнѣ установлено происхожденіе и личность этого интереснаго самозванца. Въ одномъ изъ показаній онъ назвалъ себя Антономъ Савельевымъ Пикульскимъ, сыномъ мелкаго чиновника, и за этимъ показаніемъ признано наибольшее вѣроятіе. Отецъ его, изъ крестьянъ, Кіевской губ., дослужился до оберъ-офицерскихъ чиновъ и умеръ въ Кіевѣ. Мачиха и братья признали въ Аркадіи своего родственника, но въ формулярномъ спискѣ Савелія Пикульскаго сынъ Антонъ не значится и въ показаніяхъ относительно возраста выходятъ трудно объяснимыя противорѣчія. Есть указанія на какія-то приключенія и тюремное заключеніе еще въ 1858 году. Затѣмъ, въ августѣ 1881 года загадочный человѣкъ

---

[1]) Къ исторіи „Славяно-Бѣловодской іерархіи“. Самара 1891. Кажется, теперь эта брошюра составляетъ библіографич. рѣдкость.

появляется въ Осташковѣ, именуя себя протоіереемъ села Зарехенскаго, Томской епархіи, быстро скрывается при появленіи полиціи, является въ Москвѣ уже подъ именемъ единовѣрческаго архимандрита; въ декабрѣ того же года въ одномъ письмѣ именуетъ себя „епископомъ Аркадіемъ“, въ 1882 — 1883 — выдаетъ себя за „противураскольничьяго миссіонера“, и наконецъ, очевидно ознакомившись съ легендой объ „Опоньскомъ царствѣ“ и „Бѣловодіи“, — окончательно утверждаетъ себя въ званіи „епископа Бѣловодскаго“, въ качествѣ каковаго является и на Уралѣ.

Дальнѣйшее видно будетъ изъ самаго изложенія Г. Т. Хохлова. Прабавлю только, что тамъ же, на Уралѣ, въ станицѣ Круглоозерной мнѣ довелось встрѣтить другихъ изслѣдователей этого вопроса, тоже казаковъ, которые изъѣздили чуть не всю Россію, чтобы собрать точныя данныя о личности самозваннаго архіепископа. Они снабдили меня, между прочимъ, нѣсколькими номерами „Пермскихъ губ. Вѣдомостей“, въ которыхъ была напечатана (изъ дѣла объ Антонѣ Савельевѣ Пикульскомъ, производившагося въ Пермск. Окр. судѣ) автобіографія Аркадія Бѣловодскаго и составленная грамота, которую онъ яко бы получилъ въ Бѣловодіи отъ „смиреннаго Мелетія, патріарха славяно бѣловодскаго, камбайскаго, японскаго, индостанскаго, индіянскаго, англо-индейскаго, остъ-индіи, и юстъ-индіи, и фестъ-индіи, и африки, и америки, и земли хили, и магеланскія земли, и бразиліи, и абисиніи“ [1]). Изложенная запутаннымъ, неправильнымъ старинным стилемъ, эта самодѣльная грамота подписана кромѣ „смиреннаго Мелетія“, еще „Григоріемъ Владиміровичемъ, Царемъ и Кралемъ Камбайскаго царства, индіи и магеланскія земли“, а также многочисленными митрополитами и епископами. Тутъ есть и „смиренный митрополитъ Александръ Лагоря града“, и „смиренный Ермогенъ — Гоа града, и „смиренный Василій — митронолитъ Нью-Іорка (!) града“ и „смиренный Захарій епископъ Амеяна (Аміена?) града въ Галіи“... Списокъ занимаетъ около 350 газетныхъ строкъ, причемъ составитель его, повидимому, старался не пропустить ни одной замѣтной страны ни въ одной части свѣта. Для „поставленія“ епископа Аркадія въ гор. Левскъ, столицу Бѣловодскаго царства, съѣхались очевидно епископы всего міра, начиная съ „смиреннаго Симеона, епископа Алторфа (Альтдорфъ?) града, неподалеку (!) отъ горы Готгарда“, — или еще болѣе смиреннаго „кесаря-архимандрита афанасіе-онуфріевскаго монастыря въ провинціи Алешенжо (?)“ и кончая болѣе близкими къ намъ — смиреннымъ Уамвлихомъ, архіепископомъ

---

[1]) См. „Пермскія губ. Вѣдомости“ 1899 г. №№ 247, 252, 253 и 278.

Толона града“, „Георгіемъ — архіепископомъ равенскимъ града рвина (!)“ и „Карпиліемъ, Анжерскаго града“. Авторъ этой грамоты составлялъ ее повидимому съ какимъ-нибудь стариннымъ учебникомъ географіи въ рукахъ, ни мало не заботясь трудностію—сводить въ одну епархію Нью-Іоркъ и Потози, Калькутту и Швейцарскій Аргау, Вальядолидъ и Парагвай. Столь-же нелѣпа, дѣтски наивна и невѣжественна автобіографія Аркадія, разсказъ его о путешествіи въ Бѣловодію и описаніе этой страны. Грустно подумать, что эта полуграмотная пачкотня способна еще и въ XX столѣтіи производить въ нашемъ отечествѣ свое дѣйствіе.

Теперь нѣсколько словъ о личности автора предлагаемаго путешествія и объ его рукописи. Какъ уже сказано, черновые наброски путешествія были сдѣланы полу-уставомъ. Полу-уставомъ-же, къ которому рука автора-казака очевидно болѣе привычна, сдѣланы въ переписанной рукописи надстрочныя и на поляхъ вставки и примѣчанія. Подготовляя ее для печати, я позволилъ себѣ только, для облегченія чтенія, разбить текстъ на главы и снабдить главы перечнемъ содержанія. Затѣмъ мною же исправлены всѣ чисто грамматическія ошибки въ написаніи словъ и разставлены знаки препинанія и абзацы. Въ остальномъ я сохранилъ въ неприкосновенности своеобразный и часто очень выразительный при всей неправильности слогъ автора. Слогъ этотъ, какъ читатель замѣтитъ, — очень неровный. Наряду съ наивной неповоротливостію изложенія — встрѣчаются съ одной стороны цѣлыя страницы, въ которыхъ непосредственное краснорѣчіе достигаетъ значительной выразительности и силы (напр. указанныя выше мѣста гл. IX), — съ другой страницы, напоминающія безцвѣтно-правильное изложеніе путеводителей и описаній, откуда вѣроятно онѣ и заимствованы. Такихъ мѣстъ немного. Затѣмъ— наряду съ формами архаическими, а также чисто народными или мѣстными словами, — попадаются выраженія въ родѣ: „соединились въ одинъ типъ съ мѣстными жителями“ (стр. 61), — „крикъ, потрясающій нервы (стр. 45), „трудно представить себѣ занятіе, болѣе неэстетичное (стр. 76). Все это, однако, не должно удивлять читателя. Даже болѣе, — это именно характерно для „землепроходцевъ“ нашего времени, соединяющихъ съ міросозерцаніемъ XV или XVI вѣка невольное знакомство съ внѣшностію современной культуры. Проѣзжая по Красному морю, наши путники вспоминали Моисея Боговидца и переходъ Израильтянъ. При этомъ они вглядывались въ волны, чтобы увидѣть,—„не вылазіютъ ли“ изъ моря поглощенные пучиною „фараоны“, чтобы спросить у путниковъ, скоро ли наступитъ свѣто-престовленіе. Такъ имъ говорили старые люди на

родинѣ. Отмѣтивъ это обстоятельство съ оттѣнкомъ нѣкоторой ироніи, авторъ переходитъ вскорѣ къ описанію электрическаго фонаря, который пронизывалъ тьму египетской ночи съ мачты французскаго парохода.

Эта двойственность проходитъ черезъ все путешествіе и отражается въ самомъ слогѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что только при міровоззрѣніи чисто дѣтскомъ или современномъ Марко-Поло можно придать серьезное значеніе наивно-невѣжественнымъ розсказнямъ топъ-езерскаго инока или Бѣловодскаго Аркадія. Невольно приходятъ въ голову самыя грустныя мысли при чтеніи фантастической грамоты бѣловодскаго епископа, въ которой Алтдорфъ, Аргау, Аміенъ, Ольмюцъ, даже Нью-Іоркъ, выстроены въ одинъ рядъ съ невѣдомой Бѣловодіей и задернуты одной завѣсой грубаго невѣжества и незнанія. Можно подумать, что самыя элементарныя географическія познанія для массы народа представляютъ еще грамоту за семью печатями, столь-же недоступную и и фантастическую, какъ и сказочная Бѣловодія. Не надо, однако, забывать при этомъ, что все путешествіе казаковъ, при незнаніи языковъ и безъ всякихъ пособій въ видѣ картъ или географическихъ сочиненій, — представляетъ психологически — настоящій подвигъ съ цѣлью критической провѣрки этихъ же невѣжественныхъ сказаній. Правда, и во время этого путешествія проявляется немало легковѣрія: авторъ вѣритъ, повидимому, въ „обжаренныхъ рыбокъ“, которыя „спрыгнули со сковородки“ во время завтрака Царя Константина въ день гибели Цареграда. Онъ даже заглядываетъ испытующимъ окомъ въ темную воду балыклинскаго бассейна, въ смутной надеждѣ увидѣть одинъ „ожаренный темно-красный“ бокъ этихъ рыбъ (стр. 19). Вѣритъ также и въ то, что у гостинницы, у которой останавливаются палестинскіе паломники и туристы, сохранилась (весьма кстати) та самая смоковница, на которой около двухъ тысячъ лѣтъ назадъ сидѣлъ Закхей въ ожиданіи Христа. Даже подлинный домъ добраго самарянина (изъ притчи!) не возбуждаетъ въ немъ особеннаго недовѣрія (стр. 39). Соляной столбъ, въ который, за любопытство, была обращена жена Лота, по его словамъ, потому не стоитъ до сихъ поръ близь Мертваго моря, — что „ее давнымъ давно увезли англичане“ (стр. 41), а въ городѣ Наблосѣ до сихъ поръ „сохранились признаки, гдѣ ушиблась, упавши съ верхняго этажа, Царица Іезавель и какъ собаки лизали ея кровь“ (стр. 35). Вообще, если отважные путники наши представляли довольно благодарный матеріалъ для эксплоатаціи и обмана, густой сѣтью раскинувшихся надъ современной Палестиной, то все же порой въ нихъ просыпается критика (напр. по поводу славянской над-

писи на иконѣ Дм. Солунскаго — стр. 25), а иной разъ какъ напр. въ размышленіяхъ о религіозной самонадѣянности (стр. 35) — проявляются признаки настоящей разумной терпимости. Какъ ни слабы эти движенія критической мысли, — не надо все-таки упускать изъ виду, что именно сомнѣніе въ подлинности маршрутовъ и сказаній Аркадія вызвало самое путешествіе. И если этотъ тяжелый и трудный „опытъ“ можетъ принести значительную пользу людямъ одного съ авторомъ настроенія, — то съ другой стороны — для читателей изъ культурнаго слоя, быть можетъ, главный интересъ сосредоточится на своеобразныхъ фигурахъ самихъ казаковъ-землепроходцевъ. Ихъ настроеніе, которое переноситъ мысль на нѣсколько вѣковъ назадъ и кажется такимъ архаическимъ, есть — и это слѣдуетъ помнить — настроеніе и міровоззрѣніе огромной части русскаго народа.

Я полагаю, эти соображенія служатъ достаточнымъ основаніемъ тому, что Географическое Общество рѣшило издать настоящее „Путешествіе уральскихъ казаковъ въ Бѣловодское царство“.

В. Короленко.

26 Мая 1903. Полтава.

Путешествіе уральскихъ казаковъ въ Бѣловодское царство.

I.

Поводы къ путешествію. — Разсказы о Бѣловодскомъ царствѣ. — Маршрутъ инока Марка. — Первая попытка путешествія казаковъ по почину донскаго казака Шапошникова. — Появленіе на Уралѣ „архіепископа" Аркадія, якобы поставленнаго въ Бѣловодіи. — Сомнѣнія въ подлинности его.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію нашего путешествія, я поясню читателямъ, что именно побудило насъ къ этимъ трудамъ. Въ текущемъ столѣтіи распространилось много письменныхъ маршрутовъ, указывающихъ, что на Японскихъ, Сандвичевыхъ и Аланскихъ островахъ народы цвѣтутъ христіанскимъ благочестіемъ отъ проповѣди Ѳомы апостола. Въ особенности маршрутъ подъ названіемъ инока Марка (бывшей Бѣлозерской обители), который будто бы самъ съ двумя товарищами путешествовалъ чрезъ Китайское государство и достигли этихъ острововъ и Бѣловодіи; на этихъ-де островахъ народы русскіе имѣютъ до 40 церквей съ полнымъ духовенствомъ и на сирскомъ языкѣ народы имѣютъ множество церквей и патріарха. Товарищи инока Марка остались навсегда тамъ, а самъ Маркъ возвратился обратно въ Россію и путешествіе свое подтверждаетъ Евангельскимъ словомъ. Слухъ этотъ для нашихъ, какъ называютъ, „никудышниковъ" *), желающихъ снабдиться древней хиротоніей священства, настолько показался правдоподобнымъ, что никудышники въ 60-хъ годахъ составляли нѣсколько съѣздовъ, на которыхъ совѣщались для отправленія депутаціи въ восточные края. Но рѣшеніе долго

*) „Никудышниками" въ области Уральскаго войска называются старообрядцы безпоповцы, не признающіе ни одной изъ существующихъ іерархій священства (т. е. православной, единовѣрческой, бѣглопоповской и бѣлокриницкой).

не могло состояться, такъ какъ чрезъ азіатскія владѣнія депутаціи къ путешествію рѣшиться было опасно, а чрезъ Одессу морями въ Индейскій океанъ нужно было принять много трудовъ (въ то время Суэцкій каналъ не былъ еще разработанъ). Наконецъ донской казакъ Дмитрій Петровичъ Шапошниковъ (житель г. Новочеркасска) вознамѣрился на свой счетъ послать депутацію въ Остъ-Индію; отъ насъ же (уральцевъ) попросилъ только людей.

Въ то время для поѣздки за границу по выбору назначенъ былъ казакъ Головскаго поселка Варсонофій Барышниковъ, котораго Шапошниковъ снарядилъ съ двумя товарищами въ дорогу и вручилъ имъ денегъ 500 червонцевъ. Барышниковъ проѣхалъ чрезъ Суэцкій каналъ, доѣзжалъ до Остъ-Индіи, былъ въ городѣ Бомбеѣ и на Малабарскомъ берегу; но далѣе проѣхать имъ по какимъ-то препятствіямъ не пришлось, и они пріѣхали обратно въ Новочеркасскъ. Оставшіеся отъ поѣздки червонцы Барышниковъ сдалъ обратно Шапошникову. При этомъ Шапошниковъ сказалъ Барышникову: „Я деньги эти давалъ не съ тѣмъ, чтобы Вы мнѣ ихъ привезли обратно. Если бы утратились они всѣ на путешествіе, мнѣ было бы пріятнѣе“.

Послѣ этой попытки вскорѣ явился въ Пермской губерніи „архіепископъ Аркадій“, который назвался бѣловодскимъ. Слухъ объ этомъ опять пробѣжалъ по всѣмъ старообрядцамъ. Немедленно отъ насъ была послана депутація изъ двухъ человѣкъ (В. Барышниковъ и Раннинскаго поселка казакъ Устинъ Пустобаевъ) къ Аркадію бѣловодскому, чтобы узнать, какими путями выѣхалъ онъ изъ Бѣловодья въ Россію. Но Аркадій при всемъ разговорѣ уклонялся открыть свой путь и мѣстоположеніе Бѣловодіи, а только не стыдясь навязывался ѣхать съ ними на Уралъ, или предлагалъ хотя бы одному изъ нихъ принять отъ него хиротонію во священника. Тогда Барышниковъ и Пустобаевъ въ свою очередь стали съ нимъ обращаться уклончиво и уѣхали обратно, не пригласивъ его съ собою и не приняли отъ него хиротоніи, а признавали его за самозванца и бродягу. Лѣтъ 5—6 тому назадъ Аркадій бѣловодскій достигъ своей завѣтной цѣли: случайно пришлось ему пріѣхать и самому въ предѣлы уральской области въ поселокъ Силкинъ (Благодарновской станицы) къ почетному казаку Степану Силкину. Здѣсь лжеархіепископъ Аркадій съумѣлъ на какой-то струнѣ заиграть въ сердцѣ богобоязненнаго человѣка: онъ поддѣлался во всемъ согласнымъ въ понятіи и толкованіи со Степаномъ Силкинымъ, и въ Силкиныхъ (хуторахъ) образовалъ приходъ, поставивъ въ попы вывезеннаго изъ Общаго Сырта, Бугурусланскаго уѣзда ка-

кого-то мордвина съ долгими волосами, а въ Соболевской станицѣ въ поселкѣ Протопоповомъ поставилъ въ попы казака Ф. Л—на, который, не имѣя прихода, кромѣ своихъ семейныхъ, и до сего времени не выучилъ рядъ священнической службы; а другого казака Мустаевской станицы, уже совсѣмъ безграмотнаго, хиротонисалъ въ архимандриты.

Въ 97 году на съѣздѣ въ Головскомъ поселкѣ мнѣ пришлось видѣться съ новопоставленнымъ архимандритомъ Израилемъ, и я спросилъ его: „Отецъ Израиль, скажите Бога ради: чѣмъ вы могли удостовѣриться въ истинности архіепископскаго званія Аркадія Бѣловодскаго и даже принять отъ него архимандрита новаго рукоположенія?“

Израиль отвѣтилъ: „Я удостовѣрился на основаніи прежняго быта. А именно: въ святомъ писаніи говорится, что посланы были отъ христіанъ нѣкіе старцы на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ, съ тѣмъ, чтобы въ обратный путь принесли съ собою частичку святыни. Старцы посѣтили всѣ святыя мѣста, но на обратномъ пути вспомнили, что отъ святыхъ мѣстъ ничего не взяли и придумали между себя: возьмемъ простую вещицу на подобіе святыни и скажемъ братіи: „принесохомъ отъ святыхъ мѣстъ“. По приходѣ старцы показали всей братіи лже-святыню. Къ нимъ повезли больныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ и разныхъ калѣкъ, которые съ увѣреніемъ и чистою совѣстію приступали къ мнимой святынѣ и по своей вѣрѣ получали недугамъ исцѣленіе до тѣхъ поръ, пока старцы не признались явно въ своемъ обманѣ. По признаніи же неправды отъ мнимой святыни больнымъ отрада быть прекратилась. Такъ вотъ и я вѣрю страшнымъ клятвамъ Аркадія, что онъ принялъ чинъ архіепископа отъ патріарха Мелетія въ Канбайскомъ *) царствѣ восточнаго Индокитайскаго полуострова. А когда онъ признается въ своей несправедливости, тогда и я отъ него откажусь. Теперь же, пока я по чистой совѣсти вѣрю его евангельскимъ клятвамъ, надѣюсь получить душѣ спасеніе по вѣрѣ“.

Я сказалъ: „теперь вы доказали свое увѣреніе къ Аркадію Бѣловодскому на основаніи Вами сказанныхъ старцевъ. Нужно будетъ, братіе, объ этомъ посудить: тѣ старцы были всѣмъ извѣстные, добраго житія и правохристіанскаго исповѣданія; посланы они были тоже къ извѣстнымъ уже святымъ мѣстамъ, которыхъ старцы и достигли; по поклоненіи же забыли взять для нихъ нужное и случайно придумали пополнить неправдой.

*) „Канбайское царство“—нерѣдко упоминаемое и дальше, означаетъ, очевидно, Камбоджу, одно изъ государствъ Индо-Китая, у Сіамскаго залива, граничащее съ Сіамомъ, Аннамомъ и Кохинхиною.

Больные довѣряли имъ, какъ извѣстнымъ достойнымъ христіанамъ. Притомъ, видимостію приступая къ принесенной старцами святынѣ, мысль свою они повергали къ той истинной святынѣ, куда посылались старцы. Поэтому больные и получали исцѣленіе. А объ Аркадіи кто можетъ подтвердить, что онъ истинный христіанинъ (не говоря объ архіепископствѣ). А можетъ быть онъ католикъ или протестантъ и указываетъ на мѣстность Канбанжи (Камбоджи) и Бѣловодію, гдѣ намъ ясно неизвѣстно даже, пребываютъ ли тамъ христіане? А что, если окажется, что тамъ нѣтъ христіанства, а только одни многобожники буддисты? Нѣтъ основанія брать примѣръ съ извѣстныхъ и по житію свидѣтельствованныхъ лицъ на неизвѣстнаго никому, принявшаго на себя титулъ архіепископа и указывающаго на мѣстность никому неизвѣстную. А вѣрнѣе можетъ подпасть онъ, Аркадій, какъ положено въ Номоканонѣ: „аще ли нѣціи попущеніемъ Божіимъ въ толикое пріидоша дерзнутіе, яко же не вѣрни и злочестивни; невѣріе бо есть вещь таковая, еже кромѣ священства пріяти хиротонію, священная дѣйствовати, — нѣсть слово рещи о осужденіи сицевыхъ. Сіе бо дѣло горше есть и самихъ тѣхъ нечестивыхъ бѣсовъ, во ангела свѣтла прообразующихся, но не сущихъ и Божіе убо лицемѣрствующихъ, безбожнихъ же сущихъ и противныхъ Богу. Ниже бо гласы божественные отъ нихъ, ниже гдѣ крещенныхъ или хиротонисанныхъ; сіи бо ни хиротонисаны, ни крещени суть. Никто же бо даетъ не имѣяй, и никто же приметъ отъ неимущаго, аще и мнится имѣти“. Такъ и вы получили отъ него чинъ архимандрита, а онъ самъ быть можетъ самозванецъ.

Архимандритъ Израиль, видя, что показанный имъ примѣръ извѣстныхъ старцовъ совсѣмъ неподходящій, смутился и наконецъ сказалъ: „Что же теперь дѣлать? По всему, нужно доѣхать и осмотрѣть восточный Индокитайскій полуостровъ и прочіе восточные острова“. Многіе стали говорить тоже: „безъ отлагательства нужно доѣхать до показанныхъ мѣстъ маршрутами и Бѣловодскимъ Аркадіемъ“.

II.

Съѣздъ въ Кирсановскомъ поселкѣ и выборъ депутатовъ для новаго путешествія въ Бѣловодію. — Отъѣздъ. — Встрѣча съ бывшимъ крѣпостнымъ человѣкомъ. — „Зайчикъ“ въ вагонѣ. — Новочеркасскъ. — Ростовъ. — Таганрогъ. — Екатеринославъ. — Одесса. — Пароходъ „Царь“. — Отправленіе войскъ на Критъ. — Прибытіе въ Константинополь. — Перевозчики и ихъ вымогательство. — Затрудненіе въ турецкой таможнѣ изъ-за револьверовъ. — Андреевское подворье. — Прошеніе, поданное казаками Константинопольскому патріарху съ вопросными пунктами о митрополитѣ Амвросіи.

Послѣ этого, въ 1898 году, 25-го января составился съѣздъ въ Кирсановскомъ поселкѣ, на которомъ порѣшили отправить депутацію изъ трехъ человѣкъ для отысканія этихъ странъ, процвѣтающихъ древнимъ благочестіемъ. Выборъ палъ на трехъ человѣкъ: казака Мустаевской станицы Онисима Варсонофьева Барышникова, урядника Рубеженской станицы Вонифатія Даниловича Максимычева и Григорія Терентьева Хохлова (Кирсановской станицы). На расходы было собрано 2,500 рублей, да жители города Уральска прибавили отъ себя около 100 рублей. Около половины февраля каждый изъ депутатовъ выправилъ отъ станичнаго атамана удостовѣреніе о неимѣніи препятствій къ выѣзду за границу, въ чемъ помогъ намъ безвозмезднымъ написаніемъ прошеній дѣйствительный студентъ Николай Михайловичъ Логашкинъ. Затѣмъ 22-го мая изъ областного правленія выдали намъ билеты на семь сутокъ до Одесскаго градоначальника, и того же числа, въ 8 часовъ мы тронулись въ путь по желѣзной дорогѣ изъ Уральска до слободы Покровской. Здѣсь насъ черезъ Волгу перевезли на пароходѣ въ Саратовъ, гдѣ намъ пришлось ожидать поѣзда часа 4, послѣ чего мы поѣхали на Тамбовъ и Козловъ.

Въ Козловѣ на вокзалѣ встрѣтился намъ человѣкъ по росту мальчикъ лѣтъ 8—9, опиравшійся на посохъ. Но по лицу былъ старикъ и на вопросъ мой отвѣтилъ, что дѣйствительно ему уже 68 лѣтъ. Онъ разсказалъ, что живетъ подъ Козловымъ верстахъ въ 50-ти. Былъ когда-то барскій, пасъ скотъ. За провинность баринъ своеручно высѣкъ его, такъ что даже спустилъ съ задницы всю шкуру; но и это ему показалось мало, такъ приказалъ

подвѣсить подъ мышки на полтора часа; послѣ же этого въ числѣ четырехъ ребятъ промѣнялъ его на трехмѣсячнаго щенка. „Вотъ какъ въ прежнія времена, говорилъ онъ, терпѣли крестьяне отъ недобрыхъ господъ, а у добрыхъ житье было лучше, чѣмъ какъ на волѣ“. Онъ попросилъ у меня копѣечку. Я подалъ пятакъ и поскорѣе побѣжалъ на поѣздъ.

За Козловымъ на 1-й станціи заявился въ вагонъ молодой человѣкъ лѣтъ 18-ти и сказалъ: „Казачки! нельзя ли мнѣ будетъ проѣхать около васъ зайчикомъ?“ Мы, не понявши этой игры, спросили: „а кто же будетъ собакой“? — Кондуктора, — отвѣтилъ на это молодой человѣкъ: я залѣзу подъ койку и, согнувшись, буду все время лежать. — „Дѣло твое, отвѣтили мы. Только вмѣсто зайца не оказался бы ты волкомъ: у насъ тутъ вещи. Ты ихъ, пожалуй, потянешь“. Онъ побожился, что дурного отъ него не будетъ, полѣзъ подъ койку и лежалъ, какъ есть заяцъ. Такъ проѣхали около 200 верстъ. При провѣркѣ кондуктора усмотрѣли подъ нашей койкой зайчика. Впрочемъ, зайчикъ, какъ видно бывалый, отдалъ имъ 50 коп., а деньги, какъ видно, повсемѣстно добавляютъ правды. Кондуктора скоро смѣнились, а зайчикъ опять притаился и за эти 50 копѣекъ доѣхалъ до Новочеркасска.

Городъ Новочеркасскъ расположенъ на горѣ при рѣкѣ Донѣ. Постройка домовъ изукрашена разными фигурами, по обрѣзамъ панелей разсажены высокія раины *) Здѣсь пришлось намъ пробыть не болѣе 4-хъ часовъ. Казака Шапошникова дома мы не застали и поѣхали на Ростовъ, оттуда на Таганрогъ и Екатеринославъ, гдѣ ждали поѣзда 8 часовъ. Здѣсь, отправившись на базаръ, въ первый разъ встрѣтили мы электрическіе вагоны. Сѣли, отдали по пяти копѣекъ, машинистъ повернулъ рукоятку, и вагонъ быстро съ визгомъ побѣжалъ по чугуннымъ рельсамъ на крутую гору. Не мало дивились мы этому электричественному устройству. Потомъ въ Елизаветградѣ мы еще разъ проѣхались на такой же телѣжкѣ.

29-го мая, въ 7 ч. утра мы пріѣхали въ г. Одессу и того же числа подали просьбы Одесскому градоначальнику, графу Шувалову на предметъ выдачи намъ заграничныхъ паспортовъ. 30-го мая получили паспорта, а 31-го мая въ 9 ч. утра разочлись въ гостинницѣ за нумера, наняли извощика, поѣхали на пристань Чернаго моря. Это было на вешнее заговѣніе, въ воскресный день; берегъ пристани морской покрытъ былъ войсками и множествомъ градского и сторонняго народа. Мы немедленно купили

*) Раиной на Дону называется пирамидальный тополь.

пароходные билеты и взошли на военный пароходъ, подъ названіемъ „Царь“. Вскорѣ за нами взошелъ одинъ баталіонъ солдатъ, который слѣдовалъ на островъ Критъ. Остальныя войска стояли на берегу, два хора духовой музыки уныло играли, отъѣзжающіе солдаты въ печальномъ видѣ стояли на палубѣ. Наконецъ раздалось слово „смирно“! Солдаты встрепенулись, музыка замолкла, и такъ было спокойно и тихо, словно всѣ померли. Подъѣхала карета, изъ которой вышелъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, стройный, высокаго роста, съ грудью, покрытой орденами. Это былъ командующій войсками Одесскаго военнаго округа, который поздоровался съ войсками, взошелъ на пароходъ и поздоровался съ отходящимъ баталіономъ; затѣмъ священникъ отслужилъ на пароходѣ молебенъ, послѣ чего командующій войсками уѣхалъ, музыка снова запѣла печальнымъ голосомъ, пароходъ „Царь“ заревѣлъ во все горло и пошелъ въ открытое море.

Въ ночь на 1-е число мѣсяца іюня поднялся сильный вѣтеръ, полилъ дождь, заблистала молнія, загрохоталъ громъ, пароходъ отъ волнъ съ боку на бокъ переваливался, но передъ утреннимъ свѣтомъ вѣтеръ затихъ, а на всходѣ солнечномъ по обѣимъ сторонамъ парохода выпрыгивали изъ моря водяныя свиньи. Солдаты и всѣ мы, пассажиры, весело смотрѣли, какъ эти чудовищи цѣлыми семьями выпрыгивали и играли.

Въ 10 часовъ дня появились признаки зелени; это были горы по сторонамъ Константинополя. Въ два часа пополудни нашъ пароходъ вошелъ въ Константинопольскій проливъ, по взгляду шириною двѣ версты. Интересно и весело было смотрѣть: на берегахъ, по обѣимъ сторонамъ пролива расположена древнихъ греческихъ царей столица, подъ названіемъ Царь-градъ. Проѣхавъ верстъ пять проливомъ, повернули на-право въ бухту, называемую Золотой рогъ, который на протяженіи 7—8-сотъ сажень наполненъ пароходами и баржами. Проѣхавъ Золотымъ рогомъ ста четыре сажени, на срединѣ мы остановились. Тутъ суетилось въ лодкахъ множество турокъ, которые возятъ пассажировъ съ пароходовъ на берегъ, въ числѣ коихъ оказались три лодки греческія, нанятыя отъ русскаго подворья для перевоза русскихъ паломниковъ. Въ Константинополѣ откуплены русскимъ правительствомъ три подворья: Пантелеймоновское, Ильинское и Андреевское, на которыхъ выстроены о четырехъ и пяти этажахъ огромные дома съ роскошными помѣщеніями. Въ нихъ проживаютъ монахи, высланные съ Аѳонскихъ русскихъ монастырей для принятія русскихъ, пріѣзжающихъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ.

При остановкѣ русскихъ пароходовъ, монахи подъѣзжаютъ на лодкахъ, выходятъ на пароходъ и привѣтствуютъ желающихъ посѣтить ихнее житье и посмотрѣть русскую роскошную постройку. Намъ съ монахами вмѣстѣ уѣхать не случилось; спустились мы по пароходной лѣстницѣ и сѣли къ турецкому перевозчику. Турокъ перевезъ насъ на берегъ и, протягивая къ намъ руку, закричалъ: „бумажка, бумажка!“ Намъ показалось это за перевозъ очень дорого, и я далъ ему 60 коп. Турокъ денегъ не беретъ и изъ лодки на берегъ насъ не выпускаетъ.

„Отдай чего проситъ, — сказалъ мнѣ Максимычевъ: — не въ русскую страну мы заѣхали“. Я вынулъ рубль, подаю его турку, онъ получилъ рубль и, улыбаясь, сказалъ: „а, бумажка!“

Стоявшіе на берегу двое турокъ взяли нашъ багажъ, понесли не болѣе 10 сажень, въ таможню, положили и, протягивая къ намъ руки, также начали говорить: „бумажка, бумажка!“ Максимычевъ, улыбаясь, сказалъ мнѣ: „Чего стоишь? Выпячивай бумажку!“ Я вынулъ два чирека (по 40 к.) и отдалъ имъ.

Таможенная стража, при осмотрѣ нашихъ вещей нашли бывшіе при насъ по револьверу и по 50-ти патроновъ, которые отъ насъ отобрали и самихъ насъ признали за шпіоновъ, хотѣли арестовать, но, благодаря защитѣ монаховъ, отпустили, и монахи взяли насъ къ себѣ въ Андреевское подворье. Экономъ подворья ублаговолилъ намъ на 3-мъ этажѣ одну комнату, при ней три желѣзныхъ койки съ приборомъ подъ стѣнами.

Между этихъ русскихъ построекъ, греки откупили у турокъ саженей 15 (квадратныхъ) земли и построили лѣтній трактиръ. Каждый день передъ солнечнымъ закатомъ сюда собираются болгары, греки, черногоры, сербы и итальянцы съ музыками, играютъ, поютъ и выпиваютъ до 2-хъ часовъ ночи. Экономы русскаго подворья не разъ уже пытались просить грековъ объ уничтоженіи музыкальныхъ игрищъ подъ стѣнами подворья, но греки не обращаютъ вниманія на просьбы и даже дѣлаютъ напротивъ: монахи начинаютъ служить вечерню, а греки съ прочими играютъ въ музыку и поютъ пѣсни.

Второго іюня мы направились въ патріархатъ. Путь намъ лежалъ по мосту черезъ Золотой рогъ. Этотъ мостъ биткомъ набитъ проходящимъ народомъ; за переходъ взимается по 2½ коп. съ пѣшаго. Въ теченіе каждаго часа мостъ зарабатываетъ 270 руб. На половинѣ моста мы спустились и сѣли на турецкій маленькій пароходъ, проѣхали версты двѣ, до пристани Фанарь, и взошли ко вселенскому патріарху въ канцелярію. Секретарь патріаршій Христопапа-Іоанну спросилъ насъ на чисто-русскомъ нарѣчіи: „Кто есть Вы и чего Вамъ нужно?“ — Уральскіе казаки, —

отвѣтили мы, — намъ желательно узнать о бывшемъ Босносараевскомъ митрополитѣ Амвросіи?“ — „О чемъ же это замѣчательное дознаніе?“ — спросилъ опять секретарь. — „По какой винѣ былъ отозванъ съ кафедры митрополитъ Амвросій Босносараевскій въ 1840 году?“ На вопросъ этотъ секретарь сказалъ: „Вамъ нужно подать прошеніе на бумагѣ“.

3-го іюня мы приготовили прошеніе, а 4-го іюня подали въ Патріархію, въ которомъ написано слѣдующее:

„Его Святѣйшеству Вселенскому Патріарху Константину 5-му и находящемуся при немъ Святому и Священному Синоду.

Ваше Святѣйшество!

„Ниже подписавшіеся представители Старообрядцевъ Уральскаго края въ Россіи, подвергая Вашему Святѣйшеству и Святѣйшему Синоду Патріаршему на обсужденіе нижеслѣдующихъ шесть вопросовъ, мы имѣемъ честь покорнѣйше просить Ваше Святѣйшество не отказать выдать намъ письменно отвѣтъ на нихъ. Вопросъ I-й: по какой винѣ былъ отозванъ съ каѳедры митрополитъ Амвросій Босносараевскій въ 1840 году? Вопросъ II-й: былъ ли произведенъ судъ Амвросію отъ синодальнаго начальства по отозваніи съ каѳедры Боснійской? Вопросъ III-й: остался ли Амвросій при своемъ санѣ митрополита послѣ суда, ежели былъ надъ нимъ судъ? Вопросъ IV-й: литургисалъ ли онъ въ облаченіи архіерея на сопрестолѣ въ какой-либо церкви по отозваніи съ каѳедры изъ Босніи послѣ 1840 года? Вопросъ V-й: какія свѣдѣнія имѣются въ Патріархіи о смерти Амвросія: умеръ ли онъ въ соединеніи съ православною греческою церковью или до конца оставался соединеннымъ съ старообрядцами въ Австріи? Вопросъ VI-й: какое значеніе имѣетъ фраза въ 5-мъ пунктѣ, даннаго изъ Патріархіи въ 1876 году старообрядцамъ отвѣта объ Амвросіи? Значитъ ли она, что Амвросій былъ подъ запрещеніемъ, или что онъ жилъ въ Константинополѣ безъ мѣста?

„Константинополь, 3-го іюня 1898 года.

„Вашего Святѣйшества покорнѣйшіе слуги Уральскаго Войска: казакъ Григорій Терентьевъ Хохловъ, урядникъ Вонифантій Даниловъ Максимычевъ, Анисимъ Варсонофьевъ Барышниковъ“.

При подачѣ просьбы мы просили, чтобы намъ дали точныя свѣдѣнія, которыя чрезъ 4 мѣсяца выслать къ намъ на Уралъ, потому что изъ путешествія мы раньше возвратиться не надѣемся.

III.

Новыя затрудненія изъ-за оружія. — Поѣздка по подземной дорогѣ. — Парадъ и высочайшій смотръ въ Константинополѣ. — Разговоръ съ турками о войнѣ и опасность столкновенія. — Разговоръ съ грекомъ. — Султанскія жены. — Церковь Балыклейская и ея преданіе. — Исторія завоеванія Константинополя турками. — Въ турецкомъ правленіи. — Отъѣздъ изъ Константинополя.

Того же числа изъ турецкаго таможенства пришелъ въ Андреевское подворье человѣкъ, который объявилъ намъ, чтобы одинъ изъ насъ явился въ таможенство. Пришелъ я; спросили у меня: „Можешь говорить по-турецки?“ — „Нѣтъ“, отвѣтилъ я. Тогда отыскали переводчика, который спросилъ меня по-русски: „Ты капитанъ?“ — „Да“, отвѣтилъ я. — „Для чего имѣете при себѣ револьверы и по пятидесяти патроновъ?“ — „Какъ же намъ при себѣ не имѣть оружія? Мы ѣдемъ въ дальній путь. Случится быть въ какихъ мѣстахъ опасныхъ однимъ при нападеніи злодѣевъ, чѣмъ же мы защитимъ отъ гибели свою жизнь, кромѣ оружія?“ — „Это въ Россіи можете ѣздить съ оружіемъ, отвѣтилъ онъ, но у насъ въ Турціи строго воспрещается имѣть русскимъ при себѣ какое-либо оружіе. Хотя изъ паспортовъ вашихъ видно, что вы казаки, но можетъ быть вы какіе-нибудь шпіоны. Хорошо, что за васъ поручились монахи; а не поручись они, тогда бы васъ арестовали, и вы сидѣли бы, пока не навели бы о васъ справки“. — „Мы не знали таковаго воспрещенія и покорнѣйше отъ васъ просимъ извиненія, сказалъ я. Теперь могу я получить ихъ себѣ на руки?“ — „Нѣтъ, — сказалъ переводчикъ и, доставъ револьверы: — это ваши?“ спросилъ онъ, держа ихъ въ рукахъ. — „Наши“, сказалъ я. — „Вотъ мы ихъ опечатаемъ и передадимъ въ главную таможню, а вы обратитесь къ русскому консулу, пусть онъ представитъ о васъ свѣдѣнія: кто вы. А за револьверами при отъѣздѣ вашемъ вышлетъ своего гаваса, тогда вы получите ихъ“.

5-го числа пошли мы въ русское консульство; намъ сказали идти на тунель. Вошли мы въ зданіе на подобіе какой-то магазины, въ срединѣ небольшая комнатка, вокругъ которой масса людей. Подошли мы поближе и усмотрѣли, что изъ этой комнаты человѣкъ въ окно выдаетъ билеты, а въ саженяхъ пяти, въ по-

лутемномъ мѣстѣ стоятъ вагоны. Получившіе билеты идутъ къ вагонамъ.

Мы также купили билеты и въ числѣ народа пошли въ вагоны. Въ каждомъ вагонѣ были пристроены по двѣ лампы; черезъ пять минутъ данъ былъ свистокъ, тронулись вагоны и рѣзко двинулись впередъ, подъ землю.

— Не въ адъ ли насъ повезли, товарищи? — сказалъ Максимычевъ.

— Нѣтъ, вагоны поднимаются кверху, а въ адъ спускались бы внизъ...

— А куда же подъ землю насъ вагоны везутъ, а паровика нѣтъ. Чѣмъ же двигаются вагоны?

— И я этому удивляюсь, отвѣтилъ я. Минутъ чрезъ 5 намъ завиднѣлся свѣтъ, и выѣхали мы подобно въ такую же комнату. Вагоны остановились, и мы сошли.

— Бѣсъ никакъ на хвостѣ эти вагоны таскаетъ, — сказалъ я Максимычеву, а Максимычевъ въ это время что-то смотрѣлъ внизъ подъ вагонъ.

— Эй, смотри, чѣмъ дѣйствуетъ! — закричалъ онъ. Я подбѣжалъ къ нему и спросилъ: — „Гдѣ?“ — „А это что?“ Дѣйствительно, за передній вагонъ внизу пристроенъ былъ широкій ремень, который тянетъ вагоны на гору подъ землею, а другіе вагоны этотъ же ремень спускаетъ напротивъ внизъ, по другимъ рельсамъ. Но чѣмъ же тянетъ кверху этотъ ремень? Неиначе — машина, которая работала посредствомъ ремня.

Послѣ этого мы нашли русское консульство и обратились къ секретарю, который спросилъ у насъ заграничные паспорта. Мы ихъ ему подали. Онъ просмотрѣлъ паспорта и спросилъ насъ: когда думаете выѣхать изъ Константинополя? Мы разсказали, какъ въ таможенствѣ у насъ отобрали револьверы. — Да вамъ не нужно было брать револьверы съ зарядами, сказалъ онъ. — Ихъ надо было оставить на пароходѣ, явиться къ намъ и заявить. Тогда я послалъ бы гаваса, который безъ препятствій могъ пронести ихъ сюда, или ужъ нужно ихъ спрятать подальше. — Мы не знали, Ваше Высокоблагородіе, о такой строгости, — отвѣтили мы, а то могли бы ихъ спрятать такъ, что при обыскѣ не могли бы найти. — На слѣдующее время такъ и дѣлайте, улыбаясь сказалъ секретарь, — а теперь ваши паспорта васъ оправдаютъ; 8-го числа приходите къ намъ въ консульство, мы дадимъ вамъ дескире (турецкіе билеты), съ которыми вы можете разгуливать по Турецкой державѣ.

Поблагодарили мы его за добрые предлоги и пошли обратно на подземельную дорогу. Вскорѣ данъ былъ свистокъ, и ва-

гоны полетѣли внизъ, подъ землю, словно въ какую пропасть. „Ну, вотъ, теперь летимъ какъ въ тартаръ, сказалъ я. Если бы такъ на первый разъ эти вагоны потащили насъ внизъ, навѣрно мы устрашились бы. А теперь, хоть и внизъ насъ тянетъ, — не страшно“. Пока продолжали между себя этотъ разговоръ, вагоны выбѣжали на свѣтъ и пріостановились. Слѣзли мы съ вагоновъ и пошли пѣшкомъ въ Андреевское подворье.

На Андреевскомъ подворьѣ намъ сказали, что въ 12 часовъ того же дня султанъ турецкій будетъ осматривать войска. Мы пожелали видѣть высочайшій смотръ: розыскали себѣ вожака изъ русскихъ, Кіевской губ., съ давнихъ лѣтъ за границей бродяжничающаго, который привелъ насъ на плацъ-парадъ, гдѣ выстроенъ дворецъ. Среди дворца раскрашенная, большая и высокая мечеть. Ворота во дворецъ въ это время были растворены, вокругъ дворца и на плацъ-парадной площади довольно было жандармовъ, которые строго слѣдили за каждымъ движеніемъ густой массы зрителей. Мы съ Максимычевымъ пробрались впередъ и вознамѣрились войти во внутрь дворца, но въ воротахъ жандармскій офицеръ насъ пріостановилъ, но не арестовалъ, потому что мы скоро догадались, дали вилка и скрылись въ густую массу народа. Тутъ подошелъ къ намъ турокъ и занялся съ нами разговоромъ: „А, русска, — русска, — я Харьковъ былъ“. — „Зачѣмъ въ Харьковъ ты ѣздилъ?“ — спросили мы. — „Османъ-паша — плѣнъ, плѣнъ, твоя былъ Скобиль, Курка (Гурька), ты былъ Курка?“ спросилъ онъ, указывая на насъ. — „Былъ, отвѣтили мы ему, турка гонялъ, гонялъ“ (показывая ему признакъ рукой). Турокъ переводилъ другимъ туркамъ наши рѣчи, и они начали на насъ смотрѣть недобрыми взглядами. Вожакъ замѣтилъ: „Берегитесь! Что вы съ ними разболтались! Они васъ убьютъ, и мнѣ съ вами не уйдти“.

Въ это время подходили конныя войска, въ каждомъ полку играла духовая музыка; за конницей, по извилистымъ улицамъ, тянулась пѣхота, колыхалась, какъ трава; черные мундиры, на головахъ надѣты красныя фески съ черной кистью. Также при каждомъ баталіонѣ духовая музыка.

Остановились войска при своихъ мѣстахъ. Затѣмъ подъѣхала карета на тройкѣ сѣрыхъ лошадей, изъ которой вышелъ молодой, лѣтъ 16-ти господинъ, средняго роста, съ широкими плечами и висячими эполетами. Къ нему подбѣжали два чиновника, взяли его подъ руки и пошли съ нимъ къ генераламъ (это былъ сынъ Османа-паши). Между войсковъ оставлено было мѣсто, какъ улица, по которой проѣзжали 12 красивыхъ каретъ. Кто сидѣлъ въ этихъ каретахъ — замѣтить было нельзя, но говорили зри-

тели, что въ каретахъ проѣзжали султанскія жены, которыя и въѣхали во дворецъ. Послѣ каретъ, этой же улицей проходили до 200 генераловъ, съ золотыми блестящими эполетами, груди изувѣшены орденами. Они вошли тоже во дворецъ.

Затѣмъ азанъ (муэззинъ?) влѣзъ на возвышенное мѣсто мечети и заоралъ во все горло: „Алла-акперъ!“. Перекричалъ ли онъ все, что было нужно, или перехватило ему горло, только скоро онъ съ высоты скрылся. Послѣ чего на этой же улицѣ появилась вновь карета, отъ лучей солнца блистало на ней золото. Сажень на 15 впереди кареты ѣхалъ всадникъ на бѣломъ конѣ (кто именно — не знаю), а въ каретѣ ѣхалъ тихимъ шагомъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, нѣжнаго лица, съ черной окладистой бородой. Это былъ турецкій султанъ. Султанъ здоровался съ стоявшими по обѣимъ сторонамъ войсками. Духовыя музыки непрерывно играли, и въѣхалъ во дворецъ, вылѣзъ изъ кареты и вошелъ въ мечеть. Болѣе смотрѣть нужнымъ мы не сочли и пошли обратно въ подворье.

6-го іюня вышелъ я на пристань Золотого рога и сѣлъ на одномъ прекрасномъ мѣстѣ; подошелъ ко мнѣ лѣтъ 30-ти человѣкъ, который поздоровался со мной на русскомъ нарѣчіи, сѣлъ со мной рядомъ и сказалъ: „Видится — ты россійскій?“ — „Да, а ты кто?“ спросилъ я его. — „Я — грекъ“, отвѣтилъ онъ мнѣ. — „Гдѣ же ты научился говорить по-русски?“ — „Въ Елизаветградѣ я 8 лѣтъ жилъ“.

Я сталъ воображать мысленно, о чемъ бы мнѣ съ этимъ человѣкомъ поговорить и чего спросить.

— За Золотымъ рогомъ, на берегу морского пролива какія прекрасныя и высокія зданія. Это не дворецъ ли турецкаго султана? — спросилъ я. — „Нѣтъ, это дворецъ былъ древнихъ греческихъ царей, это самая древняя столица Царьградъ, въ этихъ зданіяхъ находился царь Константинъ. Этотъ городъ обнесенъ кругомъ тремя высокими стѣнами, чрезъ каждыя 25 сажень выкладены высокіе барбеты по край послѣдней стѣны, кругомъ обрытой канавой въ 6 сажень ширины и 3 сажени глубины; берега канавы сверху до низу выстланы мраморомъ, чтобы не осыпался берегъ въ канаву, а въ канаву напускалась вода“.

— А теперь въ этихъ высокихъ зданіяхъ кто проживаетъ? — спросилъ я.

— Въ однихъ зданіяхъ турецкій монетный дворъ, а въ другихъ — соблюдаются умершихъ султановъ жены.

— Это какъ же соблюдаются султанскія жены — живыя или мертвыя, мнѣ что-то непонятно? Пожалуйста, разскажи, чтобы я понялъ.

Улыбнулся мой собесѣдникъ. — „Навѣрно ты о султанскихъ женахъ ничего не слыхалъ, поэтому тебѣ непонятно. Ну, послушай-ка, я тебѣ разскажу: турки вѣроисповѣданіемъ магометане, или сказать: мусульманы. У нихъ въ году соблюдается одинъ мѣсяцъ поста, этотъ постъ бываетъ не всегда въ однихъ числахъ, но на каждый годъ отступаетъ дней на 10, и поэтому магометанскій постъ можетъ бывать лѣтомъ и зимою. Пройдя ихъ постъ, тутъ бываетъ у нихъ праздникъ и празднуютъ три дня. Въ этотъ праздникъ султанъ турецкій каждый годъ и женится.

— Какъ же онъ женится: содерживалъ постъ, когда же онъ успѣлъ сватать, да притомъ еще нужно было пріискать невѣсту, — возразилъ я.

— Ты погоди, погоди, не торопись, я тебѣ все разскажу попорядку, не перехватывай, пока я не кончу разсказъ.

— Ну, пожалуйста, извините, теперь я буду молчать и слушать отъ тебя, — сказалъ я.

— Вотъ къ этому празднику султану приготовляютъ дюжину шестнадцати лѣтъ красивыхъ и знаменитыхъ дѣвицъ, однимъ словомъ, писанныхъ красавицъ. Да это случалось и у греческихъ царей, можетъ быть и вы исторію читали: какъ Филарета Милостиваго внуку выбрали въ числѣ другихъ дѣвицъ въ супружество юнаго царя и, когда дѣвицы были представлены къ царю, то выпало счастье на внуку Филарета, ее признали достойной быть супругой императора. Подобно тому и турецкому султану къ этому времени представляютъ красавицъ, разумѣется, одна другой превосходнѣе. И вотъ на каждый годъ султанъ по одной дѣвицѣ беретъ за себя. Въ теченіе своей жизни иной наберетъ ихъ нѣсколько десятковъ, а придетъ время, султанъ помретъ. Вотъ эти-то жены и запираются въ Константиновъ дворецъ безвыходно, подъ строгимъ наблюденіемъ караула, какъ преступницы.

— Скучно же и тоскливо положеніе ихней жизни, сказалъ я. Иная останется 16—17 лѣтъ и должна проводить всю жизнь въ мрачныхъ угнетеніяхъ. Плохо женамъ, оставшимся послѣ его смерти.

— Нѣкоторымъ случается и осчастливиться, — отвѣтилъ онъ.

— Какимъ же случаемъ?

— А вотъ какимъ: за великія услуги какого-нибудь генерала иногда награждаетъ ихъ султанъ своими женами, и этотъ генералъ считается великимъ счастливцемъ.

— А даритъ-то, я думаю, которая самому мерзитъ! — сказалъ я.

— Не иначе такъ, какъ русскіе говорятъ: что самому не гоже, то тебѣ Боже..

Хотѣлъ я спросить еще кое о чемъ, да подошелъ къ намъ какой-то господинъ, и они отъ меня ушли на базаръ, а я вернулся на свою квартиру.

7-го іюня, въ день недѣльный, мы пошли на мѣсто, называемое турками Балыклы, гдѣ построена греческая церковь, называемая Балыклынская. Эта мѣстность за Золотымъ рогомъ. Перешли богатый мостъ, версты три шли пѣшкомъ, 25 минутъ ѣхали по желѣзной дорогѣ и проходили черезъ крѣпость царя Константина. Не мало удивлялись мы укрѣпленію крѣпостныхъ стѣнъ и высокихъ барбетовъ, которые лѣтъ 5 тому назадъ отъ землетрясенія полопались, и обозначаются на стѣнахъ и барбетахъ большія щели, отчего должны мѣстами рушиться. Преданіе о Балыклахъ слыветъ такое: весною 1453 г. огромное турецкое войско (около 250 т.) подъ предводительствомъ самого султана Ахмета Муратова *), двинулось къ столицѣ Византіи (Царьграда). У турокъ былъ большой флотъ и громадная артиллерія. Особенный страхъ наводила „Ахметова пушка“, которая стрѣляла каменными ядрами вѣсомъ около 35 пудовъ.

Цареградскимъ императоромъ въ это время былъ Константинъ XII-й. Онъ сдѣлалъ все, что возможно было, для спасенія столицы: укрѣпилъ стѣны, напустилъ вглубь канала воды, заперъ гавань цѣпью. Ахметъ, по невозможности прорвать цѣпь, заграждающую путь въ гавань, приказалъ перевести туда корабли по доскамъ, намазаннымъ саломъ. Тогда началась осада Царьграда и съ суши, и съ моря. Не смотря, однако-жъ, на это, греки около двухъ мѣсяцевъ геройски отражали нападенія страшнаго врага. 29-го мая, при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, турки повели общій приступъ, греки дрались съ мужествомъ отчаянія. Самъ императоръ Константинъ подавалъ примѣръ храбрости и самоотверженія. Наконецъ, императоръ, утомленный битвой, вознамѣрился подкрѣпиться хлѣбомъ-солью. Обѣдъ ему былъ приготовленъ у источника (раньше слѣпымъ открытаго). Когда подали ему на сковородѣ жареную рыбу, въ это время прибѣжалъ одинъ воинъ съ битвы къ императору и объявилъ ему, что турки пробили стѣны. Императоръ не хотѣлъ вѣрить: „какъ невозможно жаренымъ рыбамъ ожить на сковородѣ, такъ и туркамъ пробить наши крѣпкія стѣны“. И вдругъ три рыбки встрепенулись со сковороды и упали въ источникъ. Тогда императоръ увѣрился, перекрестилъ свое лицо крестнымъ знаменіемъ, выскочилъ изъ-за

*) Магометъ II, Завоеватель, сынъ Мурада II-го.

обѣда и сѣлъ на коня, на которомъ, какъ птица, полетѣлъ къ градскимъ воротамъ. Въ ворота уже вошла часть турецкаго войска. Императоръ на всемъ скаку рубилъ врага, турецкіе воины падали съ коней, какъ отъ помохи *) не созрѣлая пшеница. На подкрѣпленіе туркамъ вышелъ знаменитый визирь съ своей дружиной. Константинъ ударилъ своей могучей рукой и разрубилъ визиря до сѣдельной подушки, отчего дружина и турецкіе воины сильно устрашились и обратились въ бѣгство. Константинъ со своими воинами гнали ихъ, рубили и кололи до Золотыхъ воротъ. Но изъ воротъ напротивъ имъ выступали турецкія свѣжія войска изъ янычаръ. Напрасно Константинъ старался остановить ихъ своей острой саблей. Одинъ воинъ изъ сильнѣйшихъ арабовъ копьемъ пронзилъ Константина въ сердце, отчего Константинъ наклонился на переднюю луку сѣдла. Турки не дали ему свалиться съ коня, подхватили и представили къ Ахмету.

По убіеніи Константина, греки оробѣли и побѣжали. Тогда началось истребленіе христіанъ и разграбленіе города, что продолжалось три дня.

Такъ пала древняя Византія. Ахметъ Муратовъ сдѣлалъ Константинополь своею столицею, и вскорѣ турки покорили остальныя части греческой имперіи и образовали обширное государство, которое было грозой въ то время для всей Европы. Но въ настоящее время Турція сильно ослабѣла и обѣднѣла: по городамъ, кромѣ Константинополя, въ войскахъ на кухняхъ варятъ солдатамъ, вмѣсто говядины, жидкій изюмъ съ примѣсью риса или сарачинской крупы; мундиры на солдатахъ всѣ въ заплатахъ, на самихъ нападаетъ повальная чесотка, какъ въ сухменные и голодные года на скотину.

Входъ въ Балыклынскую церковь черезъ источникъ Балыклы, у котораго устроено подобіе молельнаго дома. На восточной сторонѣ стоитъ множество образовъ, на западной источникъ быстро истекаетъ въ бассейнъ, выложенный бѣлымъ мраморомъ. Около родника, на высотѣ отъ воды аршина два, стоятъ два большихъ таза, искуственно выдѣланные изъ бѣлаго мрамора. Пріостановились мы и взглянули въ источникъ, въ которомъ даже и воду не ясно было видно, и зашли въ церковь, гдѣ началась уже обѣдня въ присутствіи епископа. Въ церкви по всей стѣнѣ стоятъ кресла, прикрѣпленныя къ стѣнѣ, на которыхъ сидятъ греки, пришедшіе къ обѣднѣ. Нѣкоторые стоятъ, но только большая часть прихожанъ имѣютъ на головахъ турецкія фески. И даже

---

*) Помохой называютъ на Уралѣ сухіе туманы, очень вредные для несозрѣвшихъ хлѣбовъ.

когда прикладываются къ напрестольной иконѣ, и тогда фесокъ съ головы не снимаютъ. По всему—обычай этотъ имѣютъ съ прежнихъ временъ.

По окончаніи обѣдни греки поголовно пошли къ источнику, у котораго приставленный человѣкъ черпаетъ воду и наливаетъ въ эти два таза, у тазовъ также два человѣка. Народъ подходитъ къ нимъ, они черпаютъ каждый изъ тазовъ и подаютъ подходящимъ, которые ее пьютъ и умываются. Мы подошли. Я наклонился и сталъ смотрѣть пристально въ родникъ, увидалъ одну рыбу величиной вершка въ 3—4. Эти ли сохранились рыбки, которыя у Константина со сковороды прыгнули въ родникъ, или уже иныя—сказать не могу. О рыбкахъ же Константиновыхъ передаютъ такъ: одна сторона бѣлая, а другая ожареная темнокрасная. Этого я не замѣтилъ (да и то рыба взошла сверхъ бѣлаго мрамора, который на ½ арш. подъ водой, а въ срединѣ родника совсѣмъ бы не увидалъ).

8-го Іюня втроемъ мы пошли въ русское консульство за свидѣтельствомъ (дескире). Секретарь консула приказалъ писарямъ изготовить три дескире, передалъ ихъ намъ и приказалъ съ ними обратиться къ турецкому правительству. Мы немедленно отправились въ Стамбулъ. Въ дверяхъ правленія стоялъ турокъ, который потребовалъ за входъ въ правленіе деньги. Мы слѣдуемые (!) за входъ деньги ему уплатили, взошли по ступенямъ на второй этажъ въ турецкую канцелярію и подали бывшія при насъ отъ консула удостовѣренія. Намъ приказали обождать въ обширномъ помѣщеніи, гдѣ находилось множество разныхъ націй народа. Подошелъ къ намъ одинъ человѣкъ въ турецкой фескѣ и вступилъ съ Барышниковымъ въ разговоръ, спросивъ: какой губерніи? „Мы уральскіе казаки, а ты кто?“ — спросилъ Барышниковъ. — „Я крымскій татаринъ“, отвѣтилъ онъ.

—„А по какому дѣлу ты находишься здѣсь?“ повторилъ Барышниковъ.—„Такъ, по своему дѣлу.“ Въ это время вышелъ изъ канцеляріи писарь, далъ знакъ намъ рукой, чтобы одинъ изъ насъ вошелъ въ канцелярію, но мы не поняли, потому что турокъ вмѣсто того, чтобы манить насъ къ себѣ,—руку обратилъ ладонью отъ себя прочь и махаетъ рукой внизъ, только у руки пальцы подгибаетъ къ ладони (въ Турціи такой обычай). А мы, вмѣсто того чтобы подойти къ нему, подались назадъ. Турокъ видитъ, что мы подвигаемся назадъ, еще сильнѣе началъ махать рукой внизъ. Мы поняли такъ, что онъ приказываетъ намъ сѣсть, и сѣли среди народа. Турокъ подошелъ къ намъ, взялъ меня за руку и потарабанилъ въ канцелярію. Здѣсь предсѣдатель спросилъ меня на турецкомъ нарѣчіи: „Можешь говоритъ по турецки?“

„Никакъ нѣтъ,“ отвѣтилъ ему я. Тогда онъ приказалъ найти переводчика. Мы указали на крымскаго татарина, но татаринъ объяснилъ, (будто) по русски говорить не знаетъ. Что заставило его отказаться отъ русскаго языка—не знаю.

Писарь отыскалъ переводчика изъ черногорцевъ, и мы опять вошли въ канцелярію, гдѣ черезъ переводчика спросили меня: „Что вы за люди?“—„Русскіе“.—„А фуражки, которыя на себѣ носите, какая это форма?“—„Казаки Уральскаго войска“.—„Значитъ, что вы военные?“—„Никакъ нѣтъ, по выслугѣ уже лѣтъ.“—„Почему же на васъ форменная фуражка?“ (а самъ быстро смотритъ мнѣ въ глаза).—„У насъ въ Уральскомъ войскѣ казакъ всю жизнь форму не покидаетъ.“—„Какое вѣроисповѣданіе?“—„Христіанское.“ —„Чѣмъ занимаетесь въ своемъ мѣстѣ?“—„Занятіе наше рыболовство и хлѣбосѣвство.“—„Для чего выѣхали за границу и куда ѣдете?“—„Ѣдемъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ и мимоѣздомъ желаемъ побывать въ Аѳонѣ, въ Салоникахъ, Смирнѣ, на о. Кипрѣ, въ Іерусалимѣ.“ Чиновникъ выслушалъ и приказалъ приготовить для насъ дескире. Писарь вынесъ дескире въ коридоръ и при выдачѣ ихъ намъ сказалъ: „аша, аша“. Мы не поняли его, стали искать упомянутаго черногорца для объясненія: вполнѣ ли окончены наши дескире или нужно съ ними еще къ кому обратиться. Черногорецъ не успѣлъ сказать намъ единаго слова, какъ подошелъ полицейскій, высылаетъ насъ и кричитъ: „аша, аша!“ Вышли мы изъ коридора, спустились по ступенямъ внизъ, держимъ дескире открыто въ рукахъ. Въ нижнемъ коридорѣ одинъ турокъ взялъ у меня изъ рукъ дескире и пошелъ съ ними въ канцелярію въ нижнемъ отдѣленіи. Мы за нимъ, не отставая ни на шагъ. Въ канцеляріи подписали, приложили печати, взыскали съ насъ по мизету (1 р. 60 к.) и выдали намъ билеты, и съ тѣми (мы) пошли въ свою квартиру.

10-го іюня стали мы готовиться къ выѣзду изъ Константинополя, но прежде нужно намъ было выручить изъ главной таможни револьверы съ патронами. Надумали мы послать за револьверами одного, и Максимычевъ пошелъ въ консульство. Секретарь изъ консульства послалъ съ Максимычевымъ гаваса въ главное турецкое таможенство. Гавасъ передалъ объ насъ чиновникамъ, что мы непремѣнно сегодня выѣдемъ изъ Константинополя на греческомъ пароходѣ въ Салоники. Изъ таможенство поѣхалъ съ револьверами турецкій офицеръ вмѣстѣ съ Максимычевымъ на пароходѣ.—„А гдѣ твои товарищи?“ спросилъ офицеръ на пароходѣ.—„Въ городѣ, а багажъ здѣсь.“ Офицеръ потребовалъ три рубля денегъ и выдалъ Максимычеву револьверы и патроны, но Максимычеву съ парохода на берегъ выѣзжать не приказалъ, а самъ съ гавасомъ

уѣхалъ обратно на берегъ. „Что же теперь мнѣ дѣлать? думаетъ Максимычевъ:—товарищи мои въ городѣ ожидаютъ меня съ револьверами и не знаютъ, что я на пароходѣ, черезъ два часа пароходъ снимется, пойдетъ въ путь и меня увезетъ одного. Тогда я невольно долженъ разлучиться съ товарищами навсегда. Нѣтъ, ни на что не посмотрю, уѣду къ товарищамъ. Что сдѣлаютъ мнѣ турки? Рѣзать вѣдь не станутъ?!“ Онъ пригласилъ одного лодочника, срядился съ нимъ и поѣхалъ къ берегу. На пути встрѣчаетъ ихъ арабъ и сталъ Максимычева обыскивать, но такъ какъ у него съ собой ничего не было, то скоро арабъ его отпустилъ. На берегу въ таможенствѣ въ свою очередь осмотрѣли и также ничего не нашли. Пришелъ Максимычевъ въ квартиру. „Что ты у насъ совсѣмъ запропалъ?“—спросили мы.—„Меня, говоритъ, турки къ вамъ не допускали. Немедленно нужно ѣхать намъ на пароходъ: черезъ часъ уже уѣдутъ“. Мы взяли свой багажъ и пошли чрезъ таможенство. При осмотрѣ опаснаго для нихъ припаса не оказалось. Пришли на пристань, наняли греческую лодку, на которой доѣхали на пароходъ.

IV.

Мраморное море. — Санъ-Стефано. — Дарданеллы. — Архипелагъ. — Аѳонъ. —„Автоподы.“ — Салоники. — Новыя затрудненія изъ за патроновъ. — Церковь Дмитрія Солуньскаго. — Гробница и образъ. — Сомнѣнія по поводу славянской надписи. — Вѣнчаніе въ столовой подворья. — Церковь Великомученика Георгія. — Недоразумѣніе съ турецкимъ паспортомъ. — Волокита по турецкимъ присутственнымъ мѣстамъ. — Смирна. — Казачья слобода въ Турціи. — О росномъ ладанѣ. — Городъ Хіо. — Островъ Патмосъ. — Родосъ.

Въ три часа пополудни *10 іюня* пароходъ снялся съ якоря и взялъ направленіе по Константинопольскому проливу. Въ правой сторонѣ, на европейскомъ берегу мы увидѣли городъ Санъ-Стефано, ознаменованный пребываніемъ въ немъ нашихъ побѣдоносныхъ войскъ и заключеніемъ славнаго мира. Затѣмъ мы выѣхали въ Мраморное море, гдѣ добываютъ приличный сѣрый и бѣлый мраморъ, которымъ выкладываютъ въ торговыхъ городахъ пристани и выстилаютъ тротуары, а также искусно выдѣлываютъ фигуристыя разнообразныя посуды, комоды, столы, на кладбищахъ вырѣзываютъ памятники, кресты и проч. Пройдя затѣмъ Мраморное море, пароходъ остановился на короткое время въ Дарданелляхъ.

Дарданеллы замѣчательны своими знаменитыми крѣпостями, устроенными на обоихъ берегахъ Дарданельскаго пролива, соединяющаго Мраморное море съ Архипелаголъ. На правомъ, европейскомъ берегу пролива расположенъ портъ Дарданеллы. На лѣвомъ, азіатскомъ берегу городъ Чинаклисъ, на мѣстѣ, гдѣ въ древности существовала знаменитая Троя, иначе Иліонъ, а позднѣе городъ Кизикъ, въ которомъ въ VII вѣкѣ пострадали за вѣру Христову девять мучениковъ; память ихъ совершается 29 апрѣля. Города эти оба хорошо укрѣплены, высокіе барбеты уставлены множествомъ нарѣзныхъ орудій.

11 іюня выѣхали мы въ Архипелгагъ. Архипелагское море наполнено нѣскольскими десятками острововъ, о которыхъ упомянется ниже.

Съ полудня туманно завиднѣлись высоко-скалисто-обрывистыя горы полуострова знаменитаго Аѳона; въ 5 часовъ вечера подъѣхали къ Пантелеймонскому русскому монастырю, который построенъ на прекрасномъ прибрежіи морскомъ, дома о 3-хъ и 4-хъ этажахъ. По скаламъ и склонамъ горы Аѳона построены монашескіе скиты; между скитовъ и монастырей, по обрывистымъ скаламъ, расщелинамъ зеленыхъ пропастей устроены трудниковъ хижины, къ которымъ пройти очень трудно: нужно спускаться по крутымъ 200 ступенямъ, а къ инымъ даже спускаютъ пищу на длинной веревкѣ. По склонамъ горъ густо зеленится разной породы лѣсъ. Подъ Аѳономъ, въ морѣ придерживаются разныя морскія животныя: большіе 10 фунтовые раки, морскіе „автоподы“ (пауки), имѣющіе болѣе дюжины ногъ, длиной по 5 четв. каждая, толщиной какъ человѣческая рука; цвѣтъ имѣютъ по грунту дна моря, поэтому въ морѣ увидать его трудно *). Когда человѣкъ купается, „автоподъ“ подходитъ незамѣтно и беретъ своей лапой человѣка за ногу, а другой лапой держится за дно моря. Человѣкъ, желая освободиться, беретъ его рукой за лапу, автоподъ хватаетъ человѣка за руку; человѣкъ не можетъ освободить руку, начнетъ помогать другой рукой, автоподъ третьей лапой хватаетъ за другую руку, опутывая его лапами. И несчастный отъ автопода погибаетъ въ морѣ.

Но всячески и человѣкъ достигъ, какъ избавиться отъ опасной животины, а именно: когда автоподъ ухватитъ своей лапой за ногу, тогда вскорѣ рукой освобожденіе ноги дѣлать не нужно; неторопливо осмотрѣть автопода и потомъ рукой взять его за оба глаза; тогда у автопода отнимается сила, онъ разжимаетъ

---

*) „Автоподами“ авторъ называетъ очевидно спрутовъ или осьминоговъ (octopus vulgaris).

лапы и человѣкъ выкидываетъ его на берегъ. Большихъ морскихъ раковъ аѳонскіе монахи употребляютъ въ пищу; въ особенности же автоподы монашеское лакомство: говорятъ, они очень вкусны. Съ нами вмѣстѣ ѣхали изъ Константинополя аѳонскіе монахи и говорили намъ, что-де и вы въ Ильинскомъ монастырѣ покушаете автоподовъ. Но намъ всѣ монастыри посѣтить не пришлось, такъ какъ у насъ пароходные билеты взяты были на Салоники; поэтому мы автоподовъ не отвѣдали и насколько вкусъ ихъ пріятенъ—не знаемъ.

У Аѳона мы были не болѣе 4-хъ часовъ; пароходъ нашъ снялся въ 9 часовъ ночи.

12 іюня, въ 11 часовъ дня пріѣхали въ Салоники (Солунь); на пароходѣ встрѣтилъ насъ монахъ Пантелеймонскаго аѳонскаго монастыря Герасимъ, который находится много лѣтъ въ Салоникахъ, сѣетъ на монастырь хлѣбъ, дѣлаетъ разныя закупки, продаетъ издѣлія трудниковъ. Съ парохода мы сѣли къ нему въ лодку. „Нѣтъ ли у васъ какихъ подозрительныхъ вещей?“—спросилъ насъ Герасимъ.—„Есть при насъ по револьверу и по 50 патроновъ.“ — „Охъ, Боже сохрани,—найдутъ! это очень опасно. Прошлый годъ проѣзжали русскіе два офицера, при нихъ найдены были револьверы. Затаскали этихъ офицериковъ, право слово замотали, да спасибо русскій консулъ защитилъ ихъ. Охъ, дѣло неладное! На кой вамъ ихъ?“ — „Отецъ Герасимъ, а офицеровъ турки не повѣсили?“—спросилъ Максимычевъ.—„Да повѣсить не повѣсили, да я вчужѣ отъ печали хлѣба не ѣлъ, и офицеры то даже робѣли.“—„Не печалься, отецъ, намъ турки дурного не сдѣлаютъ и револьверы при насъ не найдутъ.“—„Ой-ли! вы казаки, небось слово знаете?“—„Знаемъ, отецъ.“—„Ну дай же вамъ Богъ.“

Подъѣхали къ берегу, пошли въ таможенство. Стража при обыскѣ повытаскала все изъ чемодановъ и сумокъ, но подозрительныхъ вещей, по мнѣнію ихнему, при насъ не оказалось. Монахъ быстро смотритъ на насъ съ радостію и удивляется, что револьверы, бывшіе при насъ, не найдены. Собрали мы все свое добро, уложили въ чемоданы и подвинулись шаговъ пять впередъ. Тутъ четыре человѣка пріостановили насъ и снова начали пересматривать вещи. На грѣхъ нашли у одного изъ насъ патроны. „Ну, стой!“ и нѣсколько рукъ стали пересматривать и перетрясать все, до послѣдняго махра, но револьвера и патроновъ болѣе найти не могли. Спрашиваютъ насъ по турецки: „Гдѣ у васъ револьвера?“—„Нѣтъ ничего у насъ“, отвѣчаемъ по русски. Стража показываетъ намъ патроны, просятъ у насъ револьверы. Мы какъ будто совсѣмъ не понимаемъ, чего отъ насъ требуютъ. Стражи смотрятъ одинъ на другого, пожимаютъ пле-

чами, затѣмъ приказали прибрать намъ свои вещи, чего только мы и ожидали. Поспѣшно свои вещи шиворотъ на выворотъ потискали въ чемоданы, но найденные при насъ одинъ комплектъ патроновъ, книжки и бумаги стража оставила къ дознанію, что въ нихъ написано. Также взяли бывшіе при насъ турецкіе дескире и сказали намъ: при отъѣздѣ изъ Салониковъ дескире получите обратно.

Послѣ этого мы пошли въ гостинницу и помѣстились на 3-мъ этажѣ, недалеко отъ столовой. Того же числа отыскали переводчика и въ три часа пополудни пошли мы къ гробницѣ мученика Дмитрія (Солунскаго).

Устное преданіе о церкви Дмитрія Солунскаго между народовъ передавалось такъ: когда турки приступомъ взяли городъ Салоники и пытались войти въ церковь, гдѣ сохранялась гробница мученика Дмитрія, то невидимою силою наказывались различно: умирали, лишались ума. Отчего турецкое правительство вынуждено было принять осторожность и къ входу Дмитріевой гробницы приставить стража, чтобы никого не впускать вовнутрь гробницы.

Пришли мы къ Дмитріевой церкви (теперь обращена турками въ мечеть). Вожакъ пошелъ узнать отъ турецкаго монаха, который приставленъ у дверей мечети, дозволятъ ли взойти христіанамъ посмотрѣть гробницу мученика Дмитрія.—„Съ удовольствіемъ; могутъ войти минутъ черезъ 5.“ Мы подошли къ дверямъ, гдѣ ожидавшій насъ монахъ пошелъ впередъ. Мы, не отставая ни на шагъ, шли за нимъ. Въ притворѣ мы повернули на лѣвую сторону, въ стѣнѣ обозначилась пространная дверь. Монахъ отворилъ эту дверь, и мы вошли въ какую то темную комнату. Монахъ дверь затворилъ и заперъ.—„Что этотъ турецкій монахъ думаетъ себѣ—не завелъ ли насъ въ разбойническій вертепъ и не хотятъ ли насъ ограбить?“ Досталъ я изъ кармана ножикъ, раскладнулъ его и думаю: какъ только кинутся турки на насъ грабить, такъ и всажу ножъ злодѣю въ животъ. Оглядѣвшись немного въ комнатѣ, стали мы видѣть, что около двери стоятъ съ десятокъ порожнихъ бутылей; замѣтно было въ нихъ деревянное масло; въ переднемъ правомъ углу подвѣшены не въ уборѣ лампады, на полу лежитъ въ ростъ человѣка высѣченная изъ мрамора гробница; на крышкѣ гробницы высѣченъ четвероконечный крестъ. Монахъ досталъ три восковыхъ темножелтыхъ свѣчи, зажегъ ихъ отъ горящей лампады и прилѣпилъ къ гробницѣ. Затѣмъ взялъ бумажный тонкій фитиль, высѣвшій въ углу противъ гробницы, вымѣрилъ въ длину гробницы, завязалъ узелъ, помочилъ въ маслѣ и пережегъ отъ горящей лампады фитиль по

узелъ, завернулъ въ сѣрую бумагу и подалъ намъ. Потомъ досталъ висѣвшій ликомъ къ стѣнѣ образъ муч. Дмитрія и показывалъ намъ. Очка образа 6-вершковая, обложена серебряной ризою, на иконѣ надпись славяно-церковная таковая: „Образъ святаго мученика Дмитрія“. Этому мы немало удивились, такъ какъ мѣстность Салоники принадлежала раньше грекамъ и письмо должно быть на образѣ на греческомъ языкѣ, а не на славянскомъ. Не два ли образа имѣются въ этой темной комнатѣ: для русскихъ поклонниковъ турки можетъ быть показываютъ на русско-славянскомъ письмѣ, а грекамъ на греческомъ.

Прекрасная бывшая церковь мученика Дмитрія построена изъ мрамора, и клѣть съ Дмитріевой гробницей находится давнымъ давно подъ властью сарацынъ. Всемогущій Богъ за злодѣянія наши попустилъ обладать святыя мѣста невѣрнымъ народамъ. И какъ въ этомъ мѣстѣ признать святыню,—объ этомъ предоставляю на обсужденіе каждому читателю.

13 іюня Максимычевъ напомнилъ намъ, что нужно идти въ таможенство для полученія обратно взятыхъ у насъ бумагъ и патроновъ. Когда Максимычевъ пришелъ въ таможенство, то турки выдали ему книги и бумаги, но патроновъ не отдали, а, показывая на нихъ, что то говорили по турецки. Потомъ пришелъ и переводчикъ, который тоже сталъ показывать на патроны и спрашиваетъ: „гдѣ? гдѣ?“ А слово „револьверъ“ видно, что запамятовалъ. Максимычевъ притворился, что не можетъ понять. Наконецъ, толмачъ говоритъ: „пушка гдѣ? пушка гдѣ?“ Максимычевъ указалъ рукой на крѣпостные барбеты, гдѣ стояло много орудій, и говоритъ: „вонъ пушка“. Чиновники турки засмѣялись надъ его простотой, перестали тѣснить его насчетъ револьверовъ и съ тѣмъ его отпустили, чего Максимычевъ только и желалъ, чтобы отъ нихъ поскорѣе убраться благополучно.

Въ тотъ же день, т. е. 13 іюня, въ субботу, въ 10 часовъ вечера расположились мы на ночной спокой, какъ вдругъ послышалось пѣніе молитвы. Мы встали, одѣлись и пошли; но вмѣсто моленія воскресной службы оказалось, что греческій священникъ въ столовой вѣнчалъ новобрачныхъ. Среди столовой стоялъ столъ, на столѣ три иконы. Священникъ водилъ новобрачныхъ вокругъ стола. Мы удивились, такъ какъ это было на второй недѣлѣ Петрова поста, да къ тому же въ субботу на воскресеніе. На другой день свидѣлись мы съ Герасимомъ и сказали ему: „Какъ это въ гостинницѣ прошлый вечеръ было бракосочетаніе?“ Герасимъ на это отвѣтилъ: „въ этомъ нѣтъ удивленія и сомнѣнія; въ Греціи обычай имѣютъ вѣнчать вездѣ и во всякое время, и въ гостинницахъ, въ полѣ и даже безъ вѣдома отца и матери, только по

согласію жениха и невѣсты. Каждая страна имѣетъ свой обычай".

14 іюня ходили мы въ бывшую церковь великомученика Георгія, гдѣ сохранилась на краямъ купола древняя живопись. Признать лицъ въ точности невозможно, видъ показываетъ какъ бы священническій: руки держатъ по обѣ стороны ладони распростертыя, на главахъ вѣнцовъ незамѣтно; между ними во многихъ мѣстахъ изображены голуби. Это зданіе, построенное до Рождества Христова, было когда-то славное идолопоклонническое капище. По обращеніи Солунянъ въ христіанство оно обращено было въ церковь великомученика Георгія. По взятіи турками Салониковъ церковь обращена въ мечеть. Какая это сохранилась живопись и для чего турки не загрунтуютъ ее—этого я опредѣлить не могу.

15 іюня, въ 8 ч. утра пошли мы въ пароходное агентство, получили до Смирны билеты и пришли въ турецкую таможню для полученія своихъ дескире. Чиновникъ черезъ переводчика сказалъ намъ: „васъ изъ Салоникъ выпустить нельзя, такъ какъ у васъ дескире прописано на Салоники, а дальше не упомянуто, да къ тому же обозначено, что вы турецкіе подданные. Мы опять обратились къ русскому консулу. Генералъ Иларіоновъ, консулъ, посмотрѣлъ наши дескире и сказалъ намъ: „въ дескире дѣйствительно написано, что вы турецкіе подданные."—„Никакъ нѣтъ, Ваше Превосходительство, мы русскіе подданные, уральскіе казаки. Мы имѣемъ заграничные русскіе паспорта".—Просмотрѣвъ паспорта, консулъ приказалъ писарю написать, что въ дескире ошибочно прописано: турецкіе подданные... „Прошу дескире переправить и прописать, что они отправляются въ портъ Смирну". Писарь моментально приготовилъ (бумагу), съ которой приказали намъ обратиться къ градоначальнику. Мы поспѣшно разыскали канцелярію градоначальника. Снаружи у дверей сторожъ потребовалъ за входъ съ насъ деньги; мы не споря деньги сторожу уплатили и вошли въ канцелярію, но градоначальника не застали, и писаря на нашъ вопросъ отвѣтили, что онъ придетъ въ два часа пополудни. Ожидать до 2-хъ часовъ намъ было невозможно: пароходъ снимется, отходящій въ Смирну, и билеты наши пропадутъ, товарищъ нашъ Барышниковъ на пароходѣ уѣдетъ съ багажомъ въ Смирну безъ паспорта и безъ билета (пароходные билеты всѣ находились у меня). Что оставалось намъ дѣлать? Спросили гдѣ квартира градоначальника, и отправились туда на извозчикѣ, но къ прискорбію нашему градоначальника въ квартирѣ не оказалось. Обратились мы вторично къ консулу съ извѣстіемъ о нашемъ несчастливомъ положеніи, и консулъ насъ послалъ къ генералъ-губернатору, предполагая, что градональникъ будетъ у него.

Отправились мы на извощикѣ къ генералъ-губернатору, но и здѣсь его не было. Обратились въ 3-й разъ къ консулу; консулъ послалъ съ нами своего гаваса (гавасами въ Салоникахъ служатъ изъ албанцевъ, рубахи носятъ широкія, на подолѣ нѣсколько складокъ; рубаха дѣлается изъ 40 аршинъ), вручилъ ему свою карточку и сказалъ: „ступайте къ такому то чиновнику, онъ вамъ, быть можетъ, все дѣло обработаетъ.“ Пришли къ сказанному чиновнику. Гавасъ вошелъ къ нему и скоро вышелъ.— „Дѣло не тянетъ,—сказалъ гавасъ, а нужно будетъ сходить въ концелярію, въ которой вы были. Гавасъ поѣхалъ, мы остались ожидать; пріѣхалъ гавасъ обратно и сказалъ: „Нѣтъ, и карточка консульская не помогаетъ. Давалъ денегъ и деньги не берутъ!..“—„Что же будемъ дѣлать?“—спросили мы.—„Хоть ревите,“ отвѣтилъ гавасъ. Наконецъ, нашли градоначальника дома. Онъ, спасибо, скоро отпустилъ, только приказалъ намъ съ бумагой обратиться въ его канцелярію, въ которой мы были уже дважды. Мы попросили гаваса, чтобы онъ въ канцелярію съѣздилъ одинъ, а сами сѣли на конку и поѣхали на пристань узнать, гдѣ нашъ товарищъ и багажъ. По пути зашли въ пароходное агентство и попросили, не будетъ ли возможно на полчаса задержать пароходъ.—„Никакъ нельзя“ отвѣтилъ агентъ.—„Мы не сами собой не угодимъ на пароходъ—насъ власть задержала; иначе получите отъ насъ билеты обратно.“—„Мы обратно билеты не принимаемъ.“—„А сколько осталось времени до отхода?“—„Одинъ часъ половина,“—отвѣтилъ нѣмецъ. Бросились мы на пристань. Барышниковъ съ багажомъ сидитъ въ дверяхъ таможни.—„Я, говоритъ, думалъ, вы уже пропали, турки васъ забрали“. Въ это время гавасъ привезъ намъ дескире, а на пароходѣ данъ былъ второй свистокъ. Мы засуетились, разыскивая свои патроны, которые при обыскѣ отъ насъ были отобраны, но чиновника, у котораго хранились патроны, въ это время въ таможенствѣ не было. Мы махнули рукой, сѣли въ лодку и поспѣшно поѣхали на пароходъ. Только успѣли подъѣхать къ пароходу, поданъ былъ послѣдній свистокъ къ отъѣзду.

Въ 2 часа пополудни пароходъ снялся и пошелъ по направленію къ Смирнѣ. На пути матросы намъ разсказали, что въ 12 верстахъ отъ Смирны есть казацкая слобода, бѣжавшихъ когда то изъ Россіи, а къ какому войску принадлежали они, матросы не знаютъ *).

---

*) Рѣчь идетъ объ извѣстныхъ некрасовцахъ, вышедшихъ изъ Россіи съ атаманомъ Игнатіемъ Некрасовымъ въ 1708 г. Въ 1827 году они переселились съ береговъ Дуная въ Малую Азію.

16 іюня прибыли мы въ Смирну, гдѣ у прибрежья бухты стояли 12 англійскихъ броненосцевъ и три миноноски. Въ этотъ день у англичанъ былъ праздникъ—день рожденія Викторіи, и съ броненосцевъ стрѣляли изъ нѣсколькихъ десятковъ орудій. На каждомъ броненосцѣ выкинуты были сотни разныхъ флаговъ.

Г. Смирна числится очень древнимъ городомъ; первоначально іоническая колонія, разрушена за 6000 лѣтъ до Рождества Христова лидійцами и впослѣдствіи вновь выстроена Антигономъ. Смирна сдѣлалась средоточіемъ мало-азіатской торговли и такъ пребываетъ даже до настоящаго времени.

Тутъ вырабатывается множество роснаго ладону. Раньше мы думали, что росный ладонъ выростаетъ самъ собою. Нѣтъ, его вырабатываютъ искусственно; вотъ разсказъ почтеннаго грека (жителя г. Смирны), который самъ работалъ на заводѣ: росный ладонъ сначала собираютъ съ душистыхъ растеній, цвѣты до 38 разныхъ породъ и малая часть въ нихъ употребляется мингали (миндаля?). Цвѣты эти соединяютъ вмѣстѣ, кладутъ въ большіе мѣдные котлы. Когда все это приготовлено, пріѣзжаетъ на заводъ митрополитъ и епископы съ причтомъ, служатъ надъ цвѣтами молебенъ, послѣ чего начинаютъ ихъ варить и отливаютъ въ формы, особо устроенныя на этотъ предметъ.

Въ Смирнѣ насчитываютъ теперь около 150 тыс. жителей: турокъ, евреевъ, грековъ и франковъ. Слово Христово въ Смирнѣ посѣяно съ самыхъ первыхъ годовъ проповѣди апостоловъ, церковь насаждена здѣсь св. Іоанномъ Богословомъ. Первымъ свѣтиломъ смирнской церкви былъ святитель Поликарпъ, рукоположенный св. Викуломъ и благословенный Іоанномъ въ епископы. Св. Поликарпъ пострадалъ въ 166 году, въ жестокое гоненіе Марка Антонина. Въ Смирнѣ сохранились на одномъ возвышенномъ мѣстѣ, при склонѣ горы Палусы, остатки развалинъ (амфитеатра), гдѣ пострадалъ столѣтній святитель и другой ученикъ Іоанна Богослова. Послѣ нихъ на этомъ же мѣстѣ отъ идолопоклонниковъ различно были замучены еще многіе христіане: колесованы, звѣрьми поядены, въ котлахъ сварены. Въ греческой церкви этого города сохраняется евангеліе, писанное Іоанномъ Богословомъ на пергаментѣ, которое англичане стремились купить, но греки ни за что продать его не намѣрены. И теперь оно сохраняется у грековъ въ церкви.

17 іюня, избѣгая турецкой таможни, перебрались мы съ русскаго парохода на австрійскій. Въ 5 часовъ пополудни пароходъ снялся. На пути мы останавливались у города Хіо, находящагося на островѣ того же имени. Городъ Хіо невзраченъ, наполненъ развалинами, памятниками фанатизма турецкаго надъ не-

счастнымъ его населеніемъ за его сочувствіе греческому возстанію; но загородныя дачи его съ густыми садами великолѣпны. Островъ Хіо гористъ, но очень плодороденъ, производитъ: виноградъ, маслины, хлѣбъ, хлопчатую бумагу и шелкъ. Здѣсь пострадалъ въ III вѣкѣ отъ нечестиваго царя Декія святый мученикъ Исидоръ (память его совершается 14 мая).

На пути изъ Хіо, проѣздомъ среди частыхъ большихъ и малыхъ острововъ Архипелага, мы остановились на нѣсколько минутъ у острова Патмосъ. Это мѣсто заточенія св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова въ царствованіе императора Домиціана. Здѣсь восторженному духомъ Богослову въ день недѣльный, явился сынъ Божій, Альфа и Омега, посреди семи свѣтильниковъ съ семью звѣздами въ правой рукѣ, изображавшими семь церквей азійскихъ и ихъ семь ангеловъ. Патмосъ представляется въ видѣ двухъ огромныхъ горъ, соединенныхъ узкимъ перешейкомъ; на вершинѣ одной горы среди города возвышается монастырь св. Іоанна Богослова, а не въ дальнемъ разстояніи на отдѣльной скалѣ стоитъ бѣдная церковь, о двухъ куполахъ, построенная будто бы на томъ мѣстѣ, гдѣ св. апостолъ Іоаннъ Богословъ имѣлъ божественное откровеніе. Вправо отъ церкви замѣтно что то въ родѣ пещеры; мѣстные жители доказываютъ, что въ этой именно пещерѣ Іоаннъ Богословъ написалъ божественный „апокалипсисъ“.

18 іюня, въ 7 часовъ вечера достигли мы острова Родоса съ главнымъ городомъ того же имени, лежащаго въ Средиземномъ морѣ при концѣ Архипелага, въ двухъ миляхъ отъ юго-западнаго мало-азіатскаго берега. Въ Родосѣ пришлось пробыть 4—5 часовъ для выгрузки и нагрузки товаровъ. Островъ Родосъ производитъ вино, хлѣбъ, масло, строевой лѣсъ, хлопчатую бумагу, особенно гранатовыя яблоки („родія“, откуда (?) и самое названіе острова Родосъ), воскъ и медъ. Мягкій климатъ, благорастворенный воздухъ родоскій благовонными испареніями лимонныхъ, апельсинныхъ и гранатовыхъ рощъ привлекаетъ сюда множество слабыхъ грудью для лѣченія.

V.

Островъ Кипръ и гор. Лемносъ. — Встрѣча со священникомъ. — Городъ Ларнакъ. — Посѣщеніе Лазарева монастыря. — Икона, писанная св. Лукой. — Гор. Бейрутъ. — Сидонъ. — Г. Тиръ. — Акра. — Кяфа и гора Кармилъ. — Размышленіе о религіозномъ высокомѣріи. — Гор. Яффа, Лидда, Рамла, Язуръ, Потдеджанъ (Бетъ-Дагонъ). — Прибытіе въ Іерусалимъ.

20 іюня, на всходѣ солнца прибыли мы къ острову Кипру къ портовому городу Лемносу. Здѣсь родина святаго Іоанна Милостиваго, патріарха Александрійскаго, который по прожитіи до полныхъ лѣтъ, чувствуя приближеніе своей кончины, велѣлъ перенести себя въ родной городъ, гдѣ и преставился. Кипріяне съ парохода перевезли насъ на лодкахъ на берегъ. Въ городскихъ воротахъ стоялъ черный арабъ, который спросилъ насъ на русскомъ нарѣчіи: „Чего желаете видѣть?“ — „Нужно намъ базаръ,“ отвѣтили мы. Арабъ пошелъ съ нами, мы прошли по базарной улицѣ и купили арбузъ, сливъ и вишень; на обратномъ пути спросили араба: „Есть здѣсь христіанскія церкви?“ — „Есть“, отвѣтилъ арабъ. — „Ну пойдемъ съ нами до церкви.“ Повернули въ переулокъ на лѣво, гдѣ встрѣтился намъ человѣкъ высокаго роста, среднихъ лѣтъ, немного побѣлѣе араба, на головѣ длинные, черные курчавые волосы, на плечахъ надѣта короткая, черная куртка, панталоны высоко подняты. Въ одной рукѣ онъ держалъ кисетъ, а въ другой трубку съ длиннымъ растреснутымъ чубукомъ. „Вотъ и священникъ этой церкви,“ сказалъ арабъ. Мы пристально посмотрѣли на священника и съ тѣмъ пошли обратно на пароходъ, не заходя уже въ церковь. Черезъ полчаса пароходъ снялся, и въ два часа пополудни мы остановились у этого же острова близъ города Ларнака.

Городъ Ларнакъ на островѣ Кипрѣ числится главнѣйшимъ. Кипріяне пріѣхали къ намъ на легкихъ лодкахъ и приглашали желающихъ побывать въ городѣ. Въ числѣ прочихъ пріѣхалъ одинъ пришелецъ изъ болгаръ, который когда то раньше случайно заѣхалъ на иностранномъ пароходѣ на островъ Кипръ, а обратно выѣхать по крайней бѣдности не имѣетъ возможности; русскіе пароходы на Кипръ не заходятъ. И вотъ этотъ болгаринъ на русскомъ нарѣчіи сталъ насъ приглашать въ городъ. Мы его спросили: „Есть у васъ монастыри вблизи города?“ — „Есть древ-

ній монастырь, называемый Тикосъ“ (онъ же и Лазаревъ). — „Мы слыхали, будто бы въ немъ сохраняется образъ Божіей Матери съ Предвѣчнымъ, которую написалъ евангелистъ Лука?“ — „Да, сохраняется въ церкви Лазаря Четверодневнаго.“ — „Можешь насъ довести до церкви, указать намъ икону Божіей Матери и гробницу Лазареву?“ — „Могу,“ отвѣтилъ болгаринъ.

Погода была очень вѣтреная, море ужасно расколыхалось, пароходъ, стоявшій на якорѣ, то поднимался на хребетъ волнъ, то опускался между волнъ внизъ, какъ въ пропасть. Но когда услыхали мы отъ болгарина, что пріѣхали къ тому мѣсту, о которомъ за тысячи верстъ слыхали отъ аѳонскихъ монаховъ, что на островѣ Кипрѣ сохраняется икона Божіей Матери съ Предвѣчнымъ, писанная Лукой евангелистомъ, и гробъ Лазаря Четверодневнаго, то двое мы спустились по пароходной лѣстницѣ въ лодку и поѣхали къ берегу. Оставшійся Барышниковъ на пароходѣ съ сожалѣніемъ говорилъ намъ: „Не вернуться ли вамъ обратно на пароходъ, волны грозятъ опасностью.“ Но мы перекрестили себя крестнымъ знаменіемъ и въ отвѣтъ сказали: „Пусть будетъ надъ нами воля Божія, пусть поглотятъ насъ морскія волны и вода послужитъ намъ гробомъ, а дно моря могилой, но не видавши древняго написанія образа Божіей Матери съ Предвѣчнымъ — не воротимся.“ И съ тѣмъ пустились ѣхать по пѣнистымъ морскимъ волнамъ. Черезъ $^3/_4$ часа мы были на берегу. Болгаринъ повелъ насъ черезъ городъ, среди котораго возвышается монастырь, обнесенный вокругъ высокой каменной стѣной; по срединѣ стѣны красиво устроенная башня съ желѣзными воротами; среди монастыря высоко-обширная церковь во имя праведнаго Лазаря, друга Господня. Мѣстное преданіе гласитъ, что здѣсь Лазарь, другъ Божій, былъ первымъ епископомъ и здѣсь же почилъ до втораго общаго воскресенія. Надъ могилою построена во имя его церковь, въ алтарѣ которой хранится каменный гробъ Лазаревъ.

Находящійся при церкви сторожъ отомкнулъ намъ для входу двери церковныя, и вмѣстѣ съ сторожемъ вошли изъ мѣстныхъ жителей двое мужчинъ и двѣ женщины. Мы осмотрѣли всѣ образа, но образа Божіей Матери, писаннаго Лукой евангелистомъ, по мнѣнію нашему не видится. Спрашиваемъ: „Гдѣ же та икона, которую писалъ евангелистъ Лука?“ Но какъ мѣстные жители не понимаютъ русскаго нарѣчія, то и не нападутъ на наше желаніе, а только пожимаютъ плечами и что то бормочатъ, разводя руками. Одна женщина растворила алтарь и насъ проситъ войти во внутрь алтаря. Мы думали, что она хочетъ показать намъ икону Божіей Матери, но между тѣмъ начала говорить:

„Лазарь, Лазарь!“, указывая рукой слѣзть въ подвалъ. Слѣзли мы по ступенямъ въ подвалъ, гдѣ сохраняется каменный гробъ воскресшаго Лазаря, надъ которымъ виситъ горящая лампада. Посмотрѣли мы, вышли обратно и стали повторять: „евангелистъ Лука писалъ образъ Божіей Матери,“ а сами рукой указываемъ примѣры живописанія. Одинъ изъ мѣстныхъ мужчинъ лѣтъ 50 въ красной турецкой фескѣ, съ большими усами, повидимому разгадалъ дѣланный признакъ нашей рукой живописанія съ упоминаніемъ евангелиста Луки, маякнулъ насъ къ себѣ, а самъ отступилъ шаговъ семь назадъ. Мы пошли за нимъ. Подвелъ насъ къ одной колоннѣ; сбоку колонны пристроена коленкоровая занавѣсь. Длинноусый открылъ ее; на колоннѣ стоитъ въ ветхомъ иконостасѣ икона въ 18 верш. во имя Божіей Матери съ Предвѣчнымъ, темнаго вида. У Предвѣчнаго благословляющая рука изображена двуперстно, надъ Предвѣчнымъ окладъ серебрянный, на которомъ написаны буквы ΙΣ—ΧΣ. По всему должно полагать, что окладъ на иконѣ устроенъ послѣ греками, а подъ окладомъ какими буквами раньше было изображено, — видѣть невозможно: на иконѣ отъ ветхости обозначается лопина (трещина). Пока осматривали мы образъ Божіей Матери, мѣстные жители желали разъяснитъ намъ объ иконѣ, но русскаго языка не знаютъ, а только подтверждаютъ: „Лука, Лука!“ и дѣлаютъ своими руками примѣръ живописи. Намъ было это понятно; дѣйствительно, видъ написанія и ветхость подтверждаетъ разсказъ правдоподобнымъ. Мы воздали должную честь образу Божіей Матери, а на возвратномъ пути зашли въ австрійское агентство и купили пароходные билеты до Яффы.

Островъ Кипръ (по турецки Кибрисъ) лежитъ въ восточный части Средиземнаго моря, занимаетъ 150 квад. миль и имѣетъ 110 тыс. жителей, большей частью грековъ. Онъ весьма плодороденъ: хлопчатая бумага, южные плоды, строевой лѣсъ, кедровые, финиковые, кипарисные, буковые и дубовые лѣса, мѣдь, желѣзо и множество соли. Въ настоящее время онъ находится подъ властью англичанъ, а всѣми духовными дѣлами Кипрскій митрополитъ управляетъ независимо. Между древними обитателями Кипра было распространено служеніе богинѣ Венерѣ, которая, по баснословному разсказу, родилась на берегахъ Кипра изъ пѣны морской, отчего и получила прозвище Киприды.

На этомъ островѣ родился великій угодникъ Божій и чудотворецъ Спиридонъ. Вначалѣ Спиридоній занимался земледѣліемъ и пасъ стада овецъ, но въ послѣднее время, по святой своей жизни, сдѣлался пастыремъ Тримиѳуитской церкви, силою вѣры производилъ чудеса съ такою же простотою, какъ и дѣла обык-

новенныя; такъ напр. онъ спрашивалъ мертвую дѣвицу, гдѣ лежитъ золото, данное ей въ залогъ, и получилъ отъ нея отвѣтъ.

20 іюня, на закатѣ солнца снялись съ кипрской пристани, а на другой день остановились у пристани города Бейрута. Бейрутъ, древній Виритъ, лежитъ на мало-азіатскомъ берегу въ Сиріи, въ прекрасной долинѣ, у подошвы Ливанскихъ горъ. Мѣстные жители разсказываютъ, что въ древности тутъ было знаменитое римское училище правовѣденія. Бейрутъ, занимая выгодное положеніе въ торговомъ отношеніи съ одной стороны между Тиромъ, Сидономъ, Акрою, Кайфою и Яффою, а съ другой между Триполисомъ, Лаодикіею (Латакія) и Александреттой, — служитъ важнымъ торговымъ пунктомъ. Отъ Дамаска отстоитъ въ недальнемъ разстояніи.

Населеніе Бейрута составляютъ, можно сказать, всѣ племена востока. Христіане католическаго вѣроисповѣданія имѣютъ церкви и епископа. Внѣ города католики имѣютъ монастырь, гдѣ находится у нихъ училище для арабскихъ дѣтей. Православное исповѣданіе также имѣетъ 9 церквей, въ коихъ богослуженіе совершается на арабскомъ языкѣ, и своего архіепископа, подчиненнаго патріарху Антіохійскому. Въ Бейрутской гавани стоятъ военные пароходы: англійскіе, французскіе и турецкіе. Въ Бейрутѣ стояли мы однѣ сутки; таможенство осматриваютъ и слѣдятъ строго каждаго иностраннаго человѣка, какъ входящаго въ городъ, такъ и исходящаго изъ города.

22-го іюня, по всходѣ солнца, снялся пароходъ и поползъ своимъ путемъ изъ Бейрута къ Сидону. Недалеко отъ моря высится турецкая мечеть съ нѣсколькими вокругъ нея жилыми зданіями. Жители говорятъ, что мечеть эта воздвигнута надъ могилою святого пророка Іоны, который, послѣ проповѣди въ Ниневіи, окончилъ жизнь свою между Бейрутомъ и Сидономъ.

Городъ Сидонъ раскинутъ на горномъ мысѣ, который живописно разсѣкаетъ море; окрестности Сидона хорошо обработаны: вездѣ сады и рощи; цитадель построена на вершинѣ горы, городъ окружаетъ ее и идетъ далеко по впадающей въ море косѣ. Не даромъ Іисусъ Навинъ называетъ Сидонъ великимъ. На основаніи столь древняго свидѣтельства о существованіи Сидона думаютъ, что онъ основанъ старшимъ сыномъ Ханаана — Сидономъ (Быт. X — 15). Говорятъ, будто бы сидоняне основали городъ Тиръ. Дѣйствительно можно допустить, что сидонскіе искусные художники царемъ Тирскимъ были высланы въ Іерусалимъ для строенія скиніи завѣта по просьбѣ царя Соломона. Соломонъ премудрый писалъ къ Хираму, царю Тирскому, такими словами: „тебѣ извѣстно, что у насъ никто не знаетъ такъ умѣючи древа

сѣщи, яко-же сидоняне“ (3. Царствъ, V. 6). Передаютъ также, будто сидонскіе художники достигли механическихъ искусствъ: ими изобрѣтено было стекло, хрусталь и лучшія ткани. Можно сказать, что роскошь Сидонская соблазнила премудраго царя Соломона, который во время своего заблужденія водворилъ сидонскихъ идоловъ въ Іерусалимѣ, за что и былъ наказанъ Господомъ Адонаи, по пророчеству Іезекіиля (XXVIII, 22—24). Сидонъ вмѣстѣ съ Іерусалимомъ ниспроверженъ царемъ Навуходоносоромъ: мечъ, гладъ и чума опустошили его. Впослѣдствіи, переходя изъ рукъ въ руки разныхъ завоевателей, Сидонъ за 66 л. до Р. Х. подпалъ подъ владычество римлянъ, въ 636 году по Р. Х. онъ сдѣлался добычею срацынъ.

Городъ Тиръ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, будто бы очень древній городъ; основанъ сыномъ Афета, Ѳирасомъ. Тирянамъ приписываютъ, будто они раскрыли обширность земного шара: они обогнули Африку, открыли Индію, проникли въ Персидскій заливъ и въ Черное море; съ другой стороны — они поднялись выше и достигли до Исландіи.

Акра или Птолемаида (20 т. жителей) занимаетъ мѣсто древняго Акхора; Акру также можно признать древностію: объ Акхорѣ упоминается даже въ книгѣ „Судей Израилевыхъ“. Греки называютъ этотъ городъ Акка, по-гречески исцѣленіе, вслѣдствіе того, что Геркулесъ, ужаленный зміемъ, вылѣчился близь Акки, на рѣкѣ Белусѣ, травою, называемою мѣстными жителями колоказія.

Послѣ этого достигли мы города Кайфы, или, какъ называютъ его арабы, Кяфа, построеннаго у подошвы горы Кармила. Городъ обнесенъ низкою стѣною съ нѣсколькими башнями; въ Кайфѣ до 3 т. жителей, въ томъ числѣ около 500 христіанъ; торговля тутъ незначительная. Главный вывозъ: хлѣбъ, маслины, хлопчатая бумага, морскія губки. Тутъ къ намъ приходилъ молодой человѣкъ изъ бѣлыхъ арабовъ, вѣроисповѣданія православнаго, хорошо говоритъ по-русски, учился грамотѣ въ русской школѣ. Онъ намъ сказывалъ объ этой мѣстности; гора, подъ которой основанъ городъ Кяфа, называется Кармильская. Мѣстное преданіе гласитъ, что пророкъ Іона былъ выброшенъ изъ челюстей морского великана кита на сушу у подошвы горы Кармила, тамъ, гдѣ теперь стоитъ городъ Кайфа. На самой вершинѣ горы виднѣется скромная церковь во имя пророка Иліи. На этомъ-то мѣстѣ Илія пророкъ, во времена царя Ахава и жены его Іезавели, производилъ споръ съ безстудными священниками. Тамъ же на вершинѣ горы существовалъ нѣкогда городъ Акватана или Кармилъ, съ капищемъ идола Ваала. Посредствомъ жертвоприношеній Ваалу, на Кармилѣ исполнялись всякія жела-

нія. Влекло на эту гору даже и израильтянъ, которые, такимъ образомъ, совращались въ идолопоклонство. Въ одной изъ многихъ пещеръ, пестрящихъ ребра горы Кармила, поселился св. пророкъ Илія, чтобы не дать совратиться всему Израилю въ поклоненіе бездушному Ваалу. Видя царя Ахава, отступившаго отъ вышняго Бога, подъ вліяніемъ своей жены Іезавели, и за нимъ градоначальниковъ и почетныхъ людей, пророкъ Илія обличалъ царя и жену его Іезавель, виновницу всѣхъ этихъ совращеній. Положа руки на сердце, Илія со слезами кричалъ израильтянамъ: „доколѣ храмлите на обѣ бедры ваши? Если Господь Богъ силенъ, идите въ слѣдъ его, а если Ваалъ сильнѣе, то идите за нимъ“. (Тогда на вершинѣ горы Кармила произошло соревнованіе Иліи и пророковъ Вааловыхъ, причемъ Богъ явилъ чудеса по молитвѣ Иліи и послѣ этого пророкъ избилъ жрецовъ. Все это извѣстно изъ библейскаго разсказа).

Считаю нужнымъ обратить вниманіе на слѣдующее: пророкъ Илія говорилъ: я пророкъ Господень остался одинъ, а пророковъ вааловыхъ 390. Между тѣмъ впослѣдствіи Господь открылъ ему, что въ Израилѣ оставалось еще 7,000 человѣкъ вѣрныхъ, которые, подобно ему, не совратились въ прелесть гибели. Итакъ Илія, человѣкъ святой и пророкъ, въ ревности своей къ Богу высказалъ мнѣніе ошибочное, будто, кромѣ него, не осталось уже вѣрныхъ Богу людей. И Богъ обнаружилъ его ошибку. Но мы и нынѣ поголовно дерзаемъ возвышать себя и рѣшаемся говорить, что, кромѣ насъ, нѣтъ нигдѣ вѣрныхъ. Илія былъ мужъ святъ, пророкъ, отъ ангельскихъ рукъ питался, съ Богомъ бесѣдовалъ, но и отъ него скрытые были Богомъ люди вѣрные. Поэтому и мы не должны дерзать о прочихъ, есть или нѣтъ (вѣрные), а только наблюдать и направлять каждый о своемъ спасеніи. Послѣ того, когда взятъ былъ Илія въ огненной колясцѣ на высоту, на горѣ Кармилъ остался наслѣдникъ его благодати пророкъ Елисѣй.

Верстъ 15 далѣе — городъ Наблосъ, въ которомъ находился царь Ахавъ съ Іезавелью; тамъ остались признаки (?), гдѣ ушиблась, упавши съ верхняго этажа, царица Іезавель и какъ собаки лизали ея кровь.

Этотъ молодой арабъ, послѣ всего разсказа сталъ говорить съ печальнымъ видомъ: „Скоро ли мы здѣсь дождемся того времени и пріятныхъ минутъ, когда пріѣдетъ царь русскій, православный и освободитъ насъ отъ ига турецкаго. Турки насъ православныхъ здѣсь считаютъ за собакъ и всячески насъ оскорбляютъ. Мы ожидали сюда Александра III, но благодатная минута возсіять на насъ не могла, или время еще не достигло; те-

перь ожидаемъ Николая II. Быть можетъ придетъ нашъ избавитель и освободитъ насъ отъ ига магометанскаго".

Въ 12 часовъ ночи пароходъ снялся съ пристани Кайфы; въ 12-же часовъ дня, *23-го іюня*, пароходъ бросилъ якорь на пристани города Яффы. Городъ Яффа по исторіямъ замѣчательный. Въ древнія времена Яффа называлась Іоппа, какъ сказано въ библіи и въ пареміяхъ, праздничныхъ минеяхъ: „Бысть слово Господне къ Іонѣ пророку: востани и пойди въ Ниневію, градъ великій, и проповѣждь въ немъ, яко взыде вопль злобы его ко мнѣ... чрезъ три дня городъ раззорится и погибнетъ". Іона вознамѣрился бѣжать отъ лица Господня. „И сниде (Іона) въ Іоппію и обрѣте ту корабль, идущъ въ Ѳарсисъ, и даде наемъ свой и вниде въ той отплыти съ ними въ Ѳарсисъ отъ лица Господня". Яффа по-еврейски означаетъ „красота", а по финикійски — „возвышенность". Этотъ городъ, говорятъ, что самый древній на земномъ шарѣ; онъ существовалъ уже до всемірнаго потопа, потомъ же снова былъ построенъ однимъ изъ сыновей праведнаго Ноя. Возлѣ Яффы, на ея прибрежьяхъ построенъ былъ ковчегъ, въ которомъ Ной праведный спасся со своимъ семействомъ отъ всемірнаго потопа. Яффа. подъ древнимъ именемъ Іоппіи, упоминается и въ греческихъ исторіяхъ самыхъ отдаленныхъ временъ. Здѣсь, говорятъ, совершилъ свой геройскій подвигъ греческій полубогъ Персей, освободившій дочь эѳіопскаго царя Кифея отъ морского чудовища Деркета, которому, какъ божеству, поклонялись жители Яффы, принося ежедневно въ жертву по одному человѣку. Изъ книги Іисуса Навина видно, что во времена евреевъ Яффа по опредѣленію досталась колѣну Данову; а въ книгѣ Паралипоменонъ означается, что въ Яффѣ царь Тирскій Хирамъ выгружалъ изъ Средиземнаго моря кедры ливанскіе, которые сплавлялись изъ Ливанскихъ горъ, и отправлялъ ихъ чрезъ высокія, каменистыя горы и глубокіе овраги въ Іерусалимъ для постройки храма Соломонова. Въ Яффѣ апостолъ Петръ воскресилъ Тавифу и здѣсь же, проживая въ дому Симона Кожевника, апостолъ Петръ имѣлъ видѣніе нисходящей съ неба плащеницы со всякими животными и гадами, знаменовавшей обращеніе въ христіанство не только іудеевъ, но и язычниковъ. Яффскіе жители нѣсколько разъ подвергались крайней опасности и даже гибели. До двухъ разъ Яффа разрушена была римлянами. Въ 1099 году приступомъ была взята крестоносцами; въ 1187 году Яффу осадилъ Саладинъ, султанъ Египта и Сиріи; однако Ричардъ „Львиное сердце", король англійскій, поспѣшилъ вовремя на помощь и избавилъ городъ отъ разрушенія.

Впрочемъ послѣ Ричарда, братъ Саладина, Адель, овладѣлъ

Яффою. Въ 1799 году Наполеонъ I взялъ у сарацинъ приступомъ Яффу, но въ 1832 году снова подпала подъ власть мусульманъ.

На пристани Яффской къ намъ на пароходъ пріѣхалъ гавасъ изъ русскаго консульства, съ которымъ мы уѣхали съ австрійскаго парохода на берегъ. Мы ему объяснили, что при себѣ имѣемъ револьверы и патроны. — „Ахъ, дѣло неладно, сказалъ гавасъ, — дайте же ихъ мнѣ, я спрячу". — „У насъ не одинъ, но три револьвера". — „Ну, всѣ скрыть мнѣ одному немыслимо". — „Мы только вамъ объяснили, что имѣемъ; во всякомъ случаѣ надѣемся, что таможенство ихъ при насъ не найдутъ". — „Ну, такъ ладно, все-таки дайте одинъ рубль имъ, они пропустятъ васъ". Дѣйствительно таможенные пропустили безъ остановки.

Мы пришли на вокзалъ; въ 2 часа пополудни поѣздъ тронулся изъ Яффы въ Іерусалимъ. Ѣзды 4 часа, 83 версты. Не въ дальнемъ разстояніи, на юго-востокъ отъ Яффы, мѣстечко Лидда. Въ древности это былъ славный городъ, въ настоящее время бѣдное, небольшое мѣстечко, съ 3 т. жителей, изъ коихъ одна треть православныхъ христіанъ, а остальные всѣ исключительно магометане. Лидда основана колѣномъ Веніаминовымъ, о ней упомянуто въ апостолѣ: „и бысть Петру, посѣщающему всѣхъ, снити къ живущимъ въ Лиддѣ, обрѣте же тамо человѣка именемъ Енея, отъ семи лѣтъ лежаща на одрѣ, иже бѣ разслабленъ. И рече ему Петръ: „Енее, исцѣляетъ тя Іисусъ Христосъ, востани съ постели твоея", и абіе воста, и видѣша его вси живущіи въ Лиддѣ и Ассаронѣ, иже обратишася къ Господу".

Въ 415 году здѣсь собранъ былъ соборъ противъ Пелагіанской ереси, на которомъ самъ же Пелагій проклялъ свое заблужденіе. Въ настоящее время въ Лиддѣ есть обширная и красивая церковь во имя св. великомученика Георгія, построенная въ 1872 году на великолѣпныхъ остаткахъ древней церкви, построенной еще при императорѣ Юстиніанѣ (527 — 565 г.). Въ Лиддѣ родился и выросъ великомученикъ Георгій, пострадавшій въ Никодиміи во время гоненія Діоклитіана, какъ видно изъ его житія.

Далѣе — городъ Рамли или Рамла; по-арабски слово рамла означаетъ песокъ, и это названіе дано этой мѣстности несомнѣнно по причинѣ песчаной почвы. Въ прежнія времена этотъ городъ сіялъ великолѣпностію, а въ настоящее время это небольшое грязное мѣстечко съ 4,000 жителей, изъ коихъ $^1/_6$ православныхъ, а остальные, за весьма немногими исключеніями, все мусульмане. Рамли расположенъ въ самой срединѣ весьма плодородной долины Саронской, отъ Яффы въ 15-ти верстахъ. Жители

Рамли занимаются, какъ и жители Яффы, торговою промышленностію, преимущественно по части вывоза мѣстныхъ произведеній: разныхъ фруктовъ и въ особенности сладкихъ крупныхъ арбузовъ. Яффскіе, Лидскіе и Рамльскіе арбузы славятся не только въ Палестинѣ, но и по инымъ государствамъ; вкусъ они имѣютъ на подобіе какъ въ Уральской области, но только крупнѣе и толстокожѣе. Изъ Яффы арбузы нагружаются на пароходы и отправляются Средиземнымъ моремъ во всѣ державы.

Въ Рамляхъ родился благообразный Іосифъ Аримоѳейскій и Никодимъ, потаенные ученики Христа Спасителя. Здѣсь же Самсонъ-богатырь отмстилъ филистимлянамъ за свою невѣсту, попаливъ у нихъ хлѣба и сады, и здѣсь же ослиною челюстію онъ убилъ 1,000 филистимлянъ.

Вправо отъ дороги, по которой слѣдуютъ изъ Яффы въ Рамлу, виднѣется полуразрушенное селеніе, называемое Язуръ, въ древности Газеръ — это, говорятъ, была столица хананеянъ, гдѣ Іисусъ Навинъ разбилъ на голову хананейскаго царя Орама и его союзниковъ, о чемъ упоминается въ книгѣ Іисуса Навина; а въ книгѣ Паралипоменонъ говорится, что на этомъ же мѣстѣ царь Давидъ разбилъ филистимлянъ. Въ этомъ Газерѣ, нынѣ Язуръ, родились благочестивые и воинственные Макавеи.

Не доѣзжая Рамла, влѣво отъ дороги, на довольномъ разстояніи виднѣется деревня Петдеджанъ; названіе это весьма созвучно еврейскому Бетъ-Дагонъ (домъ Дагона), о чемъ упоминается въ книгѣ Іисуса Навина: здѣсь былъ храмъ, а въ немъ стояла статуя Бога филистимлянъ Дагона; въ храмѣ этомъ филистимляне поставили-было кивотъ завѣта, отнявши его у израильтянъ; но только имъ это было безъ пользы, такъ какъ Дагонъ не могъ терпѣть кивотъ завѣта: идолъ упалъ и разбился. Затѣмъ и сами филистимляне потерпѣли разными болѣзнями и проводили обратно къ израильтянамъ кивотъ завѣта.

23-го іюня, въ 6 часовъ вечера, пріѣхали мы по желѣзной дорогѣ на вокзалъ, въ 1-й верстѣ отъ Іерусалима. Тутъ насъ встрѣтилъ гавасъ изъ черногоръ, служащій при дворѣ русско-палестинскаго общества, которому Яффскій гавасъ сообщилъ объ насъ телеграммой. Съ вокзала мы наняли карету, на которой доѣхали вмѣстѣ съ гавасомъ до русской постройки. Управляющій распорядился помѣстить насъ въ общемъ помѣщеніи русскаго подворья безплатно, но мы не пожелали быть въ общемъ помѣщеніи, а попросили, чтобы намъ дали отдѣльный номеръ III класса. Въ чемъ и были удовлетворены и помѣстились на 3-мъ этажѣ, въ 15-мъ номерѣ, за цѣну 50 к. въ сутки, на своемъ продовольствіи.

VI.

Въ Іерусалимѣ. — Поѣздка на Іорданъ къ Мертвому морю. — Дворъ добраго Самарянина. — Домъ богатаго Закхея. — Іерихонъ. — Растительность. — Случай на Іорданѣ. — Источникъ пророка Елисея. — Нищіе. — Воскресенская церковь и гробъ Господень. — Разсказъ о появленіи огня. — О Палестинѣ. — Отъѣздъ изъ Іерусалима.

По прибытіи въ Іерусалимъ, на другой день, *24-го іюня*, мы просидѣли въ квартирѣ безвыходно, такъ какъ сильно устали послѣ морского пути. Къ тому же, за послѣднія сутки былъ сильный вѣтеръ, Средиземное море насъ сильно поняньчило, послѣ чего первыя сутки мы были какъ хмѣльные, а на вторыя — съ похмѣлья. Только *25-го іюня*, въ 7 часовъ вечера, сходили на базаръ и наняли карету, чтобы съѣздить на Іорданъ къ Мертвому морю. *26-го іюня*, въ 2 часа по полуночи, пріѣхалъ къ намъ извозчикъ въ большой каретѣ на тройкѣ добрыхъ коней, въ которую мы помѣстились; съ нами сѣли въ карету Яковъ Ивановъ Цытренко, Черниговской губерніи, временно проживающій въ Петербургѣ, коммиссіонеръ комерческой компаніи, и для разъясненія поѣхалъ съ нами гавасъ изъ черногоровъ.

Проѣхавъ отъ Іерусалима верстъ 10, на всходѣ солнца, извозчикъ пріостановился съ цѣлью, чтобы дать отдохнуть лошадямъ. Вышли всѣ мы изъ кареты и видимъ: въ лѣвой сторонѣ, саженяхъ въ пяти отъ дороги довольно пространный домъ, дворъ котораго обнесенъ каменной стѣной. „Это дворецъ добраго самарянина,— сказалъ гавасъ, — о которомъ упоминается въ Евангеліи“. Мы съ любопытствомъ обошли кругомъ дворца. Послѣ чего, проѣхавъ верстъ 20, увидѣли по правую сторону дороги довольно красивый обширный садъ, съ высокими разныхъ породъ мѣстными фруктовыми и душистыми растеніями. Въ срединѣ этого цвѣтущаго сада виднѣется искусно построенный домъ о трехъ этажахъ, къ которому извозчикъ подвезъ насъ и остановился. — „Вотъ теперь отдохнемъ и закусимъ хлѣба-соли“, сказалъ гавасъ. На этомъ мѣстѣ раньше былъ знаменитый и многонаселенный городъ Іерихонъ. Мнѣ пришло на память, о немъ писано въ книгѣ Іисуса Навина: когда израильтяне по исходѣ изъ Египта и по смерти пророка Моисея остановились не въ дальнемъ разстояніи отъ города Іери-

хона, то Іисусъ Навинъ выбралъ изъ среды своего войска искусныхъ людей, которыхъ отправилъ развѣдчиками. Развѣдчики, пройдя къ городу, смекнули, что нужно имъ на время скрыться, пока не попали въ руки враговъ, и зашли къ одной публичной женщинѣ, которая согласилась ихъ скрыть. Іерихоняне выслѣдили ихъ и, придя къ женщинѣ, строго требовали отъ нея къ ней пришедшихъ неизвѣстныхъ людей. Но извѣстно, что такія женщины привыкли увертливо отвѣчать на всѣ вопросы, такъ и эта отвѣчала: „вамъ извѣстно, что ко мнѣ люди приходятъ въ домъ днемъ и ночью, и мнѣ нѣтъ надобности каждаго приходящаго пытать, кто онъ, откуда пришелъ и куда простираетъ свой путь. Вѣрно: были такіе люди и ушли задними воротами". Отвѣтъ ея іерихонянамъ показался настолько правдоподобнымъ, что они болѣе не стали розыскивать, и развѣдчики безъ препятствія вышли изъ города Іерихона и явились съ выгоднымъ извѣстіемъ къ Іисусу Навину. Іисусъ Навинъ приказалъ приготовить семь трубъ и, по распоряженію его, войска разставлены были вокругъ города. Когда заиграли въ эти трубы, то высокія стѣны Іерихона развалились и началось разграбленіе города и истребленіе людей; но женщину, которая скрыла въ дому своемъ развѣдчиковъ, приказано было не оскорблять и даже за искусную ея услугу воздали ей благодарность. Гдѣ теперь стоитъ упомянутый выше трехъэтажный домъ, во времена Христа Спасителя существовалъ домъ богатаго Закхея, который искренно пожелалъ видѣть Христа, но,по своему малому росту, среди густой массы народа, не чаялъ увидать Спасителя, почему и рѣшился влѣзть на дерево, стоявшее близь его дома. Спаситель взглянулъ на Закхея и сказалъ ему (какъ говорится въ Евангеліи): „Закхее, слези, днесь подобаетъ ми обитати въ дому твоемъ". Дерево это, на которое влазилъ Закхей, и теперь стоитъ, по имени ягодница (смоковница), толщиною въ два обхвата, аршина 4 вверхъ отъ земли и имѣетъ двѣ вѣтви, между которыми, по преданію, и сидѣлъ Закхей въ ожиданіи Христа Спасителя. Ягодница каждый мѣсяцъ даетъ плоды, въ годъ восемь разъ поспѣваетъ на ней ягода.

Масличное дерево видъ листьевъ имѣетъ какъ верба, или молокитникъ; кора на немъ темнаго цвѣта, ростетъ въ твердость очень медленно, но зато долговѣчно; существуетъ каждая маслина нѣсколько вѣковъ. Изъ масличнаго плода вырабатывается деревянное масло, очень вкусное; въ тѣхъ мѣстахъ это масло употребляютъ во всѣ кушанья, а то, что въ Россіи называется деревяннымъ масломъ, совсѣмъ не такое; быть можетъ то же, но только, какъ говорится, семьдесятъ семь разъ разбавлено, отчего не осталось въ немъ и признака масличнаго благовонія.

Перцовое дерево коры имѣетъ видъ, какъ на старомъ молокитникѣ, наружная часть коры сама приподнимается, на деревѣ листья узко-продолговатые, но плода даетъ очень много.

Рожковое дерево или заморско-стручковое, толстое и курчавое, какъ тополь, иногда отъ жаркаго солнечнаго припека плоды не успѣваютъ созрѣвать, отчего въ нихъ бываетъ большая разница.

Финиковое дерево на первый взглядъ имѣетъ видъ на подобіе куста камыша, только самая нижняя часть плотно вся сгрудилась, или еще похоже на широкую кугу *), корень одинъ, а кверху раздробилась на десятки частей. Когда середина поднимается, нижнія части начинаютъ сохнуть; эти вѣтки срѣзываютъ, оставшіеся сучки сжимаются плотно къ срединѣ, отчего и дѣлается твердость древеснаго стебля. На вершинѣ у финика длинныя вѣтки, числомъ ихъ цѣлыя сотни; на этихъ вѣткахъ длинные, твердые листья, на концѣ листьевъ острыя иглы, а между вѣтокъ висятъ кисти ягодъ отъ 15 ф. до 1 п. 20 ф. вѣсу. Украсть съ финика ягоду небезопасно, такъ какъ ягода бываетъ очень высоко, а на листьяхъ острыя иглы, на которыя человѣкъ можетъ легко напороться. Въ нашихъ мѣстахъ на Уралѣ о финиковомъ деревѣ отъ дѣдовъ передается разсказъ, будто-бы человѣкъ, который сажаетъ финиковое дерево, самъ отъ него ягоды не ѣстъ, потому что финикъ до 70 лѣтъ не даетъ плода. Разсказъ этотъ неправильный: финикъ плодъ даетъ очень скоро, послѣ посадки чрезъ 5—6 лѣтъ.

Послѣ роздыха и покормки коней, извощикъ запрегъ твойку лошадей, на которыхъ, проѣхавъ верстъ 17, выѣхали на берегъ Мертваго моря, которое образовалось на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше существовали Содомъ и Гоморра. Какъ извѣстно изъ Священнаго писанія, оба города за нечестіе жителей поглощены были землею. Спасся только Лотъ съ семействомъ, причемъ жена Лота за ослушаніе превращена была въ камень сланъ. Жены Лотовой въ настоящее время уже на томъ мѣстѣ нѣтъ, гдѣ она окаменѣла: ее давнымъ-давно увезли англичане (!). Мертвое море имѣетъ длины 90 верстъ и 20—25 верстъ ширины, вода въ немъ прозрачная, но вредная, не имѣетъ въ себѣ ничего живого; если случайно угождаетъ сюда изъ Іордана рыба, то вскорѣ помираетъ и волнами ее выбрасываетъ на берегъ. Берегъ Мертваго моря песчаный, отлогій, густо покрытъ мелкой галькой отъ 1 ф. до 1 зол. вѣсомъ. На берегу построено невзрачное зданіе для роздыху посѣтителей, на стѣнахъ виднѣются надписи на разныхъ языкахъ; мы въ свою очередь тоже подписали на стѣнѣ свои имена и фамиліи. Послѣ чего мы поѣхали на Іорданъ, верстъ за 5—6, на то мѣсто, гдѣ Христосъ крестился.

*) Кугой на Уралѣ называютъ особый видъ камыша.

Іорданъ рѣка ширины имѣетъ 15—20 сажень, глубокая и обрывистая, вода бѣла и непрозрачна, почва иловатая. По берегу Іордана имѣется мелкій лѣсъ, пріятнаго запаха. Поклонники раньше нерѣдко въ Іорданѣ тонули, вслѣдствіе обрывистаго берега и водоворотовъ; въ настоящее время запрещено купаться тѣмъ, которые не умѣютъ хорошо плавать. Мы всѣ трое купались и плавали на другую сторону берега, спутникъ же нашъ Цытренко купаться не пожелалъ, а только умылъ лицо іорданской водой и пошелъ въ тростникъ. Едва успѣли мы одѣться, слышимъ, Цытренко кричитъ: „тону!“ Мы приняли это за шутку, но гавасъ пошелъ къ нему, и вскорѣ мы услышали его голосъ: „Яковъ, держись!“—„Ну, не зря Цытренко въ Іорданѣ не купался,—сказалъ Максимычевъ;—по всему—онъ и на сухомъ тонетъ“. Минутъ черезъ 5 выходятъ изъ тростника гавасъ и Цытренко, оба въ грязи. Подошли къ Іордану, скинули съ себя всю одежду и стали мыть въ Іорданѣ. Мы спросили Цытренко: „Гдѣ ты отыскалъ такую тину въ 15 саженяхъ отъ берега, на сушѣ?“—„Охъ, братцы, отвѣтилъ Цытренко, совсѣмъ было утонулъ!“—„Ты зачѣмъ же полѣзъ въ такую трясину?“—спросили мы. „Никакой трясины не было замѣтно, а просто обыкновенная сушь. Наступилъ я лѣвой ногой и почувствовалъ, что подъ ногой у меня въ родѣ жидкости; я ускорилъ шагнуть впередъ правой ногой, которая нисколько не пріостановилась, вошла въ землю, какъ въ воду. Я хотѣлъ схватиться за тростинку, которая была у меня въ правой рукѣ, но и тростинка также вся ушла въ землю. Наконецъ я ухватился за вѣтку дерева и началъ вамъ кричать. Хорошо, что отъ васъ было недалеко. Вотъ ужъ истинно: гдѣ не чаешь, можешь погибнуть!..“ Послѣ этого мы опять сѣли въ карету и поѣхали обратно. Въ верстахъ 5 отъ Іордана, гдѣ проживалъ Іоаннъ Предтеча, теперь существуетъ монастырь во имя Іоанна Предтечи; на такомъ же разстояніи виднѣется невзрачный монастырь во имя преподобнаго Герасима; кромѣ же этихъ двухъ монастырей здѣсь нѣтъ никакихъ жителей, какъ и писано, что Іоаннъ Креститель водворился въ пустынѣ.

Въ 4 часа вечера пріѣхали мы обратно въ Іерихонъ, въ тотъ же домъ; гавасъ сказалъ намъ, что въ Іерихонѣ придется ночевать. Среди сада мы увидѣли канавку, по которой текла вода. Мы спросили монаха: „откуда это истекаетъ вода и какъ называется?“—„Это называется источникъ Елисея пророка, отвѣтилъ монахъ, вытекаетъ онъ изъ горы Искушенія“. Мы пошли посмотрѣть вершины источника. Верстахъ въ 4—5 отъ Іерихона источникъ вытекаетъ изъ подошвы „Горы искушенія“; здѣсь находится круговидный бассейнъ, выкладенный дикаремъ, откуда съ шумомъ вы-

текаетъ вода, свѣжая, прѣсная. Сажень 20 ниже бассейна построена арабами невзрачная водяная мельница, не имѣющая пруда на содержаніе воды, а вмѣсто коуза проведена канава, края которой выкладены дикаремъ и по которой быстро бѣжитъ вода. На вершину горы „Искушенія“ мы не входили, такъ какъ было уже поздно. На этой горѣ Христосъ молился 40 дней, и тутъ его искушалъ сатана. Въ полугорѣ виднѣется греческій монастырь. Въ Іерихонѣ и Іорданѣ очень жарко, такъ что во время ночи намъ не пришлось уснуть отъ духоты. Въ три часа по полуночи мы уѣхали изъ Іерихона, а въ 8 часовъ *28 іюня* пріѣхали въ Іерусалимъ.

На всѣхъ дорогахъ къ святымъ замѣчательнымъ мѣстамъ, по тракту, сидятъ по обѣимъ сторонамъ сотни разныхъ родовъ калѣкъ,—большей частью арабовъ магометанскаго исповѣданія,—которые просятъ у поклонниковъ милостыню. Тутъ и хромые, и безногіе, и безрукіе, собравшіеся со всѣхъ концовъ Палестины, изъ Аравіи и Египта. Они кричатъ: „эта злѣпой, эта злѣпой“ и при этомъ ударяютъ о землю рукой или ногой, а иные, не имѣя движенія въ рукахъ и ногахъ, бьются о землю головой. Подлѣ каждаго стоитъ чашка или иная посуда. Иные выползаютъ на самую дорогу и, лежа вдоль и поперегъ, трясутся, бьются головами о землю и кричатъ, защуривши глаза: „эта злѣпой“. Когда же въ чашкѣ его зазвенитъ монета, онъ быстро откроетъ глаза, посмотритъ и опять зажмурится. Стоитъ заглядѣться на что нибудь или заслушаться разсказовъ гаваса о достопримѣчательныхъ мѣстахъ, когда уже впереди, саженей на сто — опять такая же толпа. А когда приглядитесь, то увидите, что это тѣ же самые, которымъ вы сейчасъ подали.

Въ 4 часа того же числа мы съ гавасомъ ходили въ Воскресенскую церковь, къ гробу Господню. Церковь Воскресенская очень обширная, устроена на нѣсколькихъ аркахъ, въ ней имѣются престолы на нѣсколько языковъ всѣхъ націй христіанскихъ. По лѣвую сторону отъ входа, недалеко отъ дверей, находится постоянно сторожъ изъ магометанъ, который по захожденіи солнца встаетъ со своего мѣста и затворяетъ церковныя двери. Въ это время разныхъ націй народъ изъ церкви поспѣшно выходитъ наружу, а желающіе остаются на всю ночь въ церкви. Турокъ, затворивъ двери и замкнувъ ихъ, уходитъ, а поутру отмыкаетъ дверь и снова сидитъ до вечера. Среди церкви часовня святого гроба, выкладенная сводомъ изъ обожженнаго кирпича, аршинъ 12 длины, 6 ширины, и аршина 3 высоты (внутри); она раздѣлена на два помѣщенія. Войдя въ первое помѣщеніе налѣво и направо, въ дальнихъ стѣнахъ, имѣется по одному круглому, небольшого размѣра, окну, или, вѣрнѣе сказать, овальныя отвер-

стія. Пройдя первое помѣщеніе и спустясь по ступенямъ внизъ, мы попали во второе помѣщеніе. Въ правой сторонѣ его стоитъ Гробъ Господенъ, выдѣланный изъ мрамора, на который по преданію сходитъ въ Великую субботу торжественный огонь. Мы не имѣли возможности лично быть въ это время и видѣть, какъ получается іерусалимскимъ патріархомъ небесный огонь, но всячески старались достигнуть и узнать отъ тѣхъ людей, которые присутствовали въ числѣ прочихъ въ Великую субботу. Два священника православнаго исповѣданія, пріѣхавшіе изъ Болгаріи къ 20 декабря 1897 года въ Іерусалимъ, о которыхъ передавали намъ русскіе поклонники, что они все время находятся въ Іерусалимѣ, присутствовали во время Великой субботы, и разсказываютъ такъ:

Разсказъ о появленіи торжественнаго небеснаго огня.

Въ Великую субботу, съ ранняго утра, въ храмъ святого Гроба стекаются всѣ находящіеся въ Іерусалимѣ поклонники всѣхъ христіанскихъ націй, въ особенности мѣстные жители христіанскаго исповѣданія едва-ли не поголовно приходятъ въ этотъ торжественный день и располагаются всѣ въ разныхъ частяхъ Воскресенскаго храма, кто гдѣ мѣсто найдетъ для себя удобнымъ. Въ храмѣ находящіеся лампады и свѣтильники съ утра тушатся, затѣмъ приходитъ отрядъ турецкой пѣхоты, которая располагается вокругъ св. Кувукліи и въ болѣе значительныхъ мѣстахъ храма и бдительно слѣдятъ и устраиваютъ тишину и спокойствіе. Иначе могли бы произойти безпорядки при столкновеніи въ храмѣ множественнаго народу разныхъ государствъ и религій. Входъ въ св. Кувуклію запирается и припечатывается особою печатью привратниковъ храма. Передъ началомъ велико-субботней заутрени, арабы, православнаго исповѣданія, совершаютъ, дозволенный съ давнихъ лѣтъ султанскимъ фирманомъ, обычай: шумною толпою они обѣгаютъ вокругъ св. Кувукліи, бьютъ въ ладоши и громко восклицаютъ на своемъ нарѣчіи: „нѣтъ другой вѣры, кромѣ вѣры православной!“ Въ алтарѣ соборной церкви грековъ собираются патріархъ іерусалимскаго престола со всѣмъ православнымъ духовенствомъ, также армянское духовенство и клирики остальныхъ христіанскихъ націй. По наступленіи мѣстнаго вечерняго четвертаго часа, царскія врата греческаго алтаря растворяются, и разоблаченный патріархъ, въ одномъ бѣломъ подризникѣ, со связкою восковыхъ бѣлыхъ свѣчей, назначенной для принятія святого огня, предшествуемый всѣмъ духовенствомъ, въ полномъ блестящемъ облаченіи, направляется къ часовнѣ св. Гроба Господня, при пѣ-

ніи стиховны шестаго гласа: „Воскресеніе Твое Христе“ и т. д. Процессія обходитъ трижды св. Кувуклію, послѣ этого печать съ дверей снимается, и патріархъ іерусалимскій, вмѣстѣ съ патріархомъ армянскимъ, входятъ въ вертепъ святого Гроба, затворивъ за собою входную дверь, а духовенство возвращается въ алтарь соборной церкви. Въ эти торжественныя минуты волненіе отъ десятковъ тысячъ присутствующихъ въ храмѣ затихаетъ, все исполняется ожиданіемъ и царствуетъ мертвая тишина. Вдругъ громовой, разноязычный крикъ десятитысячной толпы, потрясающій нервы, раздается подъ высокими сводами обширнаго храма. Святой огонь раздается черезъ правое овальное отверстіе придѣла Ангела патріархомъ іерусалимскимъ, а въ лѣвое патріархомъ армянскимъ; изъ праваго отверстія св. огонь принимаетъ обыкновенно знатное семейство изъ мѣстныхъ православныхъ (вѣроятно староста) и переноситъ его въ алтарь собора, гдѣ ризничій св. Гроба раздаетъ уже всѣмъ въ храмѣ присутствующимъ; армяне же, копты и сиріане, принявъ св. огонь отъ патріарха армянскаго черезъ лѣвое отверстіе, переносятъ его въ свои часовни и раздаютъ своимъ. Патріарха іерусалимскаго арабы на рукахъ переносятъ обратно въ соборный алтарь, гдѣ немедленно начинается великосубботняя заутреня.

Палестина.

Древнѣйшее названіе Палестины было — земля Ханаанская, отъ Ханаана, сына Хамова, родоначальника первыхъ обитателей этой страны. По выходѣ изъ Египта на ней поселились евреи; хананеяне занимали страны, лежащія между Іорданомъ и Средиземнымъ моремъ. Названіе Палестины употреблялось римлянами, греками, а прочіе называли ее различно: земля евреевъ, земля израильская, земля Іудина, земля обѣтованная.

Поверхность Палестины гориста и по преданію очень плодородна. Моисей въ (книгѣ бытія), обращаясь къ евреямъ, говоритъ: „клялся Господь отцамъ вашимъ дати имъ и сѣмени ихъ по нихъ землю, кипящую млекомъ и медомъ; есть бо земля, въ ню же вы идете и тамо наслѣдите ю, не яко земля египетская есть, отнюду же изыдосте: егда сѣютъ сѣмя, напояютъ ю ногами своими (т. е. искусственными приспособленіями), аки вертоградъ зеленый; земля же, въ ню же входите, тамо наслѣдите ю, земля нагорная и равная, отъ дождя небеснаго напояется водою“. Впрочемъ, въ настоящее время необходимо признать, что плодородіе Палестины далеко нельзя приравнивать къ плодородію

Палестины древней; число жителей, повидимому, значительно уменьшилось, обильные прежде потоки и источники земли Ханаанской, о которыхъ упоминаетъ Моисей, изсохли, такъ что знаменитый святой Іерусалимъ остался безъ водицы. Жители Іерусалима, посѣщающіе святыя мѣста, отъ жажды пьютъ дождевую воду, которая запасается слѣдующимъ родомъ: каждый домохозяинъ, при постройкѣ своего дома и прочихъ зданій, вначалѣ избираетъ мѣсто, гдѣ сохранять ему воду, выкапываетъ глубокую яму, укрѣпляетъ въ ней дно и стѣны подходящимъ матеріаломъ, чтобы изъ нея не уходила въ землю вода; съ крышъ зданій устроены проводники (трубы) въ эту яму. Во время зимнихъ мѣсяцевъ въ Іерусалимѣ бываетъ вмѣсто снѣга дождь, который съ крышъ по трубамъ стекаетъ въ яму или подвалъ. Въ случаѣ, когда бываютъ зимнія засухи, много народу расходится по инымъ мѣстамъ, гдѣ усмотрятъ въ избыткѣ воды. Вообще теперь Палестина мало напоминаетъ блаженную страну, которую Моисей такъ одобрялъ за плодородіе. Въ окрестностяхъ Іерусалима камни (дикарь) и сплошная галька.

30 іюня, въ $6^1/_2$ часовъ утра, мы отправились въ каретѣ на вокзалъ желѣзной дороги, а въ 40 м. восьмого тронулся поѣздъ направленіемъ къ Яффѣ (87 верстъ). Ѣхали 3 ч. 20 минутъ. Съ вокзала пѣшіе извозчики понесли нашъ багажъ на морскую пристань, а я зашелъ въ яффское русское консульство для отмѣтки въ нашихъ паспортахъ, что мы были въ Іерусалимѣ. Нужно было сдѣлать это въ Іерусалимѣ, но передъ выѣздомъ нашимъ изъ Іерусалима консула въ канцеляріи не было, вслѣдствіе двухъ праздниковъ (дня Петра и Павла и воскресенья). По заявленіи паспортовъ въ русскомъ агентствѣ купили пароходные билеты. Погода была вѣтреная, море расколыхалось, волны ходили какъ горы, а въ яффской пристани, вслѣдствіе подводныхъ камней, пароходы не доходятъ версты двѣ къ берегу; надо было плыть въ лодкѣ. Наняли мы лодочника и, отъѣхавъ саженъ 200 отъ берега, въ лѣвой сторонѣ, не въ дальнемъ растояніи увидѣли сверхъ воды пароходную трубу. Спросили мы гаваса: что это такое?—„Это русскій пароходъ,—объяснилъ намъ гавасъ,—раньше подходилъ къ яффской пристани, но во время сильнаго вѣтра набѣжалъ на подводный камень, отчего прошибло ему дно, и пароходъ потонулъ“.—„А народу много было на этомъ пароходѣ?“—спросили мы.—„Мало ли было однихъ паломниковъ, но, благодаря лодочникамъ, спасли отъ гибели народъ“. Очень трудно было намъ добраться до парохода: насъ то подымало съ лодкой на высоту, то опускало внизъ, въ ущелья между пѣнистыхъ волнъ. Всетаки добрались до парохода.

VII.

Отплытіе изъ Яффы. — Молодой монахъ и келейница.—Портъ-Саидъ.— Затрудненіе съ пароходами и остановка въ Портъ-Саидѣ.—Празднованіе дня французской республики.—Состязанія французовъ и англичанъ.—О переводчикахъ.—Прибытіе парохода „Херсонъ". —Встрѣча съ донскими казаками.—Непреклонный капитанъ.—Начальникъ Палестинскаго Общества.— Неудача съ „Херсономъ".—Отплытіе на французскомъ пароходѣ.—Разговоры съ французами. — Картина, изображающая русско-французскую дружбу.—Суэцкій каналъ и Чермное море.—Преданіе о „фараонахъ", выходящихъ изъ моря.—Дельфины.—Буря въ Индійскомъ океанѣ.—Островъ Цейлонъ и городъ Коломбо.

Въ 4 часа пополудни пароходъ пошелъ по направленію къ Александріи, съ нами было 50 человѣкъ русскихъ поклонниковъ, въ числѣ коихъ молодой монахъ, лѣтъ 23-хъ, который съ младыхъ лѣтъ посвятилъ себя на эту жизнь. Но въ нынѣшнемъ году пріѣхала въ Іерусалимъ изъ Россіи, въ числѣ прочихъ, одна келейница, на поклоненіе святымъ мѣстамъ. Но, вмѣсто того, чтобы посѣщеніемъ святыхъ и чудесныхъ мѣстъ облегчить бремя прежде содѣянныхъ грѣховъ, она смутила этого молодого монаха, который вознамѣрился попрать данный передъ Богомъ вѣчный обѣтъ, согласился съ келейницей ѣхать въ Россію и тамъ на ней жениться. Достигнутъ ли они завѣтной цѣли,—такъ что за ними поручено было прислѣдовать (слѣдить) одному изъ поклонниковъ, запасному унтеръ-офицеру (Пензенской губ.). Этотъ унтеръ-офицеръ строго слѣдилъ за всѣми ихъ движеніями. Я на пароходѣ помѣстился съ нимъ рядомъ, и онъ мнѣ о монахѣ и келейницѣ подробно передавалъ. У нихъ даже и въ мысляхъ не бродило, что есть человѣкъ, который не отходя за ними слѣдитъ, и не стѣснялись тѣмъ, что на нихъ всѣ пассажиры смотрятъ, въ особенности женскій полъ, во весь путь про нихъ шушукались, а матросы даже вслухъ смѣялись и говорили келейницѣ: „Сестра Марія, теперь ты освѣтилась монашескимъ къ тебѣ подвигомъ!" А монаху: „братъ Иванъ, или жениться вздумалъ? Время!" Они, не смотря ни начто, усердно одинъ за другимъ ухаживали. Унтеръ-офицеръ намѣренъ за ними слѣдить до Одессы, въ Одессѣ же въ монастырѣ находится монаху братъ, который быть можетъ отговоритъ своего брата отъ недоброй мысли.

1 іюля вошли мы въ гавань Портъ-Саида. Тутъ сказали намъ, что русскій пароходъ Добровольнаго флота за сутки до нашего прихода ушелъ во Владивостокъ, а слѣдующій русскій пароходъ выступитъ изъ Одессы лишь чрезъ 22 дня. Услыхавши такое извѣстіе, мы вознамѣрились розыскать иностранный пароходъ, на которомъ поскорѣе уѣхать изъ Портъ Саида въ восточныя державы. Намъ указали англійскій пароходъ, который въ тотъ-же день, чрезъ 4 часа уходилъ къ востоку, до острова Сингапура. Другой пароходъ, германскій, на другой день слѣдуетъ въ Австралію. „Уѣдемъ на англійскомъ, если успѣемъ, говорили мы между собя;—не успѣемъ, то завтра сядемъ на германскій пароходъ". Прежде всего нужно было сходить въ русское консульство. Сошли мы на берегъ, прошли неизбѣжное градское заграничное таможенство, гдѣ отобрали у насъ заграничные паспорта, которые при насъ же услали въ консульство, къ русскому секретарю. Мы взяли переводчика изъ евреевъ, бѣжавшаго раньше изъ Россіи, который привелъ насъ въ гостинницу. Того же числа пошли мы въ консульство за паспортами, а также чтобы узнать, вѣрно ли намъ сказали объ русскомъ пароходѣ, что онъ не раньше трехъ недѣль изъ Одессы придетъ. Секретарь консульства сказалъ: „Паспортовъ я вамъ не дамъ до отъѣзда вашего изъ Портъ-Саида"—„Мы сегодня или завтра уѣдемъ",—отвѣтили мы.—„На какомъ пароходѣ?"—спросилъ секретарь.—„Если сегодня, то на англійскомъ, а завтра—на германскомъ".—„Англійскій пойдетъ первоклассный до Сингапура и будетъ стоить 350 р. съ каждаго. Отъ Сингапура съ васъ возьмутъ тоже не дешево; а германскій пойдетъ въ Австралію и тоже съ васъ возьмутъ не дешево; въ Австралію русскіе пароходы не ходятъ".—„Но ожидать намъ русскій пароходъ долго, изъ Одессы сюда онъ будетъ черезъ три недѣли".—„Кто же вамъ сказалъ объ этомъ?"—спросилъ секретарь.—„Намъ на пароходѣ сказали матросы".—„Это вамъ соврали; я не знаю въ точности, когда придетъ русскій пароходъ, но совѣтую подождать три дня. Я получу телеграмму и вамъ скажу". Мы поблагодарили и остались ожидать телеграммы.

2-го іюля у французовъ былъ табель, знаменитый праздникъ воспоминанія, день французской республики. Выкинуто было на пароходахъ и въ городѣ сотни флаговъ, стрѣльба изъ орудій, духовая музыка, репетиція флотскихъ маневровъ, гонка съ англичанами на парусныхъ лодкахъ и на веслахъ. Интересно было смотрѣть, когда выѣзжали на поединки французы съ англичанами. Устройство было такое: въ лодкахъ на кормѣ (у руля) устроены лѣстницы арш. 4 вышиной; на лѣстницахъ въ квадратный аршинъ площадка, безъ перилъ, на которыя взошли по одному

человѣку изъ флотскихъ французовъ и англичанъ. Въ правой рукѣ держали въ видѣ пики, а на лѣвой рукѣ надѣты деревянные щиты. Въ лодкахъ сидѣло по шести гребцовъ. Разъѣхавшись на пространство сажень въ 70, обратно быстро понеслись и, поровнявшись, на всемъ ходу поединщики ударяли пиками во всю силу одинъ другого въ щиты и падали отъ удара съ высоты внизъ головой въ море. Иной вышибетъ своего соперника съ площадки, а самъ устоитъ на своемъ мѣстѣ твердо и начинаетъ фехтовать пикой, стоя на возвышенномъ мѣстѣ, пока не выѣдетъ противъ него другой поединщикъ. Одинъ французъ до четырехъ англичанъ вышибъ съ площадокъ и сразился съ пятымъ. На первый разъ устояли оба твердо; на второмъ ударѣ англичанинъ покачнулся и едва устоялъ; на третьей стычкѣ оба покачнулись, но всетаки удержались; въ четвертый разъ англичанинъ ударилъ такъ сильно, что французъ вылетѣлъ съ площадки и задомъ упалъ въ море.

Въ ночь на *3 іюля* на пароходахъ, въ лодкахъ, на берегу и по всѣмъ улицамъ, въ особенности на бульварѣ раскинуты были разнаго цвѣта сотни фонарей; пѣніе, музыка, стрѣльба изъ орудій; въ воздухѣ шипѣли и лопались ракеты, такъ что воздухъ наполненъ былъ разныхъ цвѣтовъ огней, грохотаніемъ и трескомъ. Французы, итальянцы и англичане, сидя на улицахъ, читали журналы.

Городъ Портъ-Саидъ не древній, стоитъ на устьѣ Суэцскаго канала къ Средиземному морю. Постройка въ немъ чистая, улицы обширныя, грунтъ земли песчаный. Названъ по имени жившаго въ этой мѣстности мурзы Саида. Вода въ городъ проведена въ подземныхъ трубахъ изъ великой рѣки Нила. На берегу моря выстроенъ фонтанъ: выдѣланы четыре льва на 4 стороны, у которыхъ изо ртовъ сильно вытекаетъ вода и падаетъ въ каменный чанъ. Этой водой жители города пользуются и называютъ ее сладкая вода; кромѣ того нильская вода проведена и въ прочія значительная мѣста.

4-го іюля мы пошли къ вице-консулу узнать, когда придетъ русскій пароходъ. Вице-консулъ намъ объяснилъ: „Я получилъ изъ Дарданелловъ телеграмму: черезъ два дня придетъ изъ Одессы русскій пароходъ, на которомъ вы свободно можете уѣхать: проѣздъ будетъ стоить вамъ много дешевле, чѣмъ на иностранныхъ“.

7-го іюля, въ 9 часовъ утра появился въ Средиземномъ морѣ трехтрубный пароходъ съ раскинутымъ русскимъ флагомъ. Обрадовались мы, увидавши русскій пароходъ: надокучило уже намъ праздно жить на окраинѣ Африки. Пять недѣль не видавши

русскихъ, бродили и слонялись между разныхъ народовъ, какъ полу-нѣмые. Только немного начнешь понимать мѣстное нарѣчіе и уже уѣзжаешь дальше, а тамъ уже иной народъ, иное нарѣчіе. Снова требуется переводчикъ, необходимо записывать въ памятную книжку десятка 2—3 словъ съ переводомъ нарѣчія мѣстныхъ жителей, а за работу переводчику отдай, да денежки-то какія: они уже научились какъ насъ облупать,—за границей облупаютъ чуть не до мяса. Въ иныхъ мѣстахъ такія бестіи: одно слово скажетъ—отдай деньги; потомъ опять спрашивай.

Въ 10 часовъ русскій пароходъ „Херсонъ", отправлявшійся во Владивостокъ, вошелъ въ гавань Суэцскаго канала и бросилъ якорь. Мы немедленно наняли лодку и поѣхали на пароходъ. Народу на пароходѣ биткомъ набито: баталіонъ стрѣлковъ, слѣдовавшіе на переселеніе въ Уссурійскій край оренбургскіе и донскіе казаки, а также съ западныхъ губерній съ семьями переселенцы во Владивостокъ. Оренбургскій есаулъ призналъ насъ по фуражкамъ, что мы уральскіе казаки, и спросилъ: „Изъ какой вы станицы?" Мы отвѣтили, что изъ разныхъ станицъ: Мустаевской, Кирсановской и Рубеженской.—„А, сосѣди, сосѣди! Далеко ли путешествуете и какъ давно изъ Россіи?"—

—„Путешествуемъ мы уже 7 недѣль; пришли попросить капитана свезти насъ до острововъ Цейлона, Суматры, Сингапура и полуострова Малакки".—„Да, хорошо бы намъ вмѣстѣ ѣхать—нескучно, только едва ли капитанъ приметъ васъ на пароходъ: очень ужъ многолюдно. Впрочемъ идите, обратитесь къ помощнику". Помощникъ отвѣтилъ намъ, что мѣстъ нѣтъ. Мы не отставали отъ него: „Что же мы должны дѣлать, заѣхавши въ чужія государства? Уже 7-й день съ восторгомъ ожидали вашего парохода, скитаясь между древнихъ фараоновъ. Сжальтесь, ваше высокоблагородіе, примите насъ, троимъ мѣста немного надо". Помощникъ, пожимая плечами, приказалъ намъ обратиться къ капитану, который въ это время находился въ каютѣ. Мы вошли въ каюту. Капитанъ сидитъ въ креслѣ безъ рубахи, въ однихъ подштаникахъ: потъ съ него такъ коблукомъ и валитъ, едва успѣваетъ полотенцемъ стирать. Онъ вскинулъ на насъ кругло-голубые глаза и громко спросилъ: „Что вы сюда пришли?"—„Къ вашей милости, ваше благородіе, покорнѣйше васъ просимъ, помѣстите насъ на свой пароходъ, хотя не на всю путину".—„Никакъ нельзя, безъ васъ тѣсно", заревѣлъ капитанъ.—„Сжальтесь, ваше высокоблагородіе! Мы ожидали васъ 7 сутокъ, какъ отца и покровителя; располагали на ваше благоизволеніе, что вы насъ не оставите долѣе скитаться между чужихъ европейцевъ и египтяновъ".—„Я васъ не просилъ ожидать себя, заревѣлъ капитанъ во все горло, и вы не спра-

шивали меня, какъ залетать въ Африку! мѣстовъ для васъ у меня на пароходѣ нѣтъ. Кромѣ васъ уже трое находятся на пароходѣ сверхъ нормы".—„Сжальтесь, ваше высокоблагородіе, не откажите. Если вы намъ отказываете, поэтому иностранные съ нами уже и говорить не будутъ. Намъ тремъ человѣкамъ мѣста требуется немного, мы помѣстимся на палубѣ, только не откажите".— „Ни подъ какимъ видомъ нельзя, я уже вамъ сказалъ разъ: не возьму! Ожидайте слѣдующаго парохода, черезъ мѣсяцъ, а теперь выходите изъ каюты". — „Черезъ мѣсяцъ могутъ намъ отказать такъ же, какъ и вы. Сжальтесь, ваше высокоблагородіе!"—„Не просите, хоть застрѣлитесь, не возьму". Вышли мы изъ каюты и думаемъ, кого еще будемъ просить? Развѣ сходить къ вице-консулу, чтобы онъ съ своей стороны попросилъ за насъ капитана. Пришли опять въ консульство.—„Что вы, казаки, пришли?" спросилъ вице-консулъ.—Попросить васъ, ваше высокоблагородіе: взойдите въ защиту, попросите капитана, чтобы насъ приняли на „Херсонъ".—„Я уже просилъ объ васъ капитана, чтобы приняли васъ на пароходъ, но капитанъ отказалъ за неимѣніемъ мѣста. Болѣе человѣку докучать не могу, скорѣе же вы сами попросите его".—„Мы его просили. Хоть застрѣлитесь, говоритъ, не возьму".— „Какая неприличная рѣчь для капитана,—сказалъ вице-консулъ. Дѣлать нечего, съѣзжу я на пароходъ, напомяну о васъ. Можетъ быть умилосердится и увезетъ хоть до Цейлона. Подождите у консульства моего прихода". И съ тѣмъ онъ поѣхалъ на пароходъ.

Мы подошли къ наружнымъ дверямъ консульства, прислонились къ стѣнѣ спинами и печально призадумались. Подошелъ къ намъ человѣкъ въ партикулярномъ костюмѣ и сказалъ на чисто русскомъ нарѣчіи: „Что вы, ребята, стоите, призадумались?" Этими словами онъ насъ возбудилъ какъ бы отъ сна.—„Какъ же, говоримъ, намъ не призадуматься? Залетѣли мы въ дальнія чужія государства и скоро-ли отсюда выдеремся, намъ самимъ неизвѣстно. Ходили на русскій пароходъ „Херсонъ", капитанъ насъ не принимаетъ".—„А васъ сколько человѣкъ?"—спросилъ господинъ. „Всего только трое".—„На васъ какая это форма: малиноваго цвѣта околышъ?"—„Мы уральскіе казаки".—„Грамоту знаете?"—„Знаемъ". —„Идите за мной, я запишу ваши имена". Онъ отворилъ дверь и вошелъ въ консульство, а мы за нимъ. Въ канцеляріи присутствующіе чиновники всѣ встали. Господинъ сѣлъ на стулъ и началъ съ ними говорить по-нѣмецки (въ консульствѣ находились все германцы, только одинъ вице-консулъ Пчелинцевъ, уѣхавшій на пароходъ къ капитану, русскій). Потомъ говоритъ намъ: „подождите немного, человѣкъ вернется и привезетъ извѣстіе, возьмутъ васъ на пароходъ или нѣтъ; если не возьмутъ, тогда посмотримъ".

Вышли мы изъ консульства, сѣли на тротуаръ и разсуждали между себя, что это за господинъ? Не иначе, этотъ человѣкъ имѣетъ власть значительную и, жалѣя наше печальное положеніе, вознамѣрился ходатайствовать о насъ. Видно, братцы, человѣкъ имѣетъ добрую душу, чувствуетъ печаль сторонняго человѣка и старается заглушить печаль и влить порядочную долю радости, а не такъ какъ капитанъ на „Херсонѣ". Можно было отказать намъ добродушными словами, но онъ, какъ левъ, реветъ. Людямъ безъ того горе, а онъ къ тому же добавляетъ: „хоть застрѣлитесь!"—Такъ пока судили, рядили, въ это время возвратился Пчелинцевъ съ парохода, подошелъ и сказалъ намъ: „Нѣтъ возможности васъ помѣстить на пароходъ; вѣроятно пока придется вамъ остаться". И ушелъ въ консульство.

Мы говоримъ втихомолку: „ступайте въ канцелярію, тамъ есть у насъ защитникъ; по всему, онъ имѣетъ желѣзную волю". Черезъ двѣ минуты выходятъ изъ консульства Пчелинцевъ и тотъ господинъ, быстрыми шагами направились къ берегу, сѣли въ лодку и поѣхали на „Херсонъ". Въ это время пришелъ къ намъ нашъ переводчикъ (старый жидъ, нашъ обдирала) и узналъ отъ насъ, въ чемъ дѣло.—„Ну, теперь господинъ этотъ, сказалъ переводчикъ, поѣхалъ капитану носъ натягивать; теперь уже уѣдете!"—„Для чего прежде времени врать", сказалъ я ему. Черезъ полчаса Пчелинцевъ и господинъ спустились съ пароходной лѣстницы и сѣли въ лодку. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали ихъ съ добрыми вѣстями, но они направились на другой русскій пароходъ, подъ названіемъ „Корниловъ", слѣдовавшій изъ Александріи въ Россію. Съ „Корнилова" Пчелинцевъ возвратился одинъ и, пройдя мимо насъ въ консульство, не сказалъ ни слова. Прошло около часу, пароходъ далъ сигналъ къ отъѣзду. „Чего теперь мы ожидаемъ?—говорили мы между себя, „Херсонъ„ черезъ 10 минутъ уйдетъ на Владивостокъ, идемте, хоть проводимъ его".

Проводили „Херсонъ" въ 6 часовъ вечера и пошли въ гостинницу. Повстрѣчался намъ на дорогѣ гавасъ изъ египтянъ, который находится при русскомъ консульствѣ, и объявилъ намъ, что требуетъ насъ вице-консулъ Пчелинцевъ. Мы пошли. Пчелинцевъ спросилъ насъ: „Знаете ли вы этого чиновника, съ которымъ я ѣздилъ на „Херсонъ?"—„Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, не знаемъ".—„Это Палестинскаго Общества начальникъ; хотѣлъ онъ помѣстить васъ на „Херсонъ", да очень тѣсно и опасаются, чтобы отъ стѣсненія людей не завелись въ народѣ болѣзни. Теперь вотъ что: палестинскій начальникъ приказалъ вамъ объяснить, что русскій пароходъ придетъ сюда не раньше, какъ

черезъ мѣсяцъ; вамъ здѣсь ожидать будетъ стоить дорого, лучше ѣхать вамъ обратно въ Іерусалимъ до слѣдующаго парохода. Онъ хочетъ васъ содержать у себя безплатно. Если желате, поѣзжайте къ нему; впрочемъ это дѣло ваше, какъ хотите, а мое дѣло передать".—„Ваше высокоблагородіе, если слѣдующій пароходъ придетъ изъ Одессы и число народа и тягость груза окажется еще больше и капитанъ откажетъ намъ, какъ и на „Херсонѣ": дескать хоть застрѣлитесь, не возьму, что же тогда: мы снова должны ѣхать въ Палестину и кормиться отъ начальника?"

— „Ну, я впередъ уже сказать не могу, возьмутъ васъ на пароходъ или нѣтъ. Однажды я васъ остановилъ ожидать русскій пароходъ и ошибся. Теперь какъ хотите."—„Мы думаемъ уѣхать на французскомъ пароходѣ, о которомъ говорятъ, будто бы придетъ послѣ завтра".—„А въ какіе края пароходъ то слѣдуетъ, вы слыхали?"—„Въ Австралію, ваше высокобрагородіе".—„Хорошее дѣло".—„Покорнѣйше просимъ, ваше высокоблагородіе, дознайте во французскомъ агентствѣ, что стоитъ доѣхать до Колумбы, Сингапура, Сайгона, Онкона, Шанхая и Нагасаки?"—„Хорошо, это все я узнаю и надѣюсь, что французы сдѣлаютъ вамъ уступку. Придите ко мнѣ завтра, въ 10 часовъ утра„.

8-го іюля, въ 10 часовъ утра пришли мы въ консульство, и Пчелинцевъ объявилъ намъ: „Вотъ что, казаки: до Сингапура если взять вамъ билеты, тогда вамъ до Нагасаковъ обойдется очень дорого: возьмутъ 504 франка и 90 солдъ съ каждаго".—„Намъ желательно, ваше высокоблагородіе, пріостановиться въ Колумбѣ, также и въ Сингапурѣ, посмотрѣть на мѣстный народъ и дознать объ ихъ религіяхъ".—„Дознать то о всемъ вы можете, пароходъ въ Колумбѣ остановится и вамъ будетъ перемѣщеніе на иной пароходъ. Также и въ Сингапурѣ пріостановитесь и въ это время можете обо всемъ дознать. А если взять билетъ до Колумбы, съ Колумбы до Сингапура и такъ дальше, тогда до Нагасаковъ у васъ выйдетъ денегъ по 1000 франковъ съ каждаго". Того же числа Пчелинцевъ послалъ съ нами своего гаваса въ англійское консульство, для обмѣна денегъ русскихъ на англійскія лиры (лира или фунтъ 9 р. 60 к.). Съ тѣмъ же гавасомъ сходили мы во французское агентство и купили на троихъ билетъ за 1514 франковъ и 70 солдъ. Выйдя изъ агентства, гавасъ сказалъ намъ: „ну, теперь уже можно надѣяться, что уѣдете".—Да, довольно насмотрѣлись на египтяновъ",—отвѣтили мы.

Въ 10 ч. утра *9-го іюля*, получили мы отъ Пчелинцева свои заграничные паспорта, а въ 8 часовъ (вечера) разсчитались съ хозяиномъ гостиницы, наняли одного египтянина снести до пристани багажъ и ожидали на берегу канала до 12 часовъ ночи. Паро-

ходъ, не дойдя верстъ 10 до пристани, пустилъ на воздухъ ракету, а черезъ полчаса кинулъ якорь въ Суэцскомъ каналѣ.

Наняли мы шлюпку, положили багажъ и поѣхали къ пароходу, на который взошли по лѣстницѣ; спросили у насъ билеты и дали проводника, который насъ привелъ въ столовую и отыскалъ въ каютахъ свободныя мѣста. Французы подошли къ намъ и стали дознавать, кто мы, спрашивая на своемъ нарѣчіи: „англій?"—„Но", отвѣчали мы. „Прусъ?"—„Но".—„Италь?"—„Но Моску", сказали мы (европейцы русскихъ называютъ „Моску"). Когда французы услыхали отъ насъ слово „Моску", то сейчасъ же, протягивая руки, стали съ нами здороваться; принесли полдюжины бутылокъ винограднаго вина и просили въ компаніи съ ними выпить для дружества. Мы дали имъ знакъ, что вино не употребляемъ. Черезъ 15 минутъ всѣ бутылки съ виноградным виномъ оказались французами осушены, затѣмъ принесена была ими картина для показанія намъ. На картинѣ означаются русскій Государь и Французскій Президентъ, войска русскія и французскія, среди войскъ русскій солдатъ и французскій протянули одинъ другому руки и здороваются. Внизу, у нихъ подъ ногами изображенъ змій о трехъ головахъ подъ названіемъ: „Пруссія, Италія и Австрія", которыя подняли головы и съ неудовольствіемъ смотрятъ на дружество Россіи съ Франціей.

10-го іюля, въ 10 ч. утра пошли мы по Суэцскому каналу къ Красному морю. Суэцскій каналъ неширокій, не болѣе 40 саж., въ длину около 200 верстъ, прокопанъ среди сыпучихъ песковъ. Во время сильныхъ вѣтровъ его засыпаетъ пескомъ, вслѣдствіе чего машина всегда расчищаетъ каналъ. Каналомъ пароходы идутъ тихо и осторожно, опасаясь, чтобы не налетѣть на мель. При встрѣчѣ пароходовъ одинъ пароходъ подбивается къ берегу и останавливается. Во время ночи, на носъ парохода надѣваютъ электрическій фонарь, который освѣщаетъ путь впередъ треугольникомъ; позади фонаря необыкновенная темнота, а отъ фонаря впередъ, начиная въ ширину отъ одной сажени до одной версты, такъ освѣщаетъ, что каждая чурка на водѣ означается. Свѣтъ серебристый, такъ что на водѣ ничего не можетъ скрыться. Электрикъ надѣвается въ Суэцскомъ каналѣ и въ другихъ опасныхъ мѣстахъ.

11-го іюля выѣхали въ Красное море, или Чермное, черезъ которое Моисей Боговидецъ по выходѣ изъ Египта перешелъ, какъ по суху, съ шестисотъ-тысячнымъ израильскимъ народомъ, удареніемъ жезла совокупилъ воду и Фараонъ съ войсками потонули на днѣ моря. Намъ говорили раньше: „когда поѣдете Краснымъ моремъ, увидите фараоновъ, которые вылѣ-

заютъ изъ моря и кричатъ людямъ: скоро ли будетъ свѣтопреставленіе?“ Но мы проѣхали вдоль съ края до края Чермное море и не видали ни одного водяного фараона. Видали только трехъ фараоновъ, которые, оставшись отъ временъ Моисея на берегу, въ проѣздъ нашъ купались на краю моря и, увидавъ насъ, побѣжали изъ воды въ пески. А въ морѣ всплывали цѣлыми косяками дельфины, которые по обѣимъ сторонамъ быстро бѣжали поверхъ воды вмѣстѣ съ пароходомъ. И большими массами изъ моря вылетали также летучія рыбы, которыя летятъ стадами безъ препятствія, пролетаютъ черезъ морскія высокія волны. Погода была вѣтренная, но жаръ и духота томили народъ въ свою очередь, такъ что въ каютахъ на койкахъ днемъ невозможно было лежать. Народъ выбирался на палубу, подъ тѣнь натянутаго надъ всей палубой зонта, который по утру поливаютъ изъ трубной кишки водою. Въ каютахъ и на палубѣ также каждое утро поливаютъ и моютъ для чистоты и освѣженія воздуха. Благодаря такой чистотѣ и вѣтреной погодѣ, проѣздъ Краснымъ моремъ былъ не очень тягостенъ. На пароходѣ пища была лакомая. Французы дали намъ волю: хочешь, бери готовую или самъ для себя приготовляй; хлѣбъ бѣлый, какъ булки, также за каждымъ обѣдомъ даютъ перемѣнные фрукты: яблоки, миндаль, сладкіе лимоны, бутылка винограднаго вина на каждаго человѣка въ сутки.

Почтовый пароходъ бѣжитъ по Красному морю ровно, не тряхнется, и мы между себя радостно разсуждали: неужели такой большой пароходъ (90 саж. длин. и болѣе 10 саж. ширины) морскія волны могутъ расколыхать. Вотъ теперь вѣтеръ сильный, такъ съ ногъ и валитъ, а пароходъ подъ нами только дрожитъ, какъ на желѣзной дорогѣ, а отъ вѣтра болѣе влажность: не будь вѣтра,—отъ солнечнаго припеку хоть задыхайся. Но когда выбѣжалъ нашъ летучій пароходъ въ открытый Индійскій океанъ—завиднѣлись пѣнистыя волны, мы полагали, что это скалы или снѣговыя горы. Но мы быстро подвигались къ нимъ, а волны къ намъ. Пароходъ заигралъ подъ нами, началъ съ боку на бокъ поваливаться, такъ что даже борты стали черпать на палубу морскую воду. Побѣжали всѣ съ палубы на свои мѣста въ каюты, закрутили снасти, завинтили окна, и легли каждый на желѣзныя, къ стѣнамъ прикрѣпленныя койки. Волны сильно ударяютъ въ стѣны, пароходъ сваливается съ боку на бокъ, у людей круженіе головы, кого тянетъ, кого рветъ. Вдругъ послышался стукъ, какъ громъ. Всѣ вскочили на ноги, думая, что пароходъ ударился о камень. Оказалось, что изъ буфета вылетали бутылки и всякая посуда, катаясь, какъ живая, по столовой. У насъ былъ чайникъ,

стоялъ въ каютѣ съ водой. Ему одному стоять показалось обидно, вдругъ побѣжалъ чайникъ изъ каюты вмѣстѣ съ посудой разгуляться. Одинъ изъ насъ побѣжалъ за нимъ, но чайникъ ударялся изъ стѣны въ стѣну, наконецъ какъ то подкатился къ его ногамъ.

Раньше французы пѣли пѣсни и за обѣдомъ не молчали; теперь каждый въ каютѣ на койкѣ молча лежитъ и головы не поднимаетъ. Пятеро сутокъ былъ сильный вѣтеръ; въ теченіи двухъ дней я не ѣлъ и не пилъ. Тошнота тѣснила, слезы неудержимо катились изъ глазъ. Нѣтъ такой тягостной болѣзни, какъ болѣзнь морская, не даромъ русская пословица говоритъ: „кто на морѣ не ѣздилъ, тотъ съ усердіемъ Богу не молился.“

20 іюля, въ 10 часовъ ночи мы пристали къ острову Цейлону на пристань г. Коломбо. На утренней зарѣ, 21 іюля послышался русскій сигналъ, мы взошли на палубу посмотрѣть, гдѣ звучитъ голосъ русской трубы, и увидали на разстояніи 100 с. трехтрубный пароходъ „Херсонъ“, который вышелъ изъ Портъ-Саида впередъ насъ за 3 сутокъ.

Островъ Цейлонъ богатъ и весьма плодороденъ: хлопчатая бумага, южные плоды, строевой разной породы лѣсъ, кедровые и прочіе плодовые лѣса. Мѣдь, серебро, желѣзо, золото и дорогіе разныхъ цвѣтовъ камни. Мѣстные обитатели коричневаго цвѣта, черные длинные волосы откинуты назадъ и скрѣплены на вершинѣ головы гребнемъ. Большей частью ходятъ нагіе, имѣя на себѣ кусокъ бязи вокругъ поясницы; одинъ конецъ спущенъ спереди между ногъ, а назади привязанъ за этотъ же поясъ. По морю они плаваютъ на своихъ длинно-узкихъ, 7-вершковыхъ лодкахъ; сбоку отъ лодки на 1 саж. пристроена 4 верш. толщиною жердь, загнутая немного кверху. Между лодкой и жердью на связяхъ утверждены мачты изъ бамбука, толщиною 4 вершка. Туземцы садятся въ лодку верхомъ, ноги висятъ по колѣни въ водѣ, а въ лодкѣ лежитъ у нихъ пойманная рыба и рыболовныя снасти.

VIII.

Отплытіе изъ Коломбо. — Островъ Суматра. — Полуостровъ Малакка. — Сингапуръ. — Играющіе молодые туземцы. — Поѣздка на „двуногой лошадкѣ". — Споръ съ извощикомъ. — Русское консульство. — Разговоръ о православныхъ церквахъ на Малаккѣ. — Неправильность одной части разсказа Аркадія. — Сингапурскій арбузъ. — Отплытіе изъ Сингапура.

21 іюля, въ 7 часовъ утра снялся пароходъ „Херсонъ". Мы вышли на палубу и раскланялись имъ во всю спину. Съ парохода смотрѣли на насъ и откланивались намъ въ свою очередь. Чиновники съ русскаго парохода смотрѣли въ бинокли и говорили: „А вѣдь это раскланиваются намъ съ французскаго парохода русскіе люди."—„Да это казаки!—громко сказалъ одинъ:— видите, у нихъ малиновые околыши. Это самые тѣ, которые приходили въ Портъ-Саидѣ и просились на нашъ пароходъ." „Херсонъ" быстро побѣжалъ отъ насъ прочь и больше разговоровъ мы не слышали. Черезъ четверть часа подошелъ къ (нашему) пароходу катеръ, который перевезъ насъ въ числѣ прочихъ на другой пароходъ той же компаніи.

Въ 12 часовъ дня снялся пароходъ съ пристани и быстро побѣжалъ отъ Коломбо въ океанъ. На третіи сутки завиднѣлись въ сторонѣ мачты. Французы говорили, что это „Херсонъ", который отсталъ, и къ вечеру совсѣмъ его стало невидно.

24 числа, въ 6 час. утра, въ правой сторонѣ завиднѣлся цвѣтущій зеленый островъ съ возвышенными марами (холмами), покрытый густымъ разныхъ породъ лѣсомъ; это былъ островъ Суматра.

Въ 4 часа вечера, въ лѣвой сторонѣ представился берегъ съ пушистымъ высокимъ лѣсомъ—это тянулся длинный полуостровъ Малакка. Всю ночь ѣхали вдоль Малакскаго полуострова; за Малаккскимъ проливомъ, на всходѣ солнца, 25 іюля, появилось множество мелкихъ гористыхъ острововъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ. Вѣроятно, этотъ лѣсъ не видалъ человѣка хищника, у котораго сверкаетъ въ рукахъ топоръ и шипитъ пила, а только часто слышитъ пароходные сигналы, которые пугаютъ гнѣздящихся въ этихъ лѣсахъ разныхъ красивыхъ и дорогихъ птицъ. Въ осо-

бенности множество попугаевъ разнаго цвѣта, которые цѣнятся въ тѣхъ мѣстахъ не выше 3—4 рублей.

Въ 2 часа пополудни мы пристали къ о-ву Сингапуру. Тутъ встрѣтило насъ множество молодыхъ ребятъ отъ 9 до 17 лѣтъ, нагихъ обитателей Малаккской страны, въ своихъ маленькихъ легкихъ, трехъ аршинъ длины, лодкахъ. Въ рукахъ имѣли небольшія весла. Французы бросали съ парохода звонкія монеты въ море. Ребята быстро выпрыгивали изъ лодокъ, ныряли, какъ крохали, доставали монеты изъ моря и поспѣшно изъ воды впрыгивали опять въ свои лодочки, не зачерпнувши даже стакана въ лодку воды. И снова кричатъ: „але, але, капитанъ!“ т. е. бросай, бросай. Французы разбрасывали монеты въ два три мѣста, но ребята мгновенно кидались за ними, и ни одна монета не могла достигнуть дна моря, но всѣ были въ рукахъ ребячьихъ. Французы потѣшались и смѣялись, но наконецъ, догадавшись, сколько уже перекидали денегъ, больше кидать не стали. Тогда мальчики тотчасъ вернулись на берегъ.

Нужно намъ было въ Сингапурѣ походить, мѣстный народъ посмотрѣть. Спустились мы по сходнямъ на берегъ и вышли на площадъ, гдѣ стояли въ 4 ряда извощики съ двухколесными на рессорахъ экипажами американскаго издѣлія. Помѣстились мы двое съ Максимычевымъ въ одну коляску. Извощики не имѣли на себѣ ни рубахъ, ни подштанниковъ, а только подпоясана поясница кушакомъ, одинъ конецъ пропущенъ между ногъ и подвязанъ сзади за кушакъ; и вотъ его все пышное одѣяніе. Извощикъ, не медля нисколько, самъ зашелъ въ оглобли, обратился къ намъ и спросилъ на своемъ нарѣчіи: „куда прикажете ѣхать?“ Мы догадались, чего отъ насъ онъ требуетъ, и показали ему направленіе. Лошадка о двухъ ногахъ съ мѣста покатила рысью; мы дивились неслыханной ѣздѣ: человѣкъ запрегся въ экипажъ и бѣжалъ, какъ добрый конь, съ тягостью двухъ людей, пробѣжалъ до города и по городу не меньше трехъ верстъ. По тѣлу его потекли ручейки пота; вѣроятно сильно усталъ и началъ частенько на бѣгу обращать голову къ намъ, ожидая отъ насъ, что прикажемъ остановиться. Мы на каждое его обращеніе говорили ему: „русскій консулъ“ и махали рукой впередъ, дальше! „Пусть бѣжитъ до края города“, говорили мы между себя. Извощикъ видитъ, что мы его не останавливаемъ, рѣшился остановиться самъ: добѣжалъ къ дому, въ которомъ былъ магазинъ, остановился противъ двери, положилъ оглобли на землю и, указывая пальцемъ на дверь магазина, сказалъ: „русска, русска!“ Изъ магазина вышелъ человѣкъ лѣтъ 25, высокаго роста, борода и усы выбриты, тоже не имѣя на себѣ ни рубахи, ни штановъ, какъ говорится,

въ чемъ мамынька родила, самъ тучный, какъ тюлень. Раскланялся намъ въ поясъ и проситъ насъ къ себѣ и указываетъ на свой магазинъ: „русска, русска.“ Максимычевъ съ улыбкой сказалъ мнѣ: „Смотри, товарищъ, купецъ богатѣйшій, на немъ драгоцѣнная одежда никогда не изотлѣетъ.“

Извощикъ въ свою очередь проситъ у насъ расчета за доставку. Вошли мы къ купцу въ магазинъ, оглядываемся на всѣ стороны, думаемъ,—нѣтъ ли гдѣ русскаго человѣка по слову хозяина. Среди магазина стоитъ окрашенный столъ, хозяинъ приставилъ къ столу два стула и попросилъ насъ сѣсть. Мы сѣли на стулья. Извощикъ подошелъ къ намъ и проситъ отъ насъ деньги за доставку. „Гдѣ же русска?“—спросилъ Максимычевъ.— „Русска, русска,“ повторяетъ извощикъ. Я вынулъ золотую англійскую монету (9 р. 60 к.) и подалъ торговцу для обмѣна на мѣстныя серебряныя деньги. Торговецъ взялъ отъ меня монету, насчиталъ 8 сингапурскихъ серебряныхъ монетъ и подалъ ихъ мнѣ. Я попросилъ отъ него прибавить еще двѣ монеты; купецъ мотаетъ головой и даетъ понять, что сполна выдалъ намъ серебра за нашъ золотой. Впослѣдствіи оказалось, что купецъ не додалъ намъ 1 руб. 60 коп. Я одну монету подалъ ему обратно и попросилъ размѣнять ее на мелкія монеты. Купецъ вмѣсто одной подалъ мнѣ двѣ монеты, изъ которыхъ я одну подаю извощику. Извощикъ не беретъ, а проситъ большую монету. Я опять изъ послѣднихъ прошу принять одну монету, но извощикъ взялъ меня за пиджакъ и проситъ настоятельно уплатить за доставку, сколько онъ отъ насъ требуетъ. Я вскочилъ со стула и хотѣлъ его ударить врасплохъ, чтобы вылетѣлъ изъ магазина. „Я раздѣлаюсь съ тобой по казачьи, будешь помнить, какъ грабить русскаго человѣка!“ Но Максимычевъ удержалъ меня: „Уплати, пожалуйста, чего требуетъ,—говорилъ Максимычевъ,—мы съ нимъ не рядились, вѣдь можетъ—у нихъ такая такція. Далеко мы заѣхали, нашихъ кулаковъ здѣсь на всѣхъ не хватитъ.“

Сѣлъ я на стулъ и подалъ извощику монету стоимостью въ 1 рубль. Хозяинъ магазина стоялъ неподвижно и быстро смотрѣлъ на насъ. „Есть ли здѣсь рускіе люди, или хотя бы кто могъ говоритъ по русски?“—спросили мы хозяина. Купецъ ничего не отвѣтилъ, а только пожималъ плечами. Мы повторили вопросъ и, разводя руками, старались всячески, чтобы онъ понялъ отъ насъ, чего намъ желательно. Черезъ полчаса нашихъ переговоровъ онъ понялъ отъ насъ, чего намъ нужно, и перевелъ извощику. Тотъ, по просьбѣ купца, согласился доставить насъ къ русскимъ за 50 к. Помѣстились въ экипажъ, извощикъ проситъ деньги впередъ, мы же просимъ его, чтобы доставилъ насъ прежде на

мѣсто. Извощикъ положилъ оглобли на землю и проситъ насъ слѣзть съ экипажа. Мы плотнѣе усаживаемся и просимъ купца, чтобы онъ его уговорилъ. Купецъ уговаривалъ его, но онъ все требуетъ деньги впередъ.—„Напрасно мы стоимъ, отдай деньги!“ сказалъ опять Максимычевъ.—„Вотъ прекрасно, отдай ему деньги, а онъ за нихъ одинъ кварталъ провезетъ, положитъ оглобли на землю и также попроситъ насъ слѣзть съ экипажа. Не дамъ деньги, пока не доставитъ насъ куда нужно!“—отвѣтилъ я товарищу.

Наконецъ, купецъ упросилъ извощика, который плюнулъ на землю, взялъ оглобли и побѣжалъ рысью вдоль улицы. Пробѣжавъ ста четыре сажень, онъ остановился, положилъ оглобли и указывалъ на высокій домъ, который виднѣлся впереди, въ саженяхъ тридцати. „Русска, русска!“ сказалъ онъ и протягиваетъ руку за разсчетомъ. Мы взглянули на этотъ домъ; на немъ виднѣлась надпись по русски. Я выдалъ извощику 50 к.

Подошли къ дому, предъ которымъ былъ обширный подъѣздъ. На дворѣ стоялъ окрашенный столъ, за которымъ на стулѣ сидѣлъ человѣкъ.

— „Вѣроятно русскіе?“—сказалъ онъ.—„Да“, отвѣтили мы.— „На какомъ пароходѣ пріѣхали сюда?“—„На французскомъ“.—Онъ поставилъ стулья.—„Садитесь, пожалуйста. Сколько васъ человѣкъ?“—„Насъ трое. Впрочемъ есть, кромѣ насъ, одинъ господинъ русскій на этомъ же пароходѣ, который ѣдетъ изъ Марсели.“— „Это какая на васъ форма?“—„Мы уральскіе казаки.—„Куда же вы ѣдете?“

Въ это время подошли еще мужчина и женщина, сѣли на стульяхъ и приняли участіе въ разговорѣ.

— „Мы разыскиваемъ русскій народъ, который вышелъ изъ Россіи давнымъ давно, ста два лѣтъ и болѣе тому назадъ. Нѣтъ ли гдѣ на этихъ островахъ русскаго православнаго народа?“

— „Я въ этой странѣ нахожусь уже семь лѣтъ,—сказала женщина,—получаю свѣдѣнія и вѣдомости съ прочихъ островов, но не слыхала, чтобы здѣсь, на островахъ проживали русскіе, кромѣ того, какъ и мы, гдѣ двое, трое. Не токмо быть здѣсь православнымъ, но даже нѣтъ и вѣрующихъ въ Распятаго, кромѣ острова... (названіе ему я запамятовалъ). На немъ есть армяне. А вотъ гдѣ есть православные: противъ Адена,—зашедшіе лѣтъ пять тому назадъ, объ нихъ у насъ есть свѣдѣнія. Этимъ христіанамъ доставлены были изъ Россіи церковныя принадлежности.

— „Мы разыскиваемъ не тѣхъ людей, которые изъ Россіи вышли по одиночкѣ лѣтъ 10—20 тому назадъ; но мы хотимъ напасть на слѣдъ тѣхъ людей, о которыхъ въ Россіи между старообрядцами распространенъ слухъ, будто бы уже два вѣка и

болѣе тому назадъ вышедшіе изъ Россіи сотни людей съ духовными лицами теперь обитаютъ на восточныхъ индо-китайскихъ островахъ и имѣютъ до 40 церквей русскихъ. На этихъ же де островахъ находится на сирскомъ языкѣ множество народу и церквей; имѣютъ епископовъ даже и патріарха антіохійскаго постановленія.

— „Чего вы разыскиваете, здѣсь этого нѣтъ. Не токмо 40 церквей,—если бы была одна церковь православная, и о той было бы извѣстно. Если на которомъ островѣ мы сами не были, то людей со всѣхъ острововъ часто видимъ и спрашиваемъ, какіе люди тамъ проживаютъ и какихъ вѣроисповѣданій. Если на какомъ островѣ есть одинъ человѣкъ русскій, и онъ намъ извѣстенъ. Развѣ, какъ вы объясняете, что уже два вѣка тому назадъ зашедшіе, то изъ нихъ уже старые померли, а молодые соединились въ одинъ типъ съ мѣстными жителями и теперь признать ихъ невозможно.“

— „А религія и церкви то гдѣ?“ сказали мы.

— „Да, это должно быть при нихъ... Но нѣтъ, о православныхъ здѣсь и слуху нѣтъ“.

Закончивши разговоръ, пошли на базаръ купить чего нибудь съѣстного. На базарѣ фруктъ много, но всѣ намъ не знакомые. Наконецъ подошли къ арбузамъ. „Вотъ этотъ овощъ намъ извѣстный и лакомая наша пища,“—сказалъ Максимычевъ. Спросили арбузамъ цѣну, купили одинъ за 25 коп., вышли на средину улицы, сѣли на извощика и поѣхали обратно на пристань. Ѣхали и разговаривали между себя: съ чего же распространились рукописанные маршруты, которые указываютъ на восточно-океанскіе острова, на нихъ де живутъ люди русскіе и сирскіе съ полнымъ духовенствомъ православно-каѳолическаго исповѣданія. Но теперь мы самовидцы океанскихъ острововъ и видимъ на нихъ обитателей, что они поклонники разныхъ боговъ... Теперь какъ-бы достигнуть Бѣловодіи и Индо-китайскаго полуострова, на которую мѣстность указываетъ архіепископъ Аркадій, подъ названіемъ Бѣловодскій.

Такъ пока между себя разговаривали, двуногая лошадка примчала насъ къ морской пристани, положила оглобли на землю, проситъ за доставку деньги. Я далъ ему 30 к. Извощикъ, протягивая ко мнѣ руку, требуетъ прибавки. Я попросилъ отъ него обратно выданные деньги и вмѣсто нихъ хотѣлъ дать 50 коп., но извощикъ, не понявши мое намѣреніе, а предполагая, что я и послѣднія деньги у него отбираю обратно, не далъ ихъ и съ тѣмъ отъ насъ ушелъ. Вотъ, что дѣлаетъ не-

знаніе чужихъ мѣстныхъ нарѣчій: съ пристани до мѣста уплатили мы 1 р. 50 коп., а обратно проѣхали всего только за 30 коп.

Товарищъ нашъ Барышниковъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ нашего возвращенія. — „Ну, что, братцы, есть ли что доброе?“ Разсказали ему все подробно; выслушалъ все Барышниковъ и сказалъ: „Поѣдемте дальше, не нападемъ ли на слѣдъ того, о чемъ разсказывалъ архіепископъ Аркадій Бѣловодскій“.—„Необходимо нужно!“—подтвердилъ Максимычевъ.—„А это что у васъ въ сумкѣ-то?“—„Гостинецъ“, отвѣтили мы и вынули изъ сумки арбузъ. Я попробовалъ запустить въ арбузъ ножикъ и почувствовалъ, что арбузъ недобрый. Все-таки вырѣзалъ изъ него маленькій кусочекъ; цвѣтъ арбуза оказался необыкновенной красноты, словно облитъ кровью, и думаю себѣ, что вкусъ вѣроятно будетъ отвратительный; лизнулъ и дважды плюнулъ на полъ. „Вотъ какой привередливый, говоритъ Максимычевъ, заграничный арбузъ ѣсть не хочетъ, даже плюетъ. Арбузъ красный, такихъ у насъ на Уралѣ никогда не бываетъ“.—„Да, братцы, попробуйте вы, чѣмъ пахнетъ“,—сказалъ я, и подалъ кусокъ Барышникову. Онъ тоже лизнулъ языкомъ и подалъ его Максимычеву, который также лизнулъ, и оба плевали до трехъ разъ. Барышниковъ сдержался и не отплевывался сразу, вѣроятно для того, чтобы втянуть въ пробу и Максимычева. Я взялъ кусокъ, приложилъ къ арбузу и бросилъ его въ пароходное окно, въ океанскія волны.

26-го іюля, въ 10 часовъ утра, вышли съ пристани Сингапура направленіемъ вокругъ полуострова Малакки, къ Сіаму. Цѣлый день продолжали мы разговоръ объ Аркадіѣ, и когда стали вспоминать, что разсказывалъ онъ намъ поодиночкѣ, то оказалось, что разсказы его не сходятся.

IX.

Прибытіе къ гор. Сайгону. — Колокольный звонъ на зарѣ. — Новыя надежды. — Поѣздка по Сайгону на звонъ колоколовъ. — Католическая церковь. — Блужданіе по городу. — Неудобства незнанія языковъ. — Счастливая встрѣча съ французомъ. — Французское консульство. — Мѣна денегъ; ошибка мѣнялы, желавшаго обмануть иностранцевъ. — Удивленіе жителей при видѣ русскихъ. — Умная обезьяна. — Встрѣча съ господиномъ Куликовскимъ и его объясненія. — Убѣжденіе въ самозванствѣ Аркадія укрѣпляется. — Случай изъ прошлаго. — Отплытіе изъ Сайгона. — Буря.

На *28-е число,* въ ночь, достигли мы до Камбоджскихъ прорановъ (протоковъ), всю ночь блуждали межъ островковъ рѣки Камбоджи и, довольно поднявшись по широкой рѣкѣ, на утренней зарѣ подъѣхали къ пристани города Сайгона. На всходѣ солнца раздался по густому пушистому лѣсу звонъ колокола.

— „Слышите, церковный звонъ!—сказалъ Барышниковъ;— уже не вѣрны ли разсказы архіепископа Аркадія?“

— „Нужно поспѣшно бѣжать на этотъ звонъ,—говорилъ я,— дознать, какіе люди находятся здѣсь и какая ихняя вѣра?“—Мы съ Максимычевымъ вдвоемъ спустились по сходнямъ. На пристани толпились такія же двуногія лошадки, какъ и въ Сингапурѣ, только здѣсь возятъ въ экипажахъ по одному человѣку. Помѣстились мы на двухъ бѣгунковъ и поѣхали въ городъ на звонъ колокола. Бѣгунки сначала бѣжали на звонъ, какъ будто знаютъ, чего намъ нужно. Прибѣжали на пространную площадь, остановились и, протягивая руки, просятъ отъ насъ вознагражденія за потные свои труды. Но намъ желательно было, чтобы они насъ поскорѣе доставили, гдѣ звучитъ колоколъ, а разъяснить имъ не можемъ, только, сидя въ экипажахъ. говоримъ: „донъ, донъ, донъ!“ указывая имъ въ ту сторону. Извощики смотрятъ одинъ на другого и смѣются; наконецъ настоятельно потребовали отъ насъ разсчета. Волей-неволей вылѣзли мы изъ экипажа, вознаградили ихъ за труды, а сами поспѣшно зашагали въ ту сторону, гдѣ слышался звонъ, который уже прекратился.

Постройка города Сайгона чисто-каменная. Дома о двухъ-трехъ этажахъ, улицы всѣ устланы щебнемъ, по улицамъ, по

обѣимъ сторонамъ въ два ряда разсажены пушисто-высокія деревья, шумящія отъ вѣтра. Черезъ полчаса попали мы въ ту улицу, по которой издали виднѣлась церковь, и подошли къ ней. На паперти стояли трое мужчинъ, по физіономіи, угадывали мы, должны быть эти люди изъ французовъ. Максимычевъ спросилъ ихъ: „православная или католическая?“ указывая рукой на церковь. Французы поняли вопросъ и отвѣтили: „католическая“.

— „Гдѣ же православная?“—спросилъ я, разводя руками.— „Православной но“, отвѣтили они, т. е. нѣтъ. Спросили мы ихъ: „нѣтъ ли здѣсь русскихъ?“ Французы пожимали плечами, повсему—понять насъ не могутъ. Мы стали часто повторять: „русска, русска! Моску, Моску!“ Одинъ изъ нихъ поднялъ руку, какъ будто понялъ, махнулъ рукой и пошелъ съ нами вдоль улицы. Пройдя ста два сажень, подошелъ къ полицейскому, что-то ему передалъ объ насъ и указалъ намъ на полицейскаго, а самъ ушелъ по другой улицѣ. Полицейскій пошелъ вмѣстѣ съ нами. „Ну, теперь полицейскій доведетъ насъ до мѣста!“—сказалъ Максимычевъ. „Не знаю, насколько французъ понялъ насъ“, отвѣтилъ я. Пройдя съ нами три квартала, полицейскій пріостановился и далъ намъ понять, что дальше продолжать съ нами путь не можетъ. Недалеко стояли извощики. Я махнулъ имъ рукой, подбѣжали къ намъ трое извощиковъ. Мы попросили полицейскаго, чтобы передалъ извощикамъ, чего намъ нужно. Полицейскій передалъ имъ что-то, а что именно — намъ неизвѣстно, только извозчики кивнули головами, какъ будто поняли. Помѣстились мы по одному въ экипажъ, побѣжали по улицамъ и переулкамъ и попали опять на обширную площадь. Остановились возчики, положа оглобли на землю, и приказываютъ намъ вылазить изъ экипажа и уплатить за проѣздъ. Мы не слѣзаемъ и деньги не отдаемъ, просимъ ихъ, чтобы везли насъ, куда намъ нужно. На площади толпилось болѣе десятка извощиковъ, услыхали шумъ, подбѣжали къ намъ и спросили, въ чемъ дѣло. Извощики передали что-то на своемъ нарѣчіи и снова стали тѣснить насъ, чтобы мы имъ уплатили деньги. Мы просимъ ихъ, чтобы везли насъ въ консульство, говоримъ: „русска, русска! Моску, моску!“ Прочіе извощики смотрятъ на насъ, смѣются и между собой что-то толкуютъ. Наконецъ подняли оглобли и повезли насъ дальше. Встрѣтился намъ опять французъ, самый тотъ, который отъ церкви съ нами до полицейскаго дошелъ. Я пріостановилъ его и намекнулъ ему, что насъ по городу возятъ безполезно. Французъ пріостановилъ нашихъ извощиковъ, велѣлъ везти шагомъ и самъ пошелъ съ нами рядомъ. Пройдя не болѣе 70 саж., онъ указалъ извощикамъ на углу большой домъ, а самъ вернулся и пошелъ своимъ путемъ.

Извощики помчались въ припрыжку, вѣроятно обрадовались, что скоро съ нами развяжутся. Пробѣжали сажень 200, повернули направо, подвезли къ большому дому, положили оглобли на землю и указываютъ на высокій домъ, т. е. даютъ знакъ, что представили къ тому мѣсту, куда приказалъ французъ. Слѣзли мы изъ экипажей, уплатили за потные труды деньги и вошли въ этотъ домъ. Въ первомъ отдѣленіи стояли пять столовъ, за каждымъ сидѣли по три человѣка, занятые письмомъ. Можно было понять, что это какое-то присутственное мѣсто, народъ безъ исключенія всѣ французы. При входѣ нашемъ всѣ обратились лицомъ къ намъ. Старшій чиновникъ что-то спросилъ насъ на французскомъ нарѣчіи. Мы въ отвѣтъ сказали ему: „консулъ Моску!“ „Моску консулъ — но. Франси консулъ!“ И онъ указывалъ пальцемъ на свое правленіе. Съ тѣмъ и вышли мы отъ нихъ.

—„Теперь въ какую сторону пойдемъ?“—сказалъ я.—„Дойдемъ до базару, можетъ быть чего увидимъ для насъ нужное“,—отвѣтилъ Максимычевъ. Пришли на базаръ, гдѣ намъ потребовалось мелкихъ мѣстныхъ денегъ. Подошли мы къ столу мѣняльщика, я подалъ ему золотую монету 7 р. 50 к. Онъ насчиталъ серебряныхъ денегъ 8 р. 20 к. и подалъ мнѣ. Вѣроятно русскую монету онъ призналъ за англійскую, которая цѣнится 9 р. 60 к. Малаецъ полагалъ, что меня обманулъ на 1 р. 40 к., но между тѣмъ передалъ мнѣ 70 коп.—„Не всегда же имъ насъ обманывать, вдулся и самъ по своей неправдѣ“, сказалъ я. Подошли къ торговцамъ, купили овощь въ видѣ рѣпы, вкусомъ превосходнѣе. Подалъ я торговкѣ серебряныя 25 коп. и попросилъ на нихъ сдать мелкими. У торговки мѣстныя деньги, на которыхъ въ серединѣ четырехъ-угольныя дыры, всѣ надѣты на шнурокъ. Долго считала она дырчатыя деньги, наконецъ отдала мнѣ всю вязанку.—„Ничего, за одну монету дала фунтовъ 7 овощу и вязанку денегъ“, сказалъ я.

Мѣстный народъ ходятъ нагіе, какъ и въ Сингапурѣ, но только здѣсь носятъ на головѣ широкія шляпы, какъ зонтики. Во рту у нихъ имѣется какой-то составъ, въ видѣ крови; часто плюютъ. Базаръ и всѣ улицы оплеваны; можно подумать что какое-нибудь животное, крѣпко раненое, бѣжало здѣсь и облило кровью. Употребляютъ въ пищу всякихъ нечистыхъ животныхъ: въ лавкахъ для продажи висятъ копченыя кошки, собаки, крысы и т. п.

Съ базару пошли мы обратно къ пароходу. На пути мѣстные жители смотрѣли на насъ, какъ на какихъ чудовищъ. Дѣти (и подростки) отъ 8 до 20 л. толпились и шли за нами. Мы замѣтили, что въ ихъ глазахъ кажемся страшными, и шли съ цѣлью мѣш-

котно, не одинъ разъ пріостанавливаясь. Ребята сначала старшіе младшихъ подталкивали къ намъ ближе, которые со слезами отъ насъ бѣжали безъ оглядки. Наконецъ осмѣлились нѣкоторые: при остановкѣ нашей подходили къ намъ, глядѣли намъ въ лицо. Одинъ, лѣтъ 20, ощупалъ руками наши бороды и подъ бородой глазами оглядѣлъ наши шеи. Чего искалъ туземецъ подъ нашими бородами? Или думалъ онъ, что подъ бородами на мѣстѣ горла нѣтъ ли у насъ другого рта? Вѣроятно этотъ народъ не видалъ русскаго человѣка, поэтому они и дивились.

Вышли изъ города. На пути попалось мѣсто болотистое и лѣсное, но дорога набучена щебнемъ. Невдалекѣ отъ дороги (сажень 10) на пенькѣ срубленнаго дерева сидѣла обезьяна. Максимычевъ бросилъ въ нее грецкимъ орѣхомъ. Орѣхъ упалъ у самого пенька; обезьяна спрыгнула съ пенька и, взявши орѣхъ, начала его разгрызать, потомъ положила его на землю и ударяла въ него камнемъ. Но такъ какъ мѣстность была болотистая, то орѣхъ забивался въ землю; обезьяна снова взяла его, положила въ воду мочить и, вынувъ его изъ воды, начала грызть. Подивились мы ея смыслу и пошли своимъ путемъ къ пароходу.

Весь день пробродивши по Сайгону, не смогли мы найти человѣка, который могъ бы намъ разъяснить, какая это страна и народъ какого вѣроисповѣданія? Вернувшись на пароходъ, передали обо всемъ Барышникову. Барышниковъ вспомнилъ, что на этомъ же пароходѣ есть одинъ господинъ русскій; при разговорѣ назвался прокуроромъ морского вѣдомства, по фамиліи Куликовскій, который ѣхалъ изъ Марсели. Обратились мы къ Куликовскому съ просьбой, какъ онъ зналъ хорошо французскій языкъ. Куликовскій радъ былъ намъ, такъ какъ русскихъ давно не видалъ. Спросили мы, какъ страна эта называется и народы какого вѣроисповѣданія. Страна эта называется въ простомъ нарѣчіи: Восточно-Китайскій полуостровъ, мѣстные жители Малаккцы, буддійскаго вѣроисповѣданія. Мы обрадовались. Думаемъ себѣ, что достигли до Бѣловодіи, на которую мѣстность указывали часть рукописныхъ маршрутовъ, и Аркадій архіепископъ въ своемъ разсказѣ также упоминалъ этотъ полуостровъ.

— „Есть ли здѣсь городъ Левекъ?“ — спросили мы.

— „Не слыхалъ я названіе такого города. На что же онъ вамъ?“

— „Мы ѣздимъ, разыскиваемъ русскихъ людей, по распространившимся между старообрядцами рукописнымъ маршрутамъ подъ именемъ инока Марка (Топозерской обители). Онъ будто бы съ двумя товарищами путешествовалъ на востокъ черезъ Сибирь, въ Китайскую имперію. Пройдя городъ Пекинъ, достигъ страны

Восточно-Индокитайскаго полуострова, гдѣ и находится Бѣловодія, по островамъ большимъ и малымъ въ окрестностяхъ Японіи. На тѣхъ островахъ народы обитаютъ христіанскаго вѣроисповѣданія, частью отъ проповѣди апостола Ѳомы, но есть и выходцы изъ Сиріи, зашедшіе отъ гоненія Папы римскаго и бѣжавшіе изъ Россіи отъ временъ патріарха Никона. Всѣ эти народы имѣютъ епископовъ и архіепископовъ, до 40 церквей русскихъ, а Сирскихъ до 70 церквей и имѣютъ Патріарха Антіохійскаго поставленія. Двое спутниковъ инока Марка пожелали остаться навсегда въ этой странѣ, а Маркъ возвратился въ Россію и свое путешествіе подтверждаетъ съ клятвою. На эту же страну указываетъ и Аркадій архіепископъ, подъ названіемъ Бѣловодскій, который явился въ Россію лѣтъ 35 тому назадъ, принявъ архіепископство отъ тамошняго патріарха. Мы проѣхали острова Цейлонъ, Суматру, Сингапуръ и проч., обогнули Малаккскій полуостровъ, но не только русскихъ 40 церквей, но даже и людей русскихъ мало видали, и тѣ лѣтъ семь выѣхали изъ Россіи. Спрашивали ихъ мы о русскихъ людяхъ и какіе люди находятся на Филиппинскихъ островахъ. Они намъ сказали, что-де, нѣтъ на этихъ островахъ православнаго народа, ни церквей, ни русскихъ людей. Теперь, гдѣ же городъ Левекъ и гдѣ православный народъ съ духовенствомъ и церквами?“

— „Я вамъ истинно говорю: нѣтъ здѣсь города Левека, и не бывали православно-русскіе народы. Не желаете ли посмотрѣть карту въ пространной чертѣ этого полуострова?“

— „Очень желаемъ“,—отвѣтили мы и пошли вмѣстѣ съ г-мъ Куликовскимъ смотрѣть карту, на которой надписи по-французски. Куликовскій прочиталъ всѣ города и урочища. Нѣтъ города Левека.

— „Не вѣрно ли говорилъ я вамъ, что города Левека нѣтъ, и въ этой мѣстности никогда не бывали русскіе люди. И теперь русскіе пароходы сюда не заходятъ, и здѣшніе народы русскихъ никогда не видали.

— „Что же такое? Неужели это все ложное?—сказалъ Максимычевъ,—какъ письменные маршруты подъ именемъ инока Марка, такъ, въ особенности, архіепископъ Аркадій? Этотъ человѣкъ и теперь живъ и находится въ Пермской губ., временно пріѣзжалъ и къ намъ на Уралъ. Что же заставляетъ его врать и носить на себѣ чинъ самозванства?“

— „Это очень просто,—говорилъ Куликовскій.—Однажды ему взбрела дурная такая мысль принять на себя чинъ самозванный, и онъ выдалъ себя ложно за Бѣловодскаго архіепископа. Теперь ему уже трудно говорить правду, когда онъ привыкъ врать“.

Когда Куликовскій высказалъ про самозванство Бѣловодскаго Аркадія, мнѣ одинъ случай подобно такой же взошелъ на память. Это было лѣтъ 35 тому назадъ, когда я былъ 13—14 лѣтъ; въ декабрѣ мѣсяцѣ, во время багреннаго *) нашего рыболовства (этотъ промыселъ на Уралѣ чуть ли не поголовный: начиная отъ пяти до 80-лѣтъ, всѣхъ везутъ на первый день багрить рыбу). Я въ то время проживалъ въ Ранненскомъ поселкѣ, 90 верстъ выше г. Уральска. Вотъ въ числѣ прочихъ и я поѣхалъ съ покойнымъ родителемъ на багренье. Пріѣхали въ г. Уральскъ на квартиру къ казаку Ивану Алексѣевичу Сладкову; взошли къ хозяину въ комнату; я раздѣлся, влѣзъ на печь погрѣться, а отецъ мой подошелъ къ умывальнику, обрывая съ бороды и усовъ намерзшія отъ сильнаго холода ледяныя сосульки и бросалъ ихъ подъ умывальникъ въ тазъ.

— „Терентій Григорьевичъ,—говорилъ Иванъ Алексѣевичъ,— вы разыскиваете истинное священство, да не найдете. Священникъ есть въ Петербургѣ у купца (фамилію и имя купца я запамятовалъ) и церква у него въ дому, но только никто не знаетъ“.

— „Если никто не знаетъ,—отвѣтилъ отецъ,—Вы какъ же узнали?“

— „Мнѣ сказалъ человѣкъ, который много разъ былъ у этого купца и въ домашней церкви при священникѣ Богу молился и на духу у него былъ“.

Отецъ мой по этой части былъ ревнитель, подошелъ къ Ивану Алексѣевичу и сѣлъ съ нимъ рядомъ.—„Ну, говоритъ, теперь, пожалуйста, скажите имя этого человѣка, который Вамъ сказывалъ?“

— „Гвардеецъ прошлою осенью пришелъ со службы изъ Петербурга, не простой казакъ, а урядникъ, врать уже не будетъ. Проживаетъ въ г. Уральскѣ въ Новоселкахъ, фамилія его Изюмниковъ. Былъ онъ у меня въ гостяхъ, сидѣли съ нимъ, выпивали водку. Рѣчь у насъ зашла о священствѣ, онъ и сказывалъ мнѣ, какъ молился у купца въ церкви и былъ на духу у священника“.

— „Иванъ Алексѣевичъ, (говоритъ отецъ) какъ бы послать за этимъ урядникомъ?“ Иванъ Алексѣевичъ вышелъ изъ комнаты на дворъ и закричалъ: „Кузька, запряги гнѣдка въ багреныя сани поскорѣе!“ Самъ вошелъ въ комнату и сказалъ: „сейчасъ привеземъ урядника“. Поскакалъ Кузька за Изюмниковымъ. Иванъ Алексѣевичъ отворилъ шкапъ.—„Не знаю, есть-ли у меня водка“. Вытаскиваетъ четвертную бутыль. Вскорѣ урядникъ Изюмниковъ

---

*) Зимній ловъ по льду, причемъ рыбу достаютъ баграми. На багренное рыболовство выѣзжаетъ все уральское войско.

вошелъ въ комнату, помолился Богу, раскланялся хозяину и сказалъ: „Вы, Иванъ Алексѣевичъ, требуете меня повелительно, словно наказный атаманъ“.

— „Выпить я захотѣлъ,—отвѣчалъ хозяинъ,—а одному пить не весело“.

— „Какъ молъ одному? У васъ есть гости“.

— „Ну, эти гости не умѣютъ держать въ рукахъ рюмку, а вы знаете. Мы съ вами выпивали все подъ дёнушко“.

— „Да, вѣрно: я не помню, какъ и уѣхалъ отъ васъ домой,— говорилъ Изюмниковъ.—Ночью проснулся и думаю, гдѣ я теперь лежу, не знаю, дома или въ гостяхъ у кого“.

— „Ну, садись-ка за столъ, пріударимъ также, какъ и раньше“.

— „Нѣтъ, Иванъ Алексѣевичъ, нужно поберегаться: вѣдь завтра рано нужно бѣжать на ятовь, а у насъ головы будутъ болѣть. Нѣтъ, не нужно пить“.

— „Дѣло ваше, какъ хотите, а я выпью. Завтра, что Богъ дастъ!“ Хозяинъ налилъ въ стаканъ водки, перекрестился и потянулъ до-суха.—„По нашему вотъ какъ“—сказалъ хозяинъ, налилъ въ чайный стаканъ и поднесъ Изюмникову.

— „Не напрасно-ли, Иванъ Алексѣевичъ?“—сказалъ Изюмниковъ.

— „Нѣтъ, нѣтъ, выпей, потомъ начнемъ дѣло, для чего я васъ пригласилъ!“ Гость болѣе не сталъ уклоняться, взялъ въ лѣвую руку стаканъ, пожелалъ хозяину всего хорошаго и вытянулъ изъ стакана на-сухо; вѣроятно, въ Питерѣ научился, какъ со стаканомъ обращаться.

— „Вотъ этотъ человѣкъ, говоритъ хозяинъ, указывая на моего отца,—моей женѣ родной братъ, а мнѣ шуринъ. Они много лѣтъ стараются, гдѣ бы добыть себѣ старообрядческаго священника. Я передалъ имъ, что есть священникъ въ Питерѣ у купца. Шуринъ мой ухватился за мой разсказъ и пожелалъ видѣть васъ лично и выслушать отъ васъ видѣнное вами. А вы разскажите ему безъ стѣсненія, какъ и мнѣ сказывали.

— „Да, Бога ради, не утайте,—сказалъ мой отецъ Изюмникову,—скажите все подробно: какъ имя купца, чей по фамиліи, съ котораго времени находится у этого купца священникъ и гдѣ онъ взялъ священника?“

Изюмниковъ не ожидалъ такихъ вопросовъ и не приготовился на нихъ отвѣчать. Онъ облокотился локтемъ на столъ, ладонь прислонилъ ко лбу; по всему было замѣтно, что въ эти минуты Изюмниковъ растерялся,—сказать ли то, что это онъ, гвардеецъ, да къ тому же унтеръ-офицеръ, говорилъ неправду, или начинать врать....

Но много разсуждать было уже не своевременно и Изюмниковъ рѣшился врать дальше.

Въ это время и намъ было замѣтно, что онъ растерялся, но поняли мы наоборотъ. Наше понятіе было, что онъ стѣснялся раскрыть купца и священника: узнаетъ правительство, придетъ полиція къ купцу въ домъ, возьмутъ у него священника, а самого купца посадятъ въ тюрьму.

— „Иванъ Алексѣевичъ, сказалъ Изюмниковъ, налей-ка мнѣ еще стаканъ водки, я выпью и потомъ начну разсказъ“.—Раньше уклонялся отъ перваго стакана, а теперь самъ напрашивается, вѣроятно для смѣлости. По всему, не привыкъ врать... Выпилъ и крякнулъ. „Водка, очень хорошая“,—сказалъ онъ; вѣроятно, ему хотѣлось, чтобы хозяинъ налилъ третій стаканъ, да не осмѣлился.

Прокашлявшись немного, началъ говорить:—„Да, я служилъ въ Питерѣ три года. На второмъ году моей службы пришлось мнѣ случайно познакомиться съ купцомъ (называетъ его имя, отчество и фамилію). Увѣрился купецъ, что я старообрядецъ, и изволилъ тайно мнѣ открыться, что есть у него въ дому церковь и въ ней служитъ старообрядческій священникъ. Разговоръ объ этомъ былъ съ купцомъ декабря, а какого дня,—дай Богъ памяти“.—Изюмниковъ ухватилъ лѣвой рукой себя за голову, немного подумалъ и сказалъ: „22 декабря, за сутки до Рождества Христова“.

Въ это время опять можно было замѣтить, что онъ вралъ: сказалъ 22 декабря и за сутки до Р. Х. Впрочемъ, больной человѣкъ вѣритъ всякой деревенской бабкѣ, только получить бы поскорѣе здоровье.

—„Я пожелалъ—продолжалъ онъ,—на праздникъ Христовъ въ его домашней церкви помолиться Богу. Купецъ мнѣ не отказалъ, велѣлъ приходить, только попросилъ меня, чтобы я никому не сказывалъ. Я далъ ему честное слово. Отъ вахмистра выпросилъ я на сутки себѣ увольненіе. 24 декабря, когда заблаговѣстили въ церквахъ, я и пошелъ къ купцу въ домъ. Въ воротахъ у купца стоялъ человѣкъ, который меня пріостановилъ и спросилъ, какъ мое имя и фамилія; вѣроятно ему было обо мнѣ сказано, и онъ указалъ мнѣ дверь. Взошелъ я въ комнату (въ это время были уже на молитвѣ), домашніе указали мнѣ, гдѣ ходъ въ церковь. Когда я взошелъ въ церковь, хозяинъ увидалъ меня, подошелъ къ священнику, чего-то шепнулъ ему на ухо, и вмѣстѣ подошли ко мнѣ.—„Помолиться Богу пришелъ?“—спросилъ меня священникъ.—„Да, благослови батюшка“,—отвѣтилъ я.—„Добрѣ, добрѣ, чадо! Богъ всѣхъ требуетъ ко спасенію“. Прочиталъ священникъ мнѣ прощеніе, приказалъ за вечерней стоять мнѣ просто, не креститься.

„Я такъ и исполнилъ: стоялъ, не крестился, а слезы у меня одна за другой катятся; не удержусь отъ радости, что Богъ привелъ меня сподобиться видѣть истиннаго священника“.

При этихъ словахъ, у покойнаго моего родителя потекли изъ глазъ слезы. Онъ приткнулся локтями на столъ, ладонями закрылъ глаза, но слезы у него неудержимо текли, проникали между пальцевъ и капали на столъ. Я сидѣлъ съ ними, слушалъ разсказъ Изюмникова, и меня также сердечно тронуло, покатились слезы. Мнѣ сдѣлалось совѣстно, мальчишкѣ, плакать, чтобы видѣли люди; я вскочилъ со стула, выбѣжалъ въ другую комнату, уткнулся лицомъ въ кроватную постель и втихомолку поплакалъ. Потомъ обтеръ кулакомъ глаза, подошелъ къ зеркалу, поглядѣлъ на свое лицо и замѣтилъ, что лицо у меня отекло и глаза покраснѣли. Какъ войду въ горницу?—себѣ думаю.—Дядя Иванъ спроситъ у меня: что у тебя, Гринька, глаза-то покраснѣли? Подошелъ я къ умывальнику, умылъ лицо, пополоскалъ глаза. У зеркала висѣло полотенце, которымъ я утерся и снова вышелъ къ нимъ.

Считаю не лишнимъ обратиться ко всѣмъ поповцамъ. Лушковцы, окружники, полуокружники и противоокружники, духовные и мірскіе, грамотные и неграмотные лица приняли за привычку говорить намъ въ укоризну: „вы не имѣете при себѣ священства отъ нерадѣнія и безстрашія вашего. Хотите жить своевольно и безнаказанно на всю жизнь; не обличаете тяжкихъ своихъ грѣховъ священнику, къ тому же подтверждаете, что можно спастись и безъ священника, указывая на нѣкія случайныя бытія“.

Однако, если признаютъ въ насъ нерадѣніе, что же тогда побудило моего отца испустить неудержно теплыя слезы только при выслушаніи разсказа, что есть священникъ, къ которому можно достигнуть? Безстрашіе-ли тронуло 13-ти лѣтняго мальчика убѣжать отъ числа людей въ уединенное мѣсто, удариться наподушку внизъ лицомъ переплакаться? Были-ли слезы неудержны моего отца отъ радости, что проникаетъ ясный слухъ о священникѣ, или о томъ, что по неизвѣстной судьбѣ давно лишились мы обѣщанныхъ даровъ—сказать не умѣю. Или скажутъ и это нерадѣніе, что въ случаѣ, когда проникнетъ туманный слухъ о томъ, что есть-де въ такой-то удаленной странѣ народъ и имѣетъ при себѣ истинное священство, тогда мы съѣзжаемся, обсуждаемъ и снаряжаемъ депутацію. Одни щедро ублаготворяютъ деньгами, отъ пота и тяжкихъ трудовыхъ добытыми, другіе оставляютъ безъ призрѣнія свое домашнее хозяйство и, лишаясь своихъ женъ и дѣтей, рѣшаются ѣхать въ отдаленныя и неизвѣстныя мѣста? Придется-ли возвратиться и видѣть своихъ домашнихъ

или закроются глаза на морѣ-океанѣ и послужатъ могилой волны, а гробомъ дно океана!.. Да,—нужно судить, положа руку на сердце и примѣнить на это мѣсто себя, а не говорить легко: „что имъ? или: денегъ молъ набрали имъ много!“ А сколько въ сущности, знаютъ немногіе люди, которые при отъѣздѣ нашемъ сдавали намъ ихъ счетомъ.

Чѣмъ же кончился разсказъ Изюмникова? Выше сказано было, вечерню онъ молился не крестясь, а заутреню позволили уже молиться съ ними вмѣстѣ. Послѣ этого, говорилъ онъ, ходилъ я молиться всегда, когда былъ свободенъ. Дважды былъ у священника на духу и принималъ святыя тайны. Священникъ—человѣкъ кроткій, находится у купца уже 30 лѣтъ, отъ роду имѣетъ лѣтъ восемьдесятъ.

— „Пожалуйста, напишите адресъ, какъ купцу имя и фамилія?—попросилъ отецъ,—не забудьте также прописать, на какой улицѣ домъ купца“.

— „Съ удовольствіемъ“, отвѣтилъ Изюмниковъ. Иванъ Алексѣевичъ досталъ изъ шкапа два листа бумаги и подалъ Изюмникову, который написалъ карандашомъ имя купца, фамилію и проспектъ, послѣ чего подалъ адресъ моему отцу.

„Въ случаѣ мы (говорилъ мой отецъ) пошлемъ людей въ Петербургъ, тогда, пожалуйста, Вы напишите отъ себя купцу письмо, чтобы онъ не опасался нашихъ посланныхъ людей, открылся бы имъ простой душой—это необходимо“.—„Напишетъ, напишетъ“, сказалъ Иванъ Алексѣевичъ. Изюмниковъ нѣсколько позамялся, но наконецъ отвѣтилъ тихо, сквозь зубы: „можно“.

Въ теченіи багреннаго рыболовства, разсказъ Изюмникова хоть и шепоткомъ, но разлетѣлся по всему уральскому войску, а между старообрядцами даже съ большими прибавками. Закончивши багренное рыболовство, собрались наши отцы и дѣды въ Ранневскомъ поселкѣ, въ домѣ нашемъ на обсужденіе къ снаряженію депутаціи въ Петербургъ. Народъ съѣхался со всѣхъ сторонъ, множество людей тѣснились въ 10 арш. комнатѣ. Въ сѣняхъ отъ тѣсноты были сильные капели.

Когда, въ услышаніе всѣмъ, передали разсказъ урядника Изюмникова, народъ въ одинъ голосъ сказали: нужно безотлагательно, по вскрытіи ранней весны, ѣхать въ Петербургъ. На другой день сошлись въ этотъ же домъ ранневскіе жители чуть ли не всѣ, такъ что домъ, сѣни и дворъ наполнены были народомъ. Я въ это время отъ тѣсноты сидѣлъ на печи, съ удовольствіемъ прилежно слушалъ говоръ народа. Но вдругъ народъ въ избѣ что-то засуетился и сталъ выходить вонъ. Поспѣшно со стола собрали книги и поклали ихъ въ мѣшки. Я спросилъ

у своей старшей сестры о причинѣ суеты народа. Сестра мнѣ сказала, что подано извѣстіе, будто-бы пріѣхалъ изъ Январцева дистанціи начальникъ и намѣренъ отобрать всѣ книги, а стариковъ арестовать. На дѣлѣ вышло совсѣмъ не то: въ это время богатый человѣкъ женилъ сына и послалъ приглашать богатыхъ людей, но, къ удивленію, приглашать было некого: мужчины всѣ были на бесѣдѣ. Богатый человѣкъ крѣпко призадумался. Пришелъ къ нему его сродникъ, казакъ Павелъ Мирошкинъ, хозяинъ и разсказалъ ему свою неудачу... „Гдѣ же вашъ народъ?"—спросилъ Мирошкинъ.—„На духовномъ собраніи въ дому Терентія Хохлова".—„Ну, не печалься, я ихъ всѣхъ разгоню,—сказалъ Мирошкинъ.—Ты готовь поболѣе стульевъ да вина".—„Это все готово".—Мирошкинъ въ это время былъ приказнымъ и исправлялъ должность поселковаго начальника. Онъ съ цѣлью прислалъ человѣка передать старикамъ, чтобы побереглись на время, иначе будетъ имъ дурно. Народъ разъѣхался, жители разошлись по домамъ и тѣмъ богатому человѣку осчастливилось созвать гостей.

По вскрытіи весны депутація отправилась въ Петербургъ. Давалъ ли Изюмниковъ депутаціи отъ себя письмо къ купцу или нѣтъ—сказать не могу; по всему вѣроятію не далъ, а ограничился только однимъ адресомъ. Депутація ходила по Петербургу день, два, проходила цѣлую недѣлю, но по адресу, данному Изюмниковымъ, купца во всемъ Петербургѣ не оказалось. Ходили и въ адресную контору, но и тамъ его не значилось. Съ тѣмъ и пріѣхали обратно на Уралъ.

Протекло это лѣто, наступила зима. Въ декабрѣ мѣсяцѣ поѣхали опять на багренное рыболовство; окончили первый день багренья, обратились въ г. Уральскъ. Когда мы ѣхали по большой Михайловской улицѣ, къ счастью нашему навстрѣчу попался Изюмниковъ. Отецъ мой остановилъ его и попросилъ, чтобы онъ сѣлъ къ намъ въ сани. Изюмниковъ сѣлъ. Мы ему передали, что депутація ѣздила въ Петербургъ и по его адресу не могла найти купца.

— „Объ этомъ я слыхалъ—отвѣтилъ онъ,—удивляюсь что такое! Я ему посылалъ въ презентъ осетра и вчера получилъ отъ него письмо съ благодарностью за гостинецъ".

— „Я къ вамъ побываю",—сказалъ мой отецъ,—„вы его, пожалуйста, мнѣ прочитайте".

— „Съ удовольствіемъ. Приходите не раньше, какъ часовъ въ 5 вечера". Затѣмъ онъ пошелъ домой. Къ вечеру отецъ отправился къ Изюмникову и засталъ его дома. Съ первыхъ же словъ Изюмниковъ досталъ изъ сундука письмо и огово-

рился, что конвертъ затерялъ; да, впрочемъ, что намъ конвертъ, когда письмо у насъ въ рукахъ. Началъ читать письмо; въ первой строкѣ упоминаетъ свое имя отчество, затѣмъ прочитываетъ благодарность за осетра. Прочиталъ до конца, положилъ письмо на столъ, а отецъ мой протянулъ руку и взялъ его. „Вы ужъ, пожалуйста, письмо уступите мнѣ на время“, а самъ кладетъ его въ карманъ. Изюмникову отдавать письмо вѣроятно не хотѣлось и отказать не съумѣлъ, да притомъ письмо уже лежало у отца въ карманѣ.

— „Ладно, говоритъ, возьмите, только не затеряйте, какъ только прочитаете его въ Раннихъ, пришлите мнѣ обратно“.

— „Сохранимъ какъ зеницу ока“,—отвѣтилъ мой отецъ.

Когда пріѣхали въ Ранніе, въ первый же праздничный день собрались въ дому у казака Ивана Кондратьевича Малоземова и прочитали письмо. У старшаго сына Малоземова, Григорія Ивановича, сохранилось письмо, раньше писанное Изюмниковымъ своеручно. Иванъ Кондратьевичъ приказалъ сыну принести письмо и, когда сличили его съ письмомъ купца, то оказалось на дѣлѣ, что письма чертила одна рука. Этимъ ясно и открылось ложное показаніе.

Что же заставляло его врать? Ничѣмъ онъ отъ этого воспользоваться не могъ, а людей заставилъ безпокоиться, принять немало трудовъ и ущербъ денегъ. Метнулъ человѣкъ неосторожно языкомъ, а слово, какъ говоритъ пословица, не воробей: вылетитъ не поймаешь!

Подобно этому могло случиться и съ Аркадіемъ: налѣзло ему на разумъ (когда онъ былъ молодъ) выдать себя за архіепископа, подъ названіемъ Бѣловодскаго, и уже затянулся навсегда.

30 іюля, въ 6 час. утра мы снялись съ пристани Сайгона. На пути настигла насъ погода вѣтренная, шумъ морскихъ волнъ, стоны людей. Воздухъ въ каютахъ сперся—голова кажется съ плечъ катилась. Открыть окна для освѣженія воздуха было невозможно. Волны ударяли въ стѣны и плескали на палубу парохода. Трое сутокъ лежалъ я, не ѣлъ хлѣба и не пилъ воды.

X.

Гонгъ-Конгъ. — Бѣлая вода въ морѣ и новыя гаданія о Бѣловодіи. — Рѣка Кіанга (Янъ-тсе-Кіангъ) и китайскій городъ Шанхай. — Чайныя плантаціи. — Приготовленіе чая. — Грязные топтальщики. — Вѣрованія китайцевъ: многобожіе. — Жертва (поддѣльныя деньги). — Сѣченіе боговъ. — Десять заповѣдей. — Праздникъ Дракона. — Нравы. — Разсказъ казака Плюснина о китайцахъ-христіанахъ. — Албазинцы (окитаившіеся казаки). — Посѣщеніе русскаго консульства и разспросы. — Русскихъ церквей на китайскихъ островахъ нѣтъ.—Переѣздъ въ Японію.—Городъ Нагасаки. — Посѣщеніе Нагасакскаго консульства и разговоръ въ русскомъ пароходномъ агентствѣ.—На японскихъ островахъ старинныхъ русскихъ церквей нѣтъ.—О японцахъ.

2 августа, въ 10 ч. утра бросили якорь на пристани у гор. Іонкона *) (колонія англійская). Въ Іонконѣ народъ тотъ же, какъ и въ Сайгонѣ: индокитайцы и малайцы. Ходили мы въ разныя европейскія консульства, спрашивали о русскихъ людяхъ и о прочихъ христіанскаго исповѣданія: получали отвѣтъ, что нѣтъ ни русскихъ, ни вообще православныхъ христіанъ.

На берегу моря, на крутой возвышенности, устраивается англичанами крѣпость. Съ морской пристани на круто-высокую гору положены рельсы, по которымъ тихо двигаются вагоны съ тягостью матеріаловъ на возвышенность горы. На горѣ подъ закрытіемъ утверждена машина, которая работаетъ и посредствомъ ремня поднимаетъ по рельсамъ вагоны. Порожніе вагоны утверждены на другомъ концѣ того же ремня и спускаются по другимъ рельсамъ на морскую пристань.

3 августа выѣхали изъ Іонкона, а 4 замѣтили мы, что цвѣтъ морской воды измѣнился: во всѣхъ моряхъ вода темнаго цвѣта, но прозрачная, тутъ же цвѣтъ морской воды бѣлый и непрозрачный. „Не эта ли самая мѣстность называется Бѣловодіей?“—говорили мы между собой,—„такъ какъ вода совсѣмъ отъ прочихъ водъ отмѣнная,—бѣлая на большое пространство?“—„Почему здѣсь морская вода бѣлая?“—спросили мы.—„Эта вода проникаетъ отъ великой рѣки Кіанга“,—отвѣтили намъ. Мы опять стали спраши-

*) Іонкономъ авторъ, по созвучію называетъ, очевидно, Гонгъ-Конгъ, небольшой островъ у вост. берега Китая, съ гл. городомъ Викторіей.

вать о русскихъ и прочихъ православныхъ христіанахъ, но получили также въ отвѣтъ: нѣтъ здѣсь ни православныхъ христіанъ, ни русскихъ людей.

5 августа, въ 2 часа пополудни поднялись великой рѣкой Кіангой къ г. Шанхаю.

Шанхай и Ханьковъ (Хань-Коу) имѣетъ знаменитыя чайныя плантаціи, въ которыхъ отдѣльно имѣются европейскія постройки; въ нихъ живутъ приказчики знаменитыхъ купцовъ, которые приготовляютъ и отсылаютъ въ Европу чай. Вотъ какъ приготовляютъ владѣльцы плантацій черный чай у себя дома: чай, принесенный въ корзинахъ, разсыпается на цыновкахъ, приблизительно три сажени длиною и 1½ ширины. Ему даютъ подвянуть на солнцѣ; разсыпка и сушка продолжается вмѣстѣ 1 часъ 10 минутъ. При этомъ вѣсъ листьевъ уменьшается наполовину. Затѣмъ чай собирается въ кучи, и его сбиваютъ въ комья въ ½ арш. по окружности. Комья эти кладутъ на доски съ перилами. Рабочіе, держась за перила, начинаютъ мять чайные комья ногами. Обыкновенно двое рабочихъ становятся вмѣстѣ и топчутъ чай изо всѣхъ силъ, такъ что изъ него течетъ зеленый липкій сокъ, смачивающій всю массу и текущій ручьемъ въ сторону.

Трудно представить себѣ занятіе болѣе неэстетичное (sic): грязные китайцы, обнаженные, мокрые отъ пота, покрытые сыпями, лишаями или другими накожными, даже иной разъ сифилитическаго характера, болѣзнями. Грязными ногами, покрытыми черной корою, мнутъ они зеленую, мокрую массу; съ самихъ китайцевъ отъ теплаго климата и отъ прилежной работы ручьями льется потъ, начиная отъ ихъ ушей и до самыхъ пятъ. Около ½ часа они мнутъ эту сочную массу, чтобы затѣмъ опять разсыпать ее на цыновки и сушить на солнцѣ. При такой сушкѣ чай чернѣетъ и пріобрѣтаетъ запахъ сѣна; зеленоватыми остаются только самые крупные, грубые листья. Сушка кончилась; листья опять собрали въ кучу, всунули въ плетеный изъ бамбуковыхъ листьевъ кувшинъ, покрытый тряпкой, и оставляютъ на солнцѣ для броженія. Это продолжается часа два, послѣ чего чай становится уже совершенно чернымъ. Еслы бы въ чаю все еще остались теперь зеленыя листья, то это значило бы, что чай не перебродилъ. По окончаніи броженія листья еще разстилаютъ на солнцѣ, пока они не сдѣлаются совершенно сухими. Тогда „мао — чай“, готовъ. Вотъ и всѣ пресловутыя работы по приготовленію чая.

Между нашимъ народомъ распространенъ слухъ, будто бы китайцы при упаковкѣ чая въ коробья вопервыхъ приносятъ по своему жертву и окропляютъ чай змѣинымъ саломъ, послѣ чего

упаковываютъ въ ящики. Объ этомъ мы въ точности дознать не могли. Въ Ханьковѣ живутъ русскіе купцы, изъ коихъ одинъ, Семенъ Васильевичъ Литвиновъ, въ Китаѣ находится уже 22 года. Мы спрашивали его объ этой скверности, и Литвиновъ признаетъ это неправдой. Что же касается до обнаженныхъ работниковъ, съ льющимся по чернымъ ногамъ потомъ, попадающимъ въ чай, то объ этомъ и Литвиновъ подтверждаетъ.

Чайные сорта всѣ рѣшительно даетъ одинъ и тотъ же кустъ, различіе же зеленаго и чернаго чая зависитъ только отъ способовъ приготовленія. Въ продажѣ чаи носятъ разныя названія, при чемъ наши русскія названія измышляются уже въ Россіи.

Сѣмена чайныя однѣ и тѣ же; разница бываетъ въ почвѣ земли и времени уборки. Цвѣточный чай обирается (цвѣтъ) съ куста, пока не образовались листья. Чѣмъ раньше обираютъ листья, тѣмъ лучше бываетъ чай, зато вѣсомъ его получается меньше.

По религіознымъ вѣрованіямъ китайцы буддисты; религія ихъ признаетъ сотни боговъ.

Китайскіе боги—это тѣ же люди, но живущіе въ загробномъ мірѣ, люди со всѣми достоинствами и недостатками. Китайцы говорятъ, что здѣсь не люди созданы по подобію божію, но боги—по образу и по подобію людей. Въ губернскихъ городахъ Китая есть храмы богу солнца, Небу, Землѣ, но простому народу до нихъ нѣтъ дѣла,—имъ служатъ чиновники. Боги простого народа это духи его отцовъ и дѣдовъ; въ загробномъ мірѣ они исполняютъ тѣ же должности, что и люди; ихъ можно подкупать и задабривать, имъ приносятъ въ жертву деньги (бумажки подъ видомъ денегъ), сожигая ихъ на блюдѣ. Деньги не настоящія, но китайцы вѣрятъ, что, сожженныя съ должными обрядами, въ загробномъ мірѣ эти деньги превратятся въ истинныя. Есть боги шпіоны, какъ и на землѣ,—гдѣ за дѣятельностью каждаго чиновника слѣдитъ шпіонъ. Каждый околодокъ имѣетъ такого бога, который доноситъ старшему богу обо всемъ происходящемъ.

Есть богъ, который управляетъ дождемъ. Когда бываютъ засухи, китайцы начинаютъ молиться и просить его, чтобы далъ дождя и влажности. Если въ продолжительное время просьба не ублаготворяется, тогда всходятъ къ нему въ кумирницу, берутъ бога за шею, вытаскиваютъ изъ кумирницы на площадь, сѣкутъ его плетьми и обратно втаскиваютъ въ кумирницу, но ставятъ его уже не на почетное мѣсто. Такъ стоитъ безъ призрѣнія, пока не будетъ дождя; послѣ дождя его снова становятъ на возвышенное мѣсто и жгутъ передъ нимъ хлопокъ, что-бы обратилъ на нихъ вниманіе.

Есть богъ и въ кухнѣ каждаго домохозяина, только кухонный богъ большой ябедникъ: онъ доноситъ обо всемъ, происходящемъ въ семьѣ. Каждый новый годъ, чтобы онъ не болталъ слишкомъ много, ему передъ отправленіемъ (?) ротъ замазываютъ кашей; послѣ новаго года кашу отмываютъ теплой водой, а когда нужно обратить на себя его вниманіе, передъ нимъ тоже жгутъ хлопокъ.

Невѣжественный и дикій, полный суевѣрія, деревенскій народъ соблюдаетъ всѣ эти церемоніи.

У китайцевъ есть десять заповѣдей, изъ коихъ только пять обязательны для мірянъ, пять же даны монахамъ. Гласятъ онѣ слѣдующее: 1) не убивай, 2) не воруй, 3) не прелюбодѣйствуй, 4) не лги, 5) не пей крѣпкихъ напитковъ, 6) не ѣшь ничего внѣ установленныхъ сроковъ, 7) не употребляй украшеній и духовъ, 8) не садись на высокія сѣдалища, 9) не танцуй, не пой, не играй и не ходи на зрѣлища, 10) не давай въ долгъ и не бери ни золота, ни сребра.

Главными праздниками въ Китаѣ считаются первые три дня новаго года. Одинъ или два дня весною, когда почитаютъ могилы предковъ, дни солнцестояній и великій праздникъ дракона (змія).

Драконъ по китайскому убѣжденію — самый злѣйшій каратель; проживаетъ онъ въ землѣ, поэтому китайцы строго запрещаютъ раскапывать землю. Въ китайскихъ предѣлахъ много земляного угля и золота, но разрабатывать его правительствомъ запрещено. Китайцы говорятъ, что, если допустить разработку золота и угля, то драконъ сильно обидится и въ ярости будетъ неумолимъ: пошлетъ на людей злѣйшихъ духовъ, будутъ давить народъ и уязвлять всякими болѣзнями.

Во время праздника дракона, празднуемаго по всему Китаю, устраиваются на рѣкахъ гонки въ особыхъ узкихъ лодкахъ. Масса женщинъ и дѣтей усѣиваютъ берега рѣкъ. Затѣмъ устраиваютъ изъ бумаги великаго Дракона. Во время ночи внутри дракона утверждаются огни, и носятъ его на носилкахъ съ почестью по всѣмъ улицамъ.

Китайцы ѣдятъ всякихъ скверныхъ животныхъ: собакъ, кошекъ, крысъ, карбышовъ (?), даже и червей. Ложекъ не имѣютъ, вмѣсто ложекъ употребляютъ палочки; пищу варятъ не соленую, хлѣба пекутъ прѣсные.

Разсказывалъ мнѣ забайкальскій казакъ Леонтій Плюснинъ, ѣхавшій вмѣстѣ съ нами изъ Китая: „Я сотеннымъ командиромъ, говорилъ Плюснинъ, препровожденъ былъ по статьѣ въ Пекинъ, съ цѣлью проѣхать вмѣстѣ съ почтою проселочной дорогой черезъ Китайскую имперію по песчаной пустынѣ Гоби (Шамо) въ Россію.

Задержанъ въ Пекинѣ былъ на 15 дней, въ теченіи которыхъ я находился у казаковъ, служившихъ при чиновникахъ русскаго посольства. Познакомился съ выкрещенными китайцами (выкрещенныхъ называю я китайцами, потому что различить ихъ отъ китайцевъ невозможно, такъ какъ они принимаютъ христіанскую религію съ условіемъ—носить имъ косу, китайскую одежду и не воспрещать ѣсть китайскую лакомую пищу; лакомство у китайцевъ: кошка, собака). Съ трудомъ признаешь, когда онъ взойдетъ въ христіанскую церковь, что онъ христіанинъ (въ Пекинѣ есть православная церковь, священникъ, дьяконъ и дьячекъ). Вотъ я ходилъ на домъ къ одному знакомцу; раза три приводилось мнѣ у него обѣдать. Въ одно прекрасное время пришлось мнѣ взойти къ нему въ чуланъ, въ которомъ висѣло телячье мясо; отъ мяса запахъ былъ довольно отвратительный; подъ мясомъ стоялъ ушатъ съ водой. Съ мяса падали въ ушатъ крупные черви. „Для чего ушатъ съ водой поставили подъ мясо?“—спросилъ я.—„Эй, Лёвка! черви самая лакомая наша пища“,—отвѣтилъ хозяинъ. Вышелъ я у него съ двора. Не накормилъ ли меня такими червями?—подумалъ себѣ. Сдѣлалась со мной тошнота и меня вырвало, послѣ чего пересталъ я уже обѣдать у знакомца. И другой случай былъ,—продолжалъ Плюснинъ.—Казаки убили блуднюю собаку и велѣли повару изъ выкрещенныхъ отнести ее въ оврагъ. Въ этотъ же день случайно пришлось казакамъ взойти къ повару на кухню и что казаки увидали? У повара въ особомъ котлѣ варилась убитая ими собака. — „Что ты дѣлаешь, негодяй!“ — закричали казаки,—„или псиной насъ хочешь накормить?“—„Нѣтъ, мы ее сами ѣсть будемъ“,—отвѣтилъ поваръ. Казаки подняли таганную ножку и вылили изъ котла варившуюся псину.

Въ Китаѣ есть плѣнные изъ русскихъ, подъ названіемъ албазинцы. Отъ Благовѣщенска сотъ на шесть верстъ, вверхъ по рѣкѣ Амуру, съ правой стороны впадаетъ въ Амуръ рѣка Албазиха. На устьѣ Албазихи была казачья крѣпость, подъ названіемъ Албазинъ*). Вольные казаки боролись съ китайцами за обладаніе побережьемъ рѣки Амура, и при этомъ сотъ до двухъ казаковъ попало въ плѣнъ китайцамъ въ 1685 году, а спустя довольно времени китайцы многочисленнымъ войскомъ осадили казачью крѣпость Албазинъ. Жителямъ Албазина дозволили выйти въ Нерчинскъ, но при этомъ до 25 семей, по ихъ согласію, увели въ Китай. Китайское правительство поселило всѣхъ русскихъ, подъ именемъ русской сотни, на окраинѣ Пекина, и для совершенія богослуженія уступило имъ одинъ языческій храмъ. Въ

*) Казачья станица Албазинъ существуетъ и теперь.

русской сотнѣ былъ одинъ священникъ, именемъ Максимъ, который языческій храмъ освятилъ на церковь, гдѣ и совершали богослуженіе. Спустя много лѣтъ, въ 1695 г., Игнатій, митрополитъ тобольскій, отправилъ въ Пекинъ русскимъ: антиминсъ, миро, богослужебныя книги и утварь. Спустя немного времени священникъ Максимъ умеръ, русскіе оставались безъ священника около десяти лѣтъ. Крещеніе дѣтямъ совершали простолюдины, браки совершались безъ вѣнчанія, съ однимъ только благословеніемъ родителей, исповѣдь дѣлали при крайнемъ времени въ услышаніе всѣмъ или вздыханіемъ изъ глубины сердца и горькими слезами каялись передъ образомъ Божіимъ. Къ прискорбію ихнему, китайцы, видя ихъ печальное положеніе, стали увѣщевать ихъ въ буддійскую религію, отчего русскіе возмутились и потребовали отъ китайскаго правительства, чтобы вытребовали для нихъ изъ Россіи священника. Китайцы, подозрѣвая возмутителей, осудили немногихъ къ казни и до пятидесяти болѣе бунтовавшихъ высланы въ Кульджу. Наконецъ всетаки китайскій императоръ, черезъ русскаго торговца Худякова и своего посла Одагоду, просилъ сибирскаго губернатора, князя Гагарина, прислать въ Китай искуснаго учителя для русскихъ христіанъ. Князь Гагаринъ, по совѣщанію съ митрополитомъ тобольскимъ, отправилъ туда якутскаго архимандрита съ священникомъ, дьякономъ и семью пѣвчими и служителями.

Въ настоящее время албазинцы хотя носятъ имя христіанъ, но физіономіями сущіе китайцы: всегда раскрытые зубы, длинноширокіе рукава, прихлюпнутый, широкій носъ, длинная коса. Рѣдкій изъ нихъ немного знаетъ порусски говорить.

Что же было съ высланными въ Кульджу? Долго они страдали, находились безъ священника, но наконецъ проникли къ нимъ католическіе миссіонеры, которые обратили, по ихъ незнанію, что есть между православными и католиками несогласіе въ догматахъ, албазинцевъ въ католичество и ввели богослуженіе на китайскомъ языкѣ, ставшемъ роднымъ для этихъ русскихъ.

Въ 1871 году русскія войска заняли городъ и область Кульджу. При этомъ въ Кульджѣ оказалось до ста христіанъ обоего пола, имѣвшихъ домовую церковь и священника католическаго (послѣдній не задолго передъ тѣмъ скрылся или погибъ въ междуусобіи). Кульджинскіе христіане суть потомки русскихъ, сосланныхъ два вѣка тому назадъ изъ Пекина.

Къ сожалѣнію, присланный томскимъ архіереемъ, къ епархіи коего относилась на первыхъ порахъ и Кульджа, первый православный священникъ для новыхъ поселенцевъ русскихъ, по своему незнанію китайскаго языка и другимъ причинамъ, не могъ найти къ себѣ сочувствія отъ бывшихъ русскихъ.

Лѣтъ 12 тому назадъ товарищъ нашъ, Барышниковъ въ числѣ троихъ былъ въ Кульджѣ и видѣлъ старые признаки христіанства. Не мало удивлялись они, что мѣстность эта принадлежала идолопоклонникамъ, а между тѣмъ тутъ встрѣчались несомнѣнные признаки христіанскихъ людей.

Въ Шанхаѣ опять сами извозчики запрягаются въ легкіе двухъ-колесные экипажи. Надо было явиться къ русскому консулу.—„Зачѣмъ вы пріѣхали?"—спросилъ насъ секретарь.—„Мы разыскиваемъ по островамъ русскій народъ. Нѣтъ ли здѣсь по слухамъ русскихъ?" — „Нѣтъ, я даже и не слыхалъ, чтобы въ этой странѣ находились на какомъ нибудь островѣ русскіе люди. А на что же вамъ ихъ?"

— „По распространившимся рукописнымъ маршрутамъ, будто-бы давно вышедшіе изъ Россіи русскій народъ съ духовенствомъ находятся понынѣ на восточныхъ островахъ, сохраняютъ древнее благочестіе. Лѣтъ 35 тому назадъ явился въ Россіи человѣкъ, который выдалъ себя въ чинѣ архіепископа подъ названіемъ Бѣловодскаго, принялъ-де хиротонію отъ патріарха на восточномъ Индо-китайскомъ полуоствовѣ, въ Канбайскомъ царствѣ, въ г. Левекѣ. Мы достигли этого полуострова, ѣздили и по Камбоджѣ, но города Левека тамъ не оказалось.

— „Вотъ гдѣ есть старая вѣра, занесенная уральскими казаками (сказалъ намъ секретарь),—въ Сибири, въ одномъ мѣстѣ ихъ до 40 человѣкъ. Есть ли при нихъ духовенство—не знаю. Я съ своей стороны предлагаю вамъ ѣхать къ нимъ, а здѣсь хоть не ищите и деньги напрасно не тратьте: рукописанные при васъ маршруты — это ложь, а явившійся архіепископъ, выдавшій себя за Бѣловодскаго, будетъ мошенникъ и обирало. Здѣсь мѣстные жители, какъ на полустровѣ, и на островахъ—идолопоклонники буддисты."

6-го августа, въ 9 часовъ утра, снялись мы съ пристани Шанхая и направились въ Японію.

7-го августа, въ 6 час. вечера, пріѣхали въ Японскую имперію, въ г. Нагасаки, помѣстились въ гостинницѣ у одного еврея, выѣхавшаго изъ Румыніи и твердо знающаго русскій языкъ.

8-го августа, въ 9 час. утра, вышли на площадь, сѣли на извощика (извощики и здѣсь на себѣ возятъ) и направились въ русское консульство.

Въ правленіи консула и секретаря не было, и находился только одинъ писарь изъ японцевъ, хорошо знаетъ говорить по-русски. Спросили мы его о консулѣ и секретарѣ. „Консулъ уѣхалъ на другой островъ, а секретарь черезъ полчаса придетъ въ правленіе",—отвѣтилъ намъ писарь. Послѣ этого спросили мы и у

него: „Есть ли христіане на островахъ Японіи, давно зашедшіе русскіе люди?“

— „Нѣтъ, есть выкрещенные изъ японцевъ католическаго исповѣданія, а не совсѣмъ давно много выкрестилось въ православное вѣроисповѣданіе. Но о русскихъ, давно зашедшихъ, я не слыхалъ“.

Къ этимъ словамъ взошелъ секретарь.—„Вѣроятно русскіе?“ сказалъ онъ.—„Да, ваще благородіе“.—„На какомъ пароходѣ пріѣхали?“—„На французскомъ“.—„Далеко ли путешествуете?“—„Мы проѣхали уже мѣстностей много, а чего намъ нужно найти не можемъ. Разыскиваемъ русскихъ людей, вышедшихъ изъ Россіи ста два и болѣе лѣтъ тому назадъ, кои будто бы теперь проживаютъ на островахъ Филиппинскихъ и Сандвичевыхъ“.—„На Сандвичевыхъ островахъ—сказалъ секретарь,—народъ поселился изъ евреевъ. Впрочемъ, года три тому назадъ, русскіе поѣхали на эти острова съ цѣлью откупать земли и селиться тамъ. Только при нихъ духовенства нѣтъ. И на Японскихъ островахъ русскихъ нѣтъ. Лѣтъ 35 тому назадъ пріѣхалъ въ Японію молодой священникъ, по имени Николай, который въ теченіи двухъ-трехъ лѣтъ твердо выучился по-японски говорить, послѣ чего сталъ между японцевъ проповѣдывать евангеліе. И вотъ, въ настоящее время (онъ?), уже епископомъ; изъ японцевъ приняли православіе до 25 тысячъ душъ обоего пола. Католическая миссія въ Японію проникла много раньше и обратила въ католичество до 50 тысячъ душъ. Слыхалъ я: въ одномъ мѣстѣ Сибири занесли уральскіе казаки старую вѣру; есть ли при нихъ попы или нѣтъ—не знаю“.

Съ тѣмъ мы вышли изъ русскаго консульства.

Того же числа ходили мы въ агентство русской компаніи спросить, когда прибудетъ пароходъ „Херсонъ“. Агентъ отвѣтилъ: „Вамъ соврали, что скоро прибудетъ сюда „Херсонъ“. Я за двое сутокъ получу телеграмму, поэтому придется ожидать. Ступайте въ иностранные агентства, тамъ уѣдете скорѣе“.

На другой день поѣхалъ я на извозчикѣ въ англійское агентство спросить, не пойдутъ ли какіе пароходы изъ Японіи во Владивостокъ. Въ агентствѣ мнѣ сказали, что пароходъ отходитъ черезъ два часа, билетъ до Владивостока стоитъ 40 руб. (съ троихъ 120 р.). Завтра пойдетъ иной пароходъ, билетъ будетъ стоить 7 руб.; на немъ ѣзды до Владивостока 5—6 сутокъ, а отходящій сегодня въ двое сутокъ будетъ уже во Владивостокѣ. И съ тѣмъ обратился я въ гостинницу; въ это время съ морской пристани пришелъ Максимычевъ.

— „Я видѣлъ въ гавани флагъ русскаго парохода“,—сказалъ Максимычевъ. Немедленно пошли мы въ русское добровольное агентство купить на проѣздъ до Владивостока билеты. Агентъ

принялъ насъ и занялся съ нами довольно продолжительнымъ разговоромъ.

— „Удивляюсь, говорилъ агентъ:—вчера въ бухту пришелъ русскій пароходъ, а сегодня я получилъ о пароходѣ телеграмму, которая должна бы получиться мною впередъ за двое сутокъ“.

Спросили мы у агента: „Нѣтъ ли на островахъ Японіи, Филиппинскихъ и Сандвичевыхъ русскаго народа?“ — „Нѣтъ, откуда они сюда угодятъ?“—говорилъ агентъ.—„Впрочемъ, года два три тому назадъ, поѣхали русскіе на Сандвичевы острова, въ предметъ—купить тамъ себѣ мѣсто и поселиться. Только, я думаю, они тамъ всѣ пропадутъ: климатъ очень жаркій. Русскому человѣку тамъ не житье“.

Мы разсказали ему о рукописныхъ маршрутахъ подъ именемъ инока Марка, и о вновь явившемся архіепископѣ Аркадіи Бѣловодскомъ. Выслушавъ насъ, онъ сказалъ: „Боже! какія сказки! Можно ли вѣрить такимъ баснословіямъ? Здѣсь, на островахъ не только быть церквамъ старовѣрческимъ, но даже одной семьи старовѣцевъ не слыхать. Если бы были на днѣ моря,—и тамъ были бы извѣстны: европейцы не оставили ни одного пятна земли на Окіянѣ-морѣ, чтобы (было) неизвѣстно. Даже дно моря измѣрено и измѣряется, знаютъ, гдѣ есть подводные камни, косы и подводныя зыби“.

Затѣмъ выдалъ пароходные билеты, за которые уплатили ему по 13 рублей за билетъ. Мы поблагодарили его за разъясненіе о всѣхъ народахъ, находящихся на островахъ.

Японцы невысокаго роста, плотнаго тѣлосложенія, гладкостриженая голова, бѣлые незастегнутые пиджаки надѣваютъ на голое тѣло; на ногахъ деревянныя, тонко выдѣланныя колодки, (подвязанныя) съ помощью ремня. Идетъ по улицѣ, подъ ногами у него хлобыстаютъ колодки. Женщины также небольшого роста, замѣчательно убраныя гладко головы, ничѣмъ не покрытыя, на ногахъ носятъ такія же сандаліи, какъ и мужчины.

XI.

Отплытіе изъ Японіи. — Смерчъ. — Прибытіе во Владивостокъ. — Случай съ двумя офицерами. — Встрѣча съ казачьимъ офицеромъ оренбургскаго войска. — Гдѣ истинная вѣра? — Бѣдствующій отрядъ уральцевъ подъ Владивостокомъ. — Неудачное переселеніе и бунтъ. — Хабаровскъ. — Позднее разслѣдованіе о пригодности земель для поселенія. — Плаваніе по Амуру. — Китайскій городъ Айгунъ. — Благовѣщенскъ. — Разсказы о грабежахъ и убійствахъ. — Гилюй. — Хищники золота. — Какъ было бы лучше устроить золотую промышленность.

Въ 4 часа вечера разочлись мы съ хозяиномъ гостинницы, наняли двухъ японцевъ довести багажъ до пристани и взошли на русскій пароходъ. На пароходѣ японскіе таможенные осмотрѣли нашъ багажъ. Помѣстились мы въ третьемъ классѣ.

На пароходѣ препровождалось много переселенцевъ съ западныхъ губерній; донскіе и оренбургскіе казаки также слѣдовали въ Уссурійскій край на переселеніе, сотня забайкальскихъ казаковъ слѣдовала въ отпускъ изъ крѣпости Портъ-Артура.

11 числа въ 6 ч. утра „Херсонъ“ снялся съ пристани. Въ 3 часу вечера капитанъ парохода замѣтилъ, что быстро подвигался къ намъ смерчъ (водяной вихрь) и приказалъ машинисту, чтобы далъ ходъ на всѣ пары. Пароходъ бѣжалъ такъ быстро, что всѣмъ пассажирамъ быстрота хода была замѣтна, и такимъ ходомъ могли избавиться отъ грозящей гибели.

13 августа, въ 8 ч. утра, достигли мы Владивостокской гавани. Не, дойдя до берега на 300 саж., брошенъ былъ якорь. Съ берега къ пароходу пріѣхали на лодкахъ, въ числѣ прочихъ, двое оберъ-офицеровъ для встрѣчи своихъ женъ. Въ это время народъ на пароходѣ безъ исключенія выступилъ на палубу, и одинъ изъ офицеровъ (штабсъ-капитанъ), подъѣхавши плотно къ пароходу, спросилъ стоящую массу народа: „Нѣтъ-ли въ числѣ васъ такой-то госпожи?“ Что ему отвѣтили на вопросъ, я не слыхалъ, только увидалъ, что офицеръ заплакалъ, присѣлъ на колѣни, лицомъ приклонился въ лодку, на разостланный коверъ. Мы поняли такъ, что господинъ этотъ получилъ извѣстіе о смерти жены; наконецъ оказалось, что онъ увидалъ свою супругу и заплакалъ отъ радо-

сти. Другой господинъ разговаривалъ, сидя въ лодкѣ къ одному краю и смотрѣлъ на палубу. Закружилась у него голова или пошатнулась лодка, и офицеръ упалъ въ море одѣтый и сапоги на ногахъ. Съ трудомъ выкарабкался онъ изъ глубины, и къ счастію скоро подоспѣла къ нему лодка, и его ухватили за капишонъ. Его семейство, стоящее на палубѣ, увидали, когда онъ упалъ въ море внизъ головой. Жена схватилась руками за голову и упала безъ памяти, дѣти ревѣли во весь голосъ. Когда же утопавшаго вытащили въ лодку и увѣрили ихъ, что онъ живъ,—плачъ затихъ, отерши слезы, быстро смотрѣли въ лодку. Докторъ приказалъ ему ѣхать на берегъ.

Оренбургскаго казачьяго войска офицеръ, препровождавшій казаковъ на переселеніе въ Уссурійскій край, сказалъ намъ: „Я васъ видалъ, кажется, въ Портъ-Саидѣ, когда вы приходили на пароходъ и просились у капитана. Навѣрно вы истинную вѣру ищете? Да, Россія приняла христіанскую вѣру отъ грековъ, а видали вы, какъ греки истинную вѣру растрепали?“—„Видали“, отвѣтили мы.—„Истинная, правая вѣра осталась только тамъ“— указалъ рукой къ небу. — „По всему такъ, ваше благородіе“, отвѣтили мы.

Въ 10 ч. утра сошли съ парохода на берегъ, на вокзалѣ желѣзной дороги оставили багажъ, затѣмъ пошли дознать о добровольцахъ (уральскихъ казакахъ), которые служатъ на охранныхъ постахъ желѣзной дороги. Недалеко отъ г. Владивостока, на возвышенномъ мѣстѣ, виднѣлись густо разставленныя палатки.

— „Кто въ этомъ лагерѣ находится?“—спросили мы идущаго солдата.

— „Это казаки переселенцы“,—отвѣтилъ солдатъ. Пришли мы къ переселенцамъ, которые, изъ донскихъ и оренбургскихъ казаковъ, раньше, года 2—3 тому назадъ, вызвались охотниками на переселеніе въ Уссурійскій край, получили отъ правительства по 600 рублей ссудныхъ денегъ на обзаведеніе хозяйствомъ на новыхъ мѣстахъ. По дороговизнѣ въ тѣхъ мѣстахъ скотины и всѣхъ продуктовъ, казаки въ скоромъ времени истратили полученныя деньги, не могли обзавестись добрымъ хозяйствомъ, рѣшились покинуть мѣста своихъ поселеній и съ семьями пришли во Владивостокъ, а теперь ходатайствуютъ, чтобы возвратиться имъ въ войсковыя свои области. Правительство съ новаго поселенія ихъ не отпускаетъ, требуютъ съ нихъ, чтобы уплатили обратно по 600 рублей, взятыя ими на ссуду. Казаки, не имѣя средствъ къ пропитанію, обносились до наготы; въ лѣтнихъ худыхъ палаткахъ проживаютъ на возвышенномъ мѣстѣ. Подкатила зима, затрещалъ морозъ, захрустѣлъ снѣгъ, одежды на нихъ

нѣтъ—хоть ложись да умирай. Правительство распорядилось дать имъ теплое помѣщеніе, отвели имъ казармы, въ которыхъ они жили только два мѣсяца зимы. Генералъ Духовской распорядился выгнать ихъ изъ казармъ на поля. Жителямъ г. Владивостока воспретили пускать ихъ на квартиры, даже съ угрозами: кто впуститъ на квартиру переселенцевъ (казаковъ), хотя бы на одну ночь переночевать, того подвергнуть штрафу до 50 рублей. Теперь бѣдные (когда приходили мы къ нимъ) находятся безъ всякихъ промысловыхъ занятій, въ ветхихъ палаткахъ, иные не имѣютъ никакой кровли, подъ открытымъ небомъ съ грудными дѣтьми и восьмидесяти лѣтъ стариками. Нудятся подать на Высочайшее имя просьбу, но посланныя отъ нихъ прошенія и телеграммы приказано пріостанавливать и не пускать въ ходъ до Петербурга. Что подѣлаютъ съ ними?...

Того же числа, въ 4 ч. вечера, на поѣздѣ желѣзной дороги, уѣхали мы въ Хабаровскъ. На пути видали своихъ казаковъ (добровольцевъ), находящихся на постахъ по 4—5 человѣкъ. Изъ Владивостока до Хабаровска дорога проложена сначала по склонамъ горъ, дальше трясинами, съ густымъ, разной породы лѣсомъ, наполненнымъ звѣрями.

15 августа, въ 8 ч. утра, пріѣхали на вокзалъ г. Хабаровска. Въ это время посланы были изъ казачьихъ войскъ донскіе, кубанскіе, оренбургскіе и уральскіе казаки для разсмотрѣнія Уссурійскаго края, касательно переселенія. Вѣроятно (къ этому) побудили взбунтовавшіеся прежде заселенные казаки, которые не захотѣли жить на мѣстахъ своего поселенія. Спросили мы: „гдѣ находятся развѣдчики земель?“—„Въ пересыльныхъ казармахъ“. Мы подрядили ломового извозчика до казармъ и пріѣхали къ своимъ станичникамъ; ходили на базаръ, купили хлѣба и говядины (хлѣбъ 10—12 к. фунтъ, говядина 18—20 к.).

Въ 12 ч. дня купили пароходные билеты до Благовѣщенска. Въ 1 часу снялись съ пристани и поѣхали вверхъ по рѣкѣ Амуру. Выше Хабаровска на разстояніи двухъ верстъ, съ правой стороны въ Амуръ впадаетъ рѣка Уссури, которой дѣлится граница русская отъ китайской.

Рѣка Амуръ широкая, отъ устья вверхъ на 1200 верстъ, подобна Волгѣ; на ней имѣется много небольшихъ островов. Выше же Амуръ прошелъ между скалистыхъ высокихъ горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ: дубъ, сосна, осина, пихта, кедровникъ, ильма, липа черная и бѣлая береза, пробковое (дерево) и проч., которые тянутся по высокимъ берегамъ Амура. Горы эти на разстояніи 150 верстъ, между которыхъ Амуръ въ ширину совсѣмъ уничтожился, не шире двухсотъ сажень.

Выше Хабаровска 250 в. впадаетъ въ Амуръ съ правой стороны рѣка Сунгари, по которой ходятъ пароходы. По ней разбросаны добровольческіе посты для охраны. Пройдя эти горы, Амуръ снова виднѣется обширный. Правая сторона рѣки Амура тутъ принадлежитъ Манджуріи.

Недалеко отъ рѣки по мѣстамъ открыты манджурами золотые пріиски, къ которымъ манзы русскій народъ не допускаютъ къ разработкамъ; китайцы же допущены къ пріискамъ въ русскихъ предѣлахъ. Китайцу довѣряютъ болѣе, чѣмъ русскому человѣку, вслѣдствіе чего съ пріисковъ большая часть золота переходитъ въ Китай, нежели къ намъ въ Россію.

22 августа доѣхали до китайскаго города Айгуна (изъ котораго впослѣдствіи, въ 1900 г. китайцы бомбардировали г. Благовѣщенскъ, въ 35 верст. ниже Благовѣщенска). Въ Айгунѣ всегда находится китайское войско. Народонаселенія 20 тысячъ съ небольшимъ.

На лѣвомъ берегу Амура раскиданы амурскихъ казаковъ небольшіе поселки. Бѣдныя постройки, большая дороговизна на хлѣбъ и говядину.

Того же числа, въ 2 часа пополудни пріѣхали въ г. Благовѣщенскъ, наняли извощика и поѣхали въ гостинницу, въ которой не оказалось свободнаго номера. Извощики повезли насъ въ другую гостинницу, въ ней также свободной комнаты не оказалось. Наконецъ привезли насъ уже не въ гостинницу, но въ домъ, для этого приготовленный. Я вошелъ въ домъ узнать, есть ли свободная комната. Мнѣ указали комнату, въ которой одна половина была занята и перегорожена японской ширмой. Свободнаго мѣста (оставалась) квадратная сажень, на которой стоялъ маленькій столъ и одинъ стулъ.

— „Что стоитъ за сутки съ каждаго человѣка?“—спросилъ я.—„Два рубля 50 коп“—отвѣтила содержательница. Вышелъ я и объяснилъ товарищамъ о тѣснотѣ комнаты и дороговизнѣ, словно заграницей.—„Не на площади ночевать!“—отвѣтили мнѣ товарищи. Помѣстились въ этой комнатѣ, въ ожиданіи попутнаго парохода.

Г. Благовѣщенскъ построенъ на мысѣ между двухъ рѣкъ: Амура и Зеи. Постройка за послѣдніе 10 лѣтъ чисто и роскошно оправилась. По разсказамъ временно проживающихъ лицъ, а также одного полицейскаго, жители многіе обогатились случайно: люди, работающіе на золотыхъ пріискахъ, нерѣдко находятъ куски самородки, которые скрываютъ при себѣ и уходятъ съ пріисковъ въ г. Благовѣщенскъ погулять. Тутъ за ними слѣдятъ: пришли несвоевременно съ пріисковъ и роскошно гуляютъ, вѣроятно много золота принесли, думаетъ злодѣй. Напоитъ странника допьяна, оберетъ, что есть при немъ, а не то укладетъ на-

всегда,—на это у тамошняго народа рука не дрогнетъ и совѣсть не зазритъ. Въ дальней Сибири есть поговорка: десять бѣлокъ поймать всего три рубля, а человѣка самаго бѣднаго успокоить (убить)—при немъ и на немъ окажется болѣе трехъ рублей.

Рѣка Зея впадаетъ въ Амуръ подъ Благовѣщенскомъ. По ней ходятъ пароходы кверху на 900 верстъ. Отъ устья Зеи на 260 верстъ выше, съ лѣвой стороны, впадаетъ рѣка Силимжа, по которой также ходятъ пароходы на 300 верстъ. Народонаселенія не имѣется, кромѣ золотыхъ пріисковъ. Отъ Благовѣщенска въ 700 верстахъ въ Зею впадаетъ рѣка Гилюй. Отъ ея устья въ 150 верстахъ (такъ) называемый „милліонный ключъ", гдѣ случайно въ 1896 г. найдено хищниками золото, къ которому набралось ихъ болѣе 3000 человѣкъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ выработано ими болѣе ста пудовъ золота, послѣ чего правительство попросило ихъ уйти съ этого урочища,—съ цѣлью отобрать найденное ими золото. Хищники вооружились противъ правительства и продолжали разработку. Нѣкоторые догадались, что не выстоять имъ противъ власти, и съ большимъ количествомъ золота они тайно разошлись и передали добытое золото китайцамъ. Правительство вынуждено было употребить силу оружія и разбило на голову оставшихся хищниковъ, и найденное при нихъ золото было передано въ казну.

Если бы была вольная сдача въ казну каждымъ человѣкомъ найденнаго золота (говорятъ тамошній народъ), то и не могло тогда быть хищничества и передачи россійскаго золота въ Китай и Японію; съ Милліоннаго ключа добытое золото все было бы въ Россіи.

Золотые пріиски разрабатываются отъ богатыхъ людей, съ выправленіемъ документовъ. Хищники, въ свою очередь, шайками обогащаются, добытое золото сбываютъ за границу. Богатые люди, хотя и выправляютъ документы, но также нерѣдко передаютъ золото китайцамъ. Хищничество выходитъ оттого, что нѣтъ вблизи пріисковъ (правительственной) конторы для пріема золота, а по сдачѣ золота въ казну не скоро, черезъ 4—5 мѣсяцевъ получаются деньги. Богатый, истощивъ на рабочихъ свою казну, вынужденъ бываетъ проводить золото за границу: необходимо ему нужны деньги для расходовъ.

Когда устроены будутъ конторы въ недальнемъ разстояніи отъ золотыхъ пріисковъ и разрѣшатъ всякому человѣку, добывшему золото, безъ препятствія сдавать въ контору за извѣстную цѣну и (тутъ-же) не отходя, получать деньги, тогда въ Россіи вырабатываться будетъ золота двойное число.

XII.

Продолженіе плаванія по Амуру. — На пароходѣ „Графъ Игнатьевъ“. — На Чернѣевскомъ перекатѣ. — „Услуга господамъ“. — Плаваніе на „Бурлакѣ“. — Албазиха. — Слобода Покровская. — Усть-Кара. — Шилкинская крѣпость. — Встрѣча со ссыльнымъ уральцемъ. — На лошадяхъ въ Нерчинскъ. — Чита. — Верхнеудинскъ. — Байкалъ. — Удачное предсказаніе погоды. — Иркутскъ. — Ссыльные уральцы. — Красноярскъ. — Возвращеніе домой. — Переписка съ Константинопольскимъ патріархатомъ.

Въ Благовѣщенскѣ были мы двое сутокъ. *24-го августа,* въ 8 час. вечера, выѣхали изъ Благовѣщенска на почтовомъ пароходѣ „Графъ Игнатьевъ“. Въ числѣ пассажировъ были господа: генералъ-маіоръ Меликъ-Гайказовъ (кавказскій), генералъ Кобылинъ (прокуроръ Иркутской судебной цалаты), Кноррингъ (инженеръ Владивосточной жел. дороги), Ющенко, войсковый старшина Донского казачьяго войска (находится въ Владивостокѣ) и, кромѣ нихъ, были штабъ- и оберъ офицеры.

26-го августа, въ 5 час. вечера, подъѣхали къ бѣлымъ горючимъ горамъ, выше Благовѣщенска на 300 верстъ, на лѣвомъ берегу Амура; называются бѣлыми горючими горами, потому что постоянно горятъ. Горѣлая земля обваливается и падаетъ въ Амуръ.

28-го августа доѣхали до станицы Чернѣевой. Тутъ къ намъ на пароходъ присовокупили побилетныхъ солдатъ, нагрузили дровъ и пошли дальше на Чернѣевскій перекатъ (отъ поселка на разстояніи трехъ верстъ). На перекатѣ впереди насъ одинъ пароходъ силился пробраться черезъ мель (три фута глубины), но не могъ пробраться и далъ задній ходъ. Послѣ него на перекатъ вступилъ нашъ пароходъ, смѣло и осторожно сталъ двигаться впередъ и такъ пробрался до половины переката, нѣсколько разъ давалъ задній ходъ и снова полный ходъ впередъ. Наконецъ, пароходъ навалило на берегъ и поломало колесо. Дали задній ходъ и обратились въ Чернѣеву, гдѣ скопилось уже до десяти пароходовъ, которые пытались перескочить опасный Чернѣевскій перекатъ.

Черезъ двое сутокъ, два парохода, подъ названіемъ „Владиміръ Мономахъ“ и „Батракъ“ сняли съ пароходовъ довольно груза, оставивъ всего по 3000 пуд., и пароходы освободились, (поднявшись до осадки) въ $2^1/_2$ фута. Къ тому же отъ дождя на полфута прибыло въ Амурѣ воды (и пароходы) одинъ за другимъ, настойчиво пошли чрезъ перекатъ; канатомъ съ помощью пассажировъ и лебедки прошли перекатъ. Послѣ этого и остальные всѣ пароходы стали пытаться по одиночкѣ, но, какъ сидѣли грузно ($2^3/_4$ фута), къ тому же и вода уже сбывала въ Амурѣ, то пройти не могли. Нашъ пароходъ, исправивъ колесо, совался къ перекату дважды, но пройти не могъ.

Мы могли бы уѣхать на пароходѣ „Мономахъ“ или „Батракъ“, но насъ обнадежили чиновники: иной кто останется, а вы не останетесь,—съ собой васъ заберемъ.—„Я телеграфировалъ, говорилъ Кноррингъ, чтобы выслали инженерскій для меня пароходъ, на которомъ уѣдемъ. Именно: генералъ-прокуроръ съ секретаремъ, генералъ-маіоръ Меликъ-Гайказовъ съ семействомъ, два полковника, войсковой старшина и купецъ Литвиновъ (который проживалъ въ Китаѣ, въ г. Ханьковѣ 22 года на чайныхъ плантаціяхъ и съ нами выѣхалъ въ Россію).

Чиновникамъ мы услужили случайно. Въ одно прекрасное время, когда стояли всѣ пароходы въ Чернѣевской станицѣ, командиръ почтоваго парохода купилъ два осетра и приказалъ повару (китайцу) приготовить ихъ для кушанья. Поваръ разпласталъ осетровъ на берегу Амура, изъ коихъ одинъ оказался икряной. Поваръ потроха и икру бросилъ въ Амуръ. Барышниковъ увидалъ, сказалъ мнѣ. Я въ это время былъ на палубѣ, сбѣжалъ по сходнямъ на берегъ и спросилъ китайца: „Для чего бросилъ икру въ Амуръ?“—„Намъ ее не нужно“,—отвѣтилъ мнѣ поваръ. Бросился я въ холодный Амуръ, досталъ со дна икру и принесъ на пароходъ. Максимычева въ это время на пароходѣ не было, онъ былъ въ Чернѣевой. Когда онъ пришелъ на пароходъ, мы разсказали ему, какъ бросилъ поваръ икру въ Амуръ и какъ поспѣшили мы достать ее изъ воды.

Максимычевъ, способный на всѣ мастерскія художества: столяръ, плотникъ, слесарь и хорошій кузнецъ. — „Что же (сказалъ онъ) нужно икру устроить?“ — „Да дѣло за вами“, говорилъ я: — Барышниковъ увидалъ, я изъ воды досталъ, а вамъ очередь подготовить ее къ ужину“. Максимычевъ положилъ икру въ чашку и усмотрѣлъ, что икра начинала уже перемолошниваться; немедленно ее немного посолилъ, съ помощью ножей изготовилъ грохотку, а въ это время солью икра скрѣпилась.

Пропустили мы ее сквозь грохотки и подготовили. Вышла икра удачна, чего и не думали.

Когда генераламъ и чиновникамъ въ столовую принесли ужинъ, сѣли они за столъ. Мы принесли въ большой тарелкѣ икры и съ почтеніемъ просили ихъ закусить нашего издѣлія.

Генералы и чиновники привѣтливо и радостно благодарили насъ за дорогой для нихъ гостинецъ и спросили насъ: „Гдѣ вы эту икру взяли?“ — Мы разсказали, какъ поваръ бросилъ ее въ Амуръ и какъ мы достали со дна Амура. Господа закусывали икру и между себя говорили: „Человѣкъ бросилъ въ воду, призналъ ее неспособной. А вотъ люди изъ нея устроили замѣчательную закуску!“ А болѣе обратили вниманіе на то, что сами не ѣли, а догадались угостить людей совсѣмъ имъ незнакомыхъ. За ужиномъ господа выпивали и закусывали икрой и продолжали рѣчь о насъ и о всѣхъ уральскихъ казакахъ: „Это ихнее родное издѣліе. Да не въ томъ дѣло, что устроили изрядную закуску, а имѣютъ быструю смѣтливость, какъ сознакомиться съ каждымъ человѣкомъ. Какъ придетъ иженерскій пароходъ, заберемъ ихъ съ собой для охраны“.

На другой день погода была пріятная, и господа послѣ завтрака вышли изъ каюты на палубу разгуляться. Мы находились съ прочими пассажирами на кормѣ. Не успѣли мы снять съ головы фуражки, а господа уже съ нами раскланиваются. „Что значитъ икра!“ — говорили мы втихомолку. Итакъ каждый день занимались съ нами разговоромъ, спрашивали насъ о путешествіи нашемъ, а иногда спрашивали объ уральскихъ казачьихъ промыслахъ. Мы разсказывали имъ, какъ во время осенняго рыболовства плаваемъ ярыгами и какъ бываетъ багренное рыболовство. Указываемъ примѣрно, водя багоръ вверхъ и внизъ, поддѣваемъ осетровъ и бѣлугъ. Господа съ жадностію насъ выслушивали. Прочіе пассажиры, отпускные солдаты и съ златыхъ пріисковъ народъ удивлялись тому, что господа привѣтливо съ нами обращались. Мы еще болѣе стали слѣдить за каждымъ движеніемъ и старались къ ихнимъ услугамъ. Господа пойдутъ съ ружьями на охоту стрѣлять птицу и мы идемъ за ними, моментально сбросимъ съ себя верхнюю одежду и рубаху, бросаемся въ холодную воду и достанемъ застрѣленную птицу.

Когда пришелъ инженерскій пароходъ, Кноррингъ велѣлъ быть намъ готовыми къ пересадкѣ на его пароходъ. Мы и всѣ чиновники приготовились, связали каждый свой багажъ. Я побѣжалъ въ Чернѣеву купить на дорогу хлѣба. Но въ это время Кноррингъ получилъ телеграмму, въ которой телеграфировали, чтобы на пароходъ садилось не болѣе пяти человѣкъ, такъ какъ

пароходъ этотъ дойдетъ до извѣстнаго мѣста, а тамъ встрѣтитъ его пароходъ, иной, маленькій, а этотъ обратно пойдетъ въ Благовѣщенскъ. Получивъ эту телеграмму, Кнорингъ не зналъ, кого съ собой брать и кого оставлять. Наконецъ, рѣшилъ взять генералъ-прокурора съ секретаремъ и одного больного полковника съ женой. Генералъ Меликъ-Гайказовъ съ семействомъ, Ющенко, Литвиновъ и мы остались скучать въ Чернѣевой. На каждый день ожидали мы: вотъ придутъ маленькіе пароходы и насъ увезутъ, или вода прибудетъ,—и на этихъ уѣдемъ. Ждали 4 дня и ничего не дождались. На 5-й день пришелъ пароходъ сверху, который увезъ инженера Кнорринга съ прочими и сдалъ ихъ на маленькій пароходъ; самъ обратился въ Благовѣщенскъ. Командиръ предложилъ генералу Меликъ-Гайказову ѣхать съ нимъ въ Благовѣщенскъ. Гайказовъ рѣшился ѣхать обратно въ Благовѣщенскъ и уже оттуда чрезъ Владивостокъ моремъ до Кавказа. Намъ предлагалъ Гайказовъ ѣхать вмѣстѣ обратно морями. „Амуромъ вслѣдствіе мелководья не проѣдете,—говорилъ намъ Гайказовъ.—Вы напрасно и поѣхали черезъ Сибирь: вамъ лучше бы изъ Японіи направиться черезъ Америку и тогда скорѣе могли бы доѣхать на Уралъ. Теперь вамъ не пробраться черезъ Сибирь — навѣрно зазимуете въ Чернѣевой станицѣ“.

Смутились мы и не знали, что дѣлать: ѣхать ли съ генераломъ обратно, или ожидать удобнаго времени и пробираться черезъ Сибирь. Наконецъ, вспомнили слово, сказанное Кнорингомъ. Когда онъ отъѣзжалъ отъ насъ, то сказалъ: „Вы, уральцы, остаетесь, жаль мнѣ васъ, но все таки держитесь за Литвинова!“ Мы предчувствовали, что рано или поздно выѣдемъ съ Литвиновымъ, а не зазимуемъ. На предложеніе генерала мы не пожелали. „Нѣтъ, Ваше Превосходительство, обратно морями не поѣдемъ. Быть можетъ случайно придется и пѣшкомъ слѣдовать. Не излишне посмотрѣть намъ и сибирскія мѣста“.

Генералъ уѣхалъ обратно. Мы остались въ Чернѣевской обдумывать, какими судьбами пробираться намъ восвояси. Купить лодку и тянуться? Берега словно осыпаны сплошной галькой. Сухопутіемъ пробираться,—нѣтъ тѣлежной ѣзды, только небольшая тропинка извилисто тянется по горамъ и оврагамъ, покрытымъ густымъ лѣсомъ, по которой отъ времени до времени верховые вооруженные казаки возятъ простые пакеты, пока Амуръ не покроется льдомъ и ледъ не окрѣпнетъ, послѣ чего ѣзда бываетъ Амуромъ, а лѣса остаются непроходимыми; по нимъ только блуждаютъ бродяги, бѣжавшіе съ Сахалина острова и прочихъ каторжныхъ работъ. Мы вознамѣрились (все таки) ѣхать этой тро-

пинкой верхомъ и стали подряжать опытнаго казака провести насъ тайгой до Срѣтенска, 837 верстъ. Казакъ просилъ за проѣздъ 1 рубль съ каждой версты. Ющенко предлагалъ купить лодку и тянуться лямкой берегомъ; Литвиновъ—верхомъ ѣхать и въ лодкѣ тянуться не согласенъ, опасаясь бродягъ. Пока судили и рядили, какимъ путемъ пробираться восвояси—получилось извѣстіе, что правительство принимаетъ мѣры къ пріисканію мелководныхъ пароходовъ для передвиженія вверхъ по Амуру, какъ почты, такъ и народа. Находящіеся на пароходѣ пассажиры конечно радостно услыхали это извѣстіе и стали имѣть надежду, что на пароходахъ скоро доставятъ до Покровки. Прошелъ день, прошелъ другой и третій. Пассажиры отъ нечего дѣлать разнесли одно слово по каменистому берегу. Пока несется это слово обратно, откуда оно вышло,—оказывается къ нему уже пришито девять словъ такихъ. „Правительство тѣснитъ компаніи пароходовъ, на которыхъ мы пріѣхали,—говорили пассажиры,—чтобы выплатили пассажирамъ всѣ убытки: кто купилъ хлѣба, кто мяса, кто чего иного“. Вслѣдствіе скопленія множества на пароходахъ народа—цѣны на всѣ продукты въ Чернѣевой очень повысились: хлѣбъ по 17 к. и тотъ неудачный (прѣсный). Мясо и по 20 коп. за фунтъ дай, да его нѣтъ.

Въ ожиданіи мелководныхъ пароходовъ народъ утѣшался этими баснословіями. Наконецъ изъ Благовѣщенска пришелъ пароходъ. Толпившійся на берегу Амура народъ повалилъ къ пришедшему пароходу. Спросили, идутъ ли мелкоходные пароходы для передвиженія всѣхъ пассажировъ изъ Чернѣева къ Срѣтенску?—„Нѣтъ,—отвѣтилъ командиръ парохода,—даже объ этомъ ничего неизвѣстно. Идетъ только небольшой пароходъ подъ названіемъ „Зейка“ для снятія съ „Игнатьева“ парохода почты (который мы обогнали два дня тому назадъ). Ходъ его очень тихій—придетъ сюда не раньше—черезъ два дня. Вамъ располагать на него надежды нельзя, потому что пароходъ „Зейка“ очень маленькій, его одна почта загрузитъ“.

Это извѣстіе командиръ пришедшаго парохода влилъ людямъ на сердце, какъ ушатъ холодной воды. Въ это время одинъ пароходъ „Бурлакъ“ выгрузилъ часть товару и вознамѣрился пройти до Срѣтенска. Народъ потянулся вереницей къ „Бурлаку“. При пароходѣ находился самъ хозяинъ Машковичъ, изъ евреевъ. Машковичъ принималъ народъ по 4 рубля съ человѣка,—довести до Покровки. Мы также вознамѣрились уѣхать на „Бурлакѣ“. Ющенко и Литвиновъ наше рѣшеніе одобрили. „Въ случаѣ мы васъ на „Зейкѣ“ нагонимъ, говорили они, и будетъ мѣсто, то мы попросимъ командира принять васъ къ себѣ. А если вамъ не ѣхать на

„Бурлакѣ“, а на „Зейкѣ“ можетъ не окажется для васъ мѣста, какъ уже и было при отъѣздѣ Кнорринга: не токмо остались вы, даже генералу и намъ не пришлось уѣхать“.

Послѣ чего помѣстились мы на „Бурлакѣ“. Снялись съ пристани и отошли сажень сто, поданъ былъ съ почтоваго парохода знакъ, чтобы остановились. „Бурлакъ“ далъ задній ходъ, подошли къ почтовому пароходу. Командиръ сталъ просить Машковича принять съ почтоваго парохода 70 человѣкъ отпускныхъ солдатъ. Машковичъ согласился, принялъ солдатъ извѣстной цѣною до Покровки; тронулись въ ходъ. Подошли къ перекату, посилились черезъ него шагнуть, но не тутъ-то было: насъ ударило на мель, насилу сорвались съ нея и невесело поѣхали обратно въ Чернѣевку, чтобы снять часть тягости. Когда подъѣхали къ пристани, то на этомъ мѣстѣ стоялъ вновь пришедшій изъ Николаева пароходъ „Михаилъ Архистратигъ“, который тоже снималъ часть груза. Машковичъ приказалъ бросить якорь, выставили сходни. Пока выгружали товаръ, сдѣлалась опять ночь. По утру снова тронулись, вслѣдъ за нами пошелъ и почтовый пароходъ. Но и на этотъ разъ вышла неудача, и оба вернулись въ Чернѣевку. Наконецъ пароходъ „Михаилъ Архистратигъ“ сложилъ еще больше грузу и сталъ принимать къ себѣ пассажировъ только безъ багажа. Мы въ числѣ народу помѣстились на немъ. Литвиновъ также сталъ просить командира парохода принять его, но какъ у него багажу было болѣе 10 пудовъ, поэтому его на пароходъ не принимали. „Мы свой товаръ выгрузили, говорилъ командиръ, а чужую тягу будемъ принимать—этого нельзя. Безъ багажу, на легкихъ идите. Иначе нельзя“.—„Совѣстно будетъ вашему хозяину Шустову, когда я его увижу въ Срѣтенскѣ“, — сказалъ Литвиновъ.—„Почему такъ?“—спросилъ командиръ.—„Потому что вашъ хозяинъ раньше находился у насъ лѣтъ пять въ приказчикахъ и по милости нашей сталъ знаменитый купецъ, а вы меня не принимаете на пароходъ“.

— „Ну, если такъ, то помѣстимъ. Садитесь скорѣе, чрезъ четверть часа пойдемъ въ ходъ“.

9-го сентября, въ 10 ч. утра, снялись съ пристани и опять подошли къ перекату. Пассажировъ съ парохода высадили на берегъ, вытянули канатъ, дали ходъ впередъ во всѣ пары. Задѣли на лебедку и канатомъ, съ помощію всѣхъ людей, пароходъ потянулся кверху. Машинистъ и лоцманъ употребляли все искусство, нѣсколько разъ дѣлали задній ходъ и опять давали на всѣхъ парахъ ходъ впередъ. Пассажиры, въ свою очередь, изо всѣхъ силъ тащили за канатъ; и такъ съ великимъ трудомъ перешли этотъ препятственный перекатъ и постепенно на перекатахъ,

гдѣ на лебедку, гдѣ шестами, съ помощью народа подвигались впередъ.

Пройдя 200 верстъ, на лѣвомъ берегу Амура—станица Албазиха. Съ правой стороны въ Амуръ впадаетъ рѣка Албазиха, противъ ея устья виднѣются признаки бывшей казачьей крѣпости, изъ которой (какъ уже говорилось), болѣе 200 лѣтъ назадъ, часть казаковъ уведена китайцами въ плѣнъ. Отъ Албазихи, пройдя болѣе 200 верстъ, встрѣтилъ насъ пароходъ, шедшій изъ Срѣтенска, того же купца Иннокентія Яковлевича Шустова, подъ названіемъ „Батрачекъ". Онъ принялъ всѣхъ пассажировъ съ „Михаила Архистратига" и обратился въ Срѣтенскъ, а „Михаилъ" обратился въ Благовѣщенскъ. Проѣхали верстъ 70. Съ лѣвой стороны впадаетъ въ Амуръ рѣка Ольдой. Поднявшись выше по р. Амуру 100 в., впадаетъ рѣка Амазаръ. Пройдя 35 в. выше у Покровской станицы сошлись двѣ рѣки: лѣвая называется Шилка, а правая Аргунь.

Покровской станицей закончилась Амурская область. Съ этого урочища вверхъ по рѣкамъ начинается уже Забайкальская область. Поднявшись верстъ 100 рѣкой Шилкой, недалеко отъ берега рѣки Шилки виднѣется крѣпость Усть-Кара, извѣстная бывшая злая каторга, гдѣ изгибли десятки тысячъ народу, работавшихъ подъ землей. Пройдя еще 12 верстъ, „Бурлачекъ" залѣзъ на мель, и командиръ объявилъ народу, что дальше продолжать путь не въ силахъ. Вылѣзли мы на берегъ и пошли по горному берегу въ Шилкинскую крѣпость (5 в. — также бывшая каторга) въ числѣ 5 человѣкъ: съ нами шелъ Литвиновъ и Пензенской губерніи татаринъ. Въ Шилкиной наняли лодку за 50 рублей и на двухъ лошадяхъ тянули ее до Срѣтенска 100 верстъ. Не доѣхали версты 2 до Срѣтенска,—И. Я. Шустовъ, узнавъ, что Литвиновъ ѣдетъ съ нами въ лодкѣ, выѣхалъ на тарантасѣ встрѣтить Литвинова и, въѣхавъ на тарантасѣ въ воду, просилъ Литвинова изъ лодки сѣсть къ нему въ тарантасъ.—„Доѣду до пристани"—сказалъ Литвиновъ. Когда пристали къ берегу, Шустовъ вылѣзъ изъ тарантаса, подошелъ къ Литвинову и до трехъ разъ его поцѣловалъ. Литвиновъ сѣлъ на тарантасъ къ Шустову и уѣхали. Но черезъ полчаса пріѣхалъ и за нами на берегъ человѣкъ отъ Шустова. Для насъ очищенъ былъ флигель, въ которомъ помѣстились мы втроемъ. Татаринъ, ѣхавшій съ нами, помѣстился у купца изъ татаръ.

У Шустова находился человѣкъ, который признался: Я былъ Уральскаго войска казакъ, Кирсановской станицы, Григорій Петровъ Рашковъ. Лѣтъ 35 тому назадъ, былъ на службѣ въ фортѣ Александровскомъ, у Каспійскаго моря; сдѣлалъ преступленіе, за что сосланъ былъ на 12 лѣтъ въ каторгу и отработалъ свой

срокъ въ Усть-Карѣ. На Уралѣ остались отецъ, мать, жена и дѣти. „Знаете ли вы ихъ и есть ли кто изъ нихъ живъ?“—спросилъ онъ меня.

— „Слыхалъ я, что отецъ вашъ и мать померли, а жену и дочь вашу не знаю,—отвѣтилъ я,—такъ какъ живемъ мы въ разныхъ поселкахъ“. Я незнаніемъ отвѣтилъ потому, что послѣ его ссылки жена вскорѣ же вышла замужъ за казака Антона Ч—ва и дочь была выдана замужъ.

Изъ Срѣтенска Литвиновъ подавалъ телеграмму въ Ханькоу своимъ товарищамъ; получилъ отвѣтъ, что по его отъѣздѣ гор. Ханькоу (китайская часть) сгорѣла и болѣе 3,000 душъ сгорѣло китайцевъ.

Въ Срѣтенскѣ пробыли мы 4 сутокъ.

25-го сентября, въ 3 ч. дня, на ямскихъ двухъ тройкахъ выѣхали мы съ Литвиновымъ изъ Срѣтенска. 26-го пріѣхали въ Нерчинскъ (отъ Срѣтенска до Нерчинска 103 версты).

Не доѣзжая 110 верстъ до Читы, на станціи Кайдаловой переходитъ рѣку Ингоду манчжурская желѣзная дорога.

29-го пріѣхали въ Читу, областной городъ Забайкальской Области. Городъ Чита окруженъ густымъ хвойнымъ лѣсомъ, почва земли песчаная.

1-го октября выѣхали изъ Читы, 4-го пріѣхали въ Верхнеудинскъ, 5-го октября, въ 8 ч. утра, выѣхали изъ Верхнеудинска на четверкѣ въ одномъ экипажѣ. Литвиновъ направился въ Кяхту, и послѣ того мы его уже не видали.

Изъ Верхнеудинска вмѣстѣ съ нами выѣхали въ трехъ экипажахъ двое инженеровъ, полковникъ и капитанъ изъ Манчжуріи. Полковникъ — предсѣдатель военно-судной комиссіи. Съ этими господами мы ѣхали вмѣстѣ до Байкала.

На станціи Бояровкѣ скопилось множество народу, по двое сутокъ ожидавшихъ почтовыхъ лошадей.

Ѣхавшіе съ нами господа подорожныя имѣли по казенной надобности, которымъ дали лошадей безъ задержки. Мы, какъ проѣзжали частно, (то) намъ приходилось ожидать очереди; но господа не захотѣли оставить насъ (какъ вмѣстѣ съ ними ѣхали 700 верстъ) и разобрали насъ по одному человѣку въ свои экипажи. Я помѣстился къ полковнику-инженеру. На пути, не доѣхавши верстъ 10 до Байкала, полковникъ сказалъ мнѣ: — „Хохловъ!“ — „Чего изволите, ваше высокоблагородіе? — „Хорошо бы намъ сегодня переѣхать черезъ Байкалъ“. — „Или что замѣчаете вы, ваше благородіе?“ — „Да, завтра будетъ сильный вѣтеръ“. Я улыбнулся на отвѣтъ, ничего ему не сказавши. — „Не вѣришь ты мнѣ, что я говорю?“ — „Можетъ быть, сказали вы правду, но я въ вашей правдѣ могу убѣдиться только завтра“, — отвѣтилъ я,

6-го октября, въ 9 ч. утра пріѣхали въ Мысовую, подъѣхали къ пристани, спросили: пойдетъ ли сегодня пароходъ черезъ Байкалъ въ Лиственничную?—Нѣтъ, отвѣтили намъ. Мы помѣстились въ гостиницѣ на берегу. Погода была тихая. На утренней зарѣ (слѣдующаго дня) я всталъ посмотрѣть, есть ли вѣтеръ или нѣтъ. Погода была тихая и ясная. „Его высокоблагородіе не угадали о погодѣ“, — сказалъ я товарищамъ. Инженеръ въ это время всталъ и вышелъ въ коридоръ умыться. — „Что ты говоришь, казакъ?“ — спросилъ меня полковникъ. — „Ошиблись вы; сказали, что будетъ сильный вѣтеръ, а погода сегодня тихая“. — „Не торопись, а вотъ, что будетъ къ 10 часамъ“. Я на время прикусилъ языкъ. Въ 8 ч. утра потянулъ съ востока вѣтеръ, на Байкалѣ заиграли волны, къ 12 часамъ такъ сильно разъигралось, что баржа, (которую велъ на буксирѣ пароходъ), отъ волнъ разбилась, а чай, которымъ она была нагружена, (до 3 т. пудовъ), разнесло по Байкалу.—„Ну, не правду ли я тебѣ сказалъ, казакъ, что будетъ вѣтеръ? — „Вѣрно, не ошиблись, ваше высокоблагородіе“, — отвѣтилъ я.

Дѣйствительно, вѣтеръ весь день не затихалъ, и пароходъ остановился до другого дня.

На утренней зарѣ *8-го октября,* народъ потянулся на пароходъ. Мы тоже купили пароходные билеты. Въ 6 ч. утра, пароходъ снялся. Вѣтеръ хотя затихалъ, но Байкалъ, расколыхавшійся довольно, бушевалъ. Переѣхавши глубокій Байкалъ (до 500 с. глубины), (прибыли мы) на пристань Лиственичную, гдѣ таможенство осматриваютъ всѣ заграничные товары и берутъ пошлину: за чай 49 к. съ фунта, за шелковые японскіе товары 16 р. съ фунта.

Въ Восточной Сибири, на разстояніи 4000 верстъ, русскіе и инородцы чай употребляютъ цѣною 20 коп. за фунтъ. Переѣхавши Байкалъ, въ Иркутскѣ, этотъ же чай будетъ стоить 75 к. за фунтъ. Пройдя черезъ таможню, мы пересѣли на другой пароходъ, который вышелъ изъ Байкала въ Ангару. Къ вечеру пріѣхали въ г. Иркутскъ, отъ Байкала 60 верстъ.

Въ Иркутскѣ находятся до 40 человѣкъ нашихъ уральцевъ, высланныхъ по введенію новаго положенія въ Уральскомъ казачьемъ войскѣ 1874 г., о которыхъ намъ сказывали въ Шанхаѣ и въ Нагасакахъ. Вотъ мы пріѣхали неожиданно къ своимъ бывшимъ уральцамъ. Въ числѣ ихъ есть наши станишники и родственники. Погостили мы у нихъ 4 сутокъ.

12-го октября, въ 9 ч. вечера изъ Иркутска выѣхали по желѣзной дорогѣ, а 16-го, въ 10 ч. утра, подъѣхали къ рѣкѣ Енисею, черезъ который переѣхали на пароходѣ въ Красноярскъ.

22-го, въ 10 ч. утра пріѣхали въ Кинель. а 23 октября въ Новосергіево.

Изъ Новосергіева наняли извозчика, который насъ доставилъ къ Барышникову на хуторъ. *24-го октября*, на утренней зарѣ, выѣхалъ я на парѣ лошадяхъ отъ Барышникова до Ранневскаго поселка, а въ 7 ч. вечера былъ въ Январцевѣ, гдѣ меня ожидало на каждый день мое семейство.

11-го декабря 1898 года я послалъ письмо въ Константинопольскій патріархатъ на имя секретаря вселенской патріархіи, на которое получилъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

„Почтенный

„Григорій Терентьевичъ!

„Письмо ваше отъ 11 декабря я получилъ вчера вечеромъ и спѣшу отвѣтить вамъ, хотя, къ сожалѣнію, отвѣтъ мой будетъ не такимъ, какимъ бы вы его ожидали, послѣ такого долгаго времени. Съ назначеніемъ новаго предсѣдателя *) комиссіи по вашему вопросу можно было надѣяться, что дѣло скоро придетъ къ концу. Однако, до сихъ поръ ничего почти не сдѣлано. Причина этого — множество обязанностей, возложенныхъ на предсѣдателя, помимо вашего вопроса. Поэтому я совѣтовалъ бы вамъ обратиться съ новымъ прошеніемъ къ патріарху, на русскомъ языкѣ, и попросить объ ускореніи дѣла. Можетъ быть, такое напоминаніе вызоветъ какое-нибудь болѣе практическое рѣшеніе синода, чѣмъ назначеніе комиссіи.

„Комиссіи всегда работаютъ медленно, особенно у насъ, гдѣ члены ихъ обременены многими и разнообразными обязанностями.

„Привѣтствую васъ съ наступающимъ праздникомъ Рождества Христова и съ наступающимъ новымъ годомъ и прошу передать поклонъ вашимъ товарищамъ, съ которыми я познакомился.

„Сейчасъ пойду въ телеграфъ и, если скажутъ мнѣ, что можно отправить телеграмму по указанію въ вашемъ письмѣ, пришлю вамъ таковую, иначе, я ограничусь этимъ письмомъ.

Вашъ другъ

Христо-Папаіоанну“.

24-го декабря 1898 г.

Товарищъ мой, Барышниковъ, въ первыхъ числахъ декабря того же года подавалъ изъ Оренбурга телеграмму на имя Все-

*) Послѣ отбытія Анхіальскаго митрополита Василія въ свою епархію, предсѣдателемъ комиссіи назначенъ митрополитъ Родосскій Константинъ. (Прим. автова.)

ленскаго патріарха, на которую я получилъ отвѣтъ отъ секретаря слѣдующаго содержанія:

„Господинъ Григорій Терентьевичъ!

„На дняхъ получена изъ Оренбурга телеграмма на имя его Святѣйшества патріарха, которою просятъ увѣдомить телеграфнымъ путемъ о ходѣ поданнаго вами 3-го іюня 1898 г. прошенія. Телеграмма эта прочитана была въ Св. Синодѣ, откуда препровождена была въ комиссію, существующую по вашему вопросу. Что же касается требуемаго телеграфнаго отвѣта, то этой просьбы рѣшено было не удовлетворять, а отложить всякій отвѣтъ до окончанія дѣла комиссіи. Но когда это будетъ, никто не знаетъ. Все зависитъ отъ усердія предсѣдателя комиссіи, который, заваленный многими болѣе неотложными дѣлами, до сихъ поръ не могъ заняться серьезно вашимъ вопросомъ. Во всякомъ случаѣ, я совѣтовалъ бы вамъ не тратить напрасно деньги на телеграммы, а если нужно, посылайте лучше повторительное прошеніе объ ускореніи дѣла.

„Обо всемъ этомъ я счелъ нужнымъ увѣдомить васъ, чтобы вы знали, въ какомъ положеніи находится ваше дѣло.

Христо-Папаіоаннъ“.

Константинополь.
4-го февраля 1899 г.

По полученіи этого письма я отнесся просительнымъ письмомъ на имя Вселенскаго патріарха такого содержанія:

„Ваше Святѣйшество!

„Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1898 года я, вмѣстѣ съ другими моими товарищами, имѣлъ счастіе передать на Ваше благосклонное разрѣшеніе нѣсколько вопросовъ объ Амвросіи, митрополитѣ Босносараевскомъ. Вопросы эти были переданы въ особую комиссію на обсужденіе, но почему-то до сихъ поръ разрѣшеніе ихъ замедлилось. Между тѣмъ разрѣшеніе ихъ для насъ имѣетъ громадный религіозный интересъ, и разрѣшенія этихъ вопросовъ ждутъ тысячи людей. Эти изложенныя соображенія заставляютъ меня утруждать Васъ, Ваше Святѣйшество, просьбою, не найдется ли возможнымъ ускорить разрѣшеніе выставленныхъ мною вопросовъ. Объ этомъ прошу я и масса народа, которые до воспослѣдованія этого рѣшенія будутъ пребывать въ религіозномъ сомнѣніи.

„Вашего Святѣйшества покорнѣйшій слуга, казакъ Григорій Терентьевъ Хохловъ“.

На прошеніе это отвѣта не получалъ и по сіе время.

Конецъ.

Библиотека Госуд. Центр. Музея Народоведения
Инв. №

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 3

Глава I. Поводы къ путешествію. — Разсказы о Бѣловодскомъ царствѣ. — Маршрутъ инока Марка. — Первая попытка путешествія казаковъ по почину донскаго казака Шапошникова. — Появленіе на Уралѣ „архіепископа“ Аркадія, якобы поставленнаго въ Бѣловодіи. — Сомнѣнія въ подлинности его. 13

Глава II. Съѣздъ въ Кирсановскомъ поселкѣ и выборъ депутатовъ для новаго путешествія въ Бѣловодію. — Отъѣздъ. — Встрѣча съ бывшимъ крѣпостнымъ человѣкомъ. — „Зайчикъ“ въ вагонѣ. — Новочеркасскъ. — Ростовъ. — Таганрогъ. — Екатеринославъ. — Одесса. — Пароходъ „Царь“. — Отправленіе войскъ на Критъ. — Прибытіе въ Константинополь. — Перевозчики и ихъ вымогательство. — Затрудненіе въ турецкой таможнѣ изъ-за револьверовъ. — Андреевское подворье. — Прошеніе, поданное казаками Константинопольскому патріарху съ вопросными пунктами объ митрополитѣ Амвросіи 17

Глава III. Новыя затрудненія изъ-за оружія. — Поѣздка по подземной дорогѣ. — Парадъ и высочайшій смотръ въ Константинополѣ. — Разговоръ съ турками о войнѣ и опасность столкновенія. — Разговоръ съ грекомъ. — Султанскія жены. — Церковь Балыклейская и ея преданіе. — Исторія завоеванія Константинополя турками. — Въ турецкомъ правленіи. — Отъѣздъ изъ Константинополя 22

Глава IV. Мраморное море. — Санъ-Стефано. — Дарданеллы. — Архипелагъ. — Аѳонъ. — „Автоподы“. — Салоники. — Новыя затрудненія изъ-за патроновъ. — Церковь Дмитрія Солуньскаго. — Гробница и образъ. — Сомнѣнія по поводу славянской надписи. — Вѣнчаніе въ столовой подворья. — Церковь Великомученика Георгія. — Недоразумѣніе съ турецкимъ паспортомъ. — Волокита по турецкимъ присутственнымъ мѣстамъ. — Смирна. — Казачья слобода въ Турціи. — О росномъ ладанѣ. — Городъ Хіо. — Островъ Патмосъ. — Родосъ. 31

Глава V. Островъ Кипръ и гор. Лемносъ. — Встрѣча со священникомъ. — Городъ Ларнакъ. — Посѣщеніе Лазарева монастыря. — Икона, писанная св. Лукой. — Гор. Бейрутъ. — Сидонъ. — Г. Тиръ. — Акра. — Кяфа и гора Кармилъ. — Размышленіе о религіозномъ высокомѣріи. — Гор. Яффа, Лидда, Рамла, Язуръ, Потдеджанъ (Бетъ-Дагонъ). — Прибытіе въ Іерусалимъ. 40

Глава VI. Въ Іерусалимѣ. — Поѣздка на Іорданъ къ Мертвому морю. — „Дворъ добраго Самарянина". — Домъ богатаго Закхея. — Іерихонъ. — Растительность. — Случай на Іорданѣ. — Источникъ пророка Елисея. — Нищіе. — Воскресенская церковь и гробъ Господень. — Разсказъ о появленіи огня. — О Палестинѣ. — Отъѣздъ изъ Іерусалима. 49

Глава VII. Отплытіе изъ Яффы. — Молодой монахъ и келейница. — Портъ-Саидъ. — Затрудненіе съ пароходами и остановка въ Портъ-Саидѣ. — Празднованіе дня французской республики. — Состязанія французовъ и англичанъ. — О переводчикахъ. — Прибытіе парохода „Херсонъ". — Встрѣча съ донскими казаками. — Непреклонный капитанъ. — Начальникъ Палестинскаго Общества. — Неудача съ „Херсономъ". — Отплытіе на французскомъ пароходѣ. — Разговоры съ французами. — Картина, изображающая русско-французскую дружбу. — Суэцкій каналъ и Черное море. — Преданіе о „фараонахъ", выходящихъ изъ моря. — Дельфины. — Буря въ Индійскомъ океанѣ. — Островъ Цейлонъ и городъ Коломбо. 57

Глава VIII. Отплытіе изъ Коломбо. — Островъ Суматра. — Полуостровъ Малакка. — Сингапуръ. — Играющіе молодые туземцы. — Поѣздка на „двуногой лошадкѣ". — Споръ съ извощикомъ. — Русское консульство. — Разговоръ о православныхъ церквахъ на Малаккѣ. — Неправильность одной части разсказа Аркадія. — Сингапурскій арбузъ. — Отплытіе изъ Сингапура. 67

Глава IX. Прибытіе къ гор. Сайгону. — Колокольный звонъ на зарѣ. — Новыя надежды. — Поѣздка по Сайгону на звонъ колоколовъ. — Католическая церковь. — Блужданіе по городу. — Неудобства незнанія языковъ. — Счастливая встрѣча съ французомъ. — Французское консульство. — Мѣна денегъ; ошибка мѣнялы, желавшаго обмануть иностранцевъ. — Удивленіе жителей при видѣ русскихъ. — Умная обезьяна. — Встрѣча съ господиномъ Куликовскимъ и его объясненія. — Убѣжденіе въ самозванствѣ Аркадія укрѣпляется. — Случай изъ прошлаго. — Отплытіе изъ Сайгона. — Буря. 73

Глава X. Гонгъ-Конгъ. — Бѣлая вода въ морѣ и новыя гаданія о Бѣловодіи. — Рѣка Кіанга (Янъ-тсе-Кіангъ) и китайскій городъ Шанхай. — Чайныя плантаціи. — Приготовленіе чая. — Грязные топтальщики. — Вѣрованія китайцевъ: многобожіе. — Жертва (поддѣльныя деньги). — Сѣченіе боговъ. — Десять заповѣдей. — Праздникъ Дракона — Нравы. — Разсказъ казака Плюснина о китайцахъ-христіанахъ. — Албазинцы (окитаившіеся казаки). — Посѣщеніе русскаго консульства и разспросы. — Русскихъ церк-

вей на китайскихъ островахъ нѣтъ. — Переѣздъ въ Японію. — Городъ Нагасаки. — Посѣщеніе Нагасакскаго консульства и разговоръ въ русскомъ пароходномъ агентствѣ. — На японскихъ островахъ старинныхъ русскихъ церквей нѣтъ. — О японцахъ . 85

Глава XI. Отплытіе изъ Японіи. — Смерчъ. — Прибытіе во Владивостокъ. — Случай съ двумя офицерами. — Встрѣча съ казачьимъ офицеромъ оренбургскаго войска. — Гдѣ истинная вѣра? — Бѣдствующій отрядъ уральцевъ подъ Владивостокомъ. — Неудачное переселеніе и бунтъ. — Хабаровскъ. — Позднее разслѣдованіе о пригодности земель для поселенія. — Плаваніе по Амуру. — Китайскій городъ Айгунъ. — Благовѣщенскъ. — Разсказы о грабежахъ и убійствахъ. — Гилюй. — Хищники золота. — Какъ было бы лучше устроить золотую промышленность 94

Глава XII. Продолженіе плаванія по Амуру. — На пароходѣ „Графъ Игнатьевъ“. — На Чернѣевскомъ перекатѣ. — „Услуга господамъ“. — Плаваніе на „Бурлакѣ“. — Альбазиха. — Слобода Покровская. — Усть-Кара. — Шилкинская крѣпость. — Встрѣча со ссыльнымъ уральцемъ. — На лошадяхъ въ Нерчинскъ. — Чита. — Верхнеудинскъ. — Байкалъ. — Удачное предсказаніе погоды. — Иркутскъ. — Ссыльные уральцы. — Красноярскъ. — Возвращеніе домой. — Переписка съ Константинопольскимъ патріархомъ. 99

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

STALL STUDY
CHARGE

3 2044 012 584 553